

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ГРЭМ ГРИН

Ведомство страха

“ВЕСТНИКИ”
Альманах

Annotation

Грэм Грин – выдающийся английский писатель XX века – во время Второй мировой войны был связан с британскими разведывательными службами. Его глубоко психологический роман «Ведомство страха» относится именно к этому времени.

- [Грэм Грин. Ведомство страха](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)

- III
- Глава вторая
 - I
 - II
- Глава третья
 - I
 - II
- Глава четвёртая
 - I
- Глава пятая
 - I
- Глава шестая
 - I
 - II
 - III
- Глава седьмая
 - I
 - II

- Книга вторая
 - Глава первая
 - I
 - II
 - III
 - IV
 - V
 - VI
 - VII
 - Глава вторая
 - I
 - II
 - III
- Книга третья
 - Глава первая
 - I
 - II
 - III

- Глава вторая
 - I
 - II
 - Глава третья
 - I
 - Книга четвёртая
 - Глава первая
 - I
 - II
 - III
 - IV
 - notes
 - 1
-

Грэм Грин.

Ведомство страха

Книга первая НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Глава первая

МАТЕРИ СВОБОДНОГО МИРА

*Никто не проходит без
пропуска.*

*«Маленький
герцог»*

I

Артура Роу неудержимо влекло к народным гуляньям: стоило ему издалека услышать рёв духового оркестра или стук деревянных шаров о кокосовые орехи, и он уже не мог с

собой совладать. В этом году кокосовых орехов не было: в мире шла война – это было заметно по неряшливым пустырям между домами, по сплюснутому камину, прилепившемуся к полуразрушенной стене, по обломкам зеркала и обрывкам зелёных обоев, по звуку сметаемых с мостовой осколков стекла в солнечный полдень, похожему на ленивое шуршание гальки во время прилива. В остальном площадь в Блумсбери, разукрашенная флагами Свободных Наций и пёстрыми вымпелами, припасёнными ещё со времён королевы Виктории, выглядела превосходно.

Артур Роу с завистью поглядел за ограду — ограду ещё не разбомбило. Гулянье привлекало его как непорочное детство, оно напоминало о ранней поре его жизни: сад священника, девочек в летних белых платьях, запах душистых трав на клумбах, безопасность. У него и в мыслях не было насмехаться над таким наивным способом собирать деньги на добрые дела. Тут был неприменный участник всякого благотворительного базара — священник, наблюдавший за не слишком азартной игрой; старая дама в длинном платье с цветочками и в шляпе с большими полями. Они

ВЗВОЛНОВАННО хлопотали возле «ПОИСКОВ клада» (нечто вроде детской площадки, разделённой столбиками на участки); а когда станет вечереть— базар придётся закрыть пораньше, в городе затемнение, — посетители с жаром примутся работать лопатками. В углу, под платаном, стоял шатёр гадалки, если эта будочка не была временной уборной. В летние воскресные сумерки все тут выглядело прелестно. Глаза Артура Роу наполнились слезами, когда маленький военный оркестр заиграл полузабытую песню времён прошлой войны:

Что б ни сулила судьба,
Я помнить буду всегда
Тот солнечный горный
склон...

Шагая вдоль решётки, он шёл прямо навстречу своей судьбе: пенсы со стуком падали по желобку в ящик от шахмат, но пенсов было немного. На гулянье пришло мало людей, павильонов было только три, и публика к ним не подходила. Если уж тратить деньги, то лучше рискнуть на выигрыш, поискав «клад».

Роу медленно шёл вдоль решётки, как незваный гость или беглец, вернувшийся домой спустя

много лет и не уверенный, что ему будут рады.

Это был высокий, худощавый, сутулый человек с седеющими чёрными волосами, продолговатым, резко очерченным лицом, чуть кривым носом и слишком нежным ртом. Одет он был хорошо, но как-то небрежно: по виду типичный холостяк, и все же нечто неуловимое выдавало в нем человека женатого.

— Плата за вход — один шиллинг, — сказала пожилая дама у входа, — но, по-моему, это несправедливо. Обождите минут пять, и вы сможете войти по льготной цене. Моя обязанность предупреждать публику, когда время

подходит к концу.

— Вы очень любезны.

— Мы не хотим, чтобы люди считали нас обманщиками, даже в благотворительных целях.

— И тем не менее я, пожалуй, не стану ждать. А в чью пользу устроен этот базар?

— В помощь Свободным матерям, то есть Матерям свободных наций.

Артур Роу радостно вернулся обратно в отрочество, в детство. В это время года в саду у священника, в стороне от Трампингтон-роуд, всегда устраивали благотворительный базар. За импровизированной эстрадой для оркестра расстилались ровные

кембриджширские поля, а возле ручья, где водилась колюшка, около мелового карьера, на склоне пригорков, которые в здешних местах зовутся холмами, росли подстриженные ивы. Он каждый год ходил на эти гулянья с каким-то тайным волнением, как будто там случится что-то необыкновенное и привычный ход жизни сразу переменится навсегда. В тёплых лучах заходящего солнца бил барабан, медные трубы дрожали, как в мареве, и незнакомые лица молодых женщин смешивались в его сознании с лицами хозяйки универмага миссис Труп, учительницы воскресной школы

мисс Сэведж, жён трактирщика и священника. Когда он был ребёнком, Роу обходил с матерью все киоски с розовыми вязаными фуфайками, с художественной керамикой и напоследок самый интересный из них — с белыми слонами. Ему казалось, что там, на прилавке с белыми слонами, можно найти волшебный перстень, который исполнит три заветных желания. И поразительно, что, вернувшись домой вечером с одной лишь подержанной книжкой «Маленький герцог» Шарлотты Йонг или устаревшим атласом-рекламой индийского чая, мальчик не испытывал ни малейшего

разочарования; он уносил с собой гудение медных труб, ощущение праздника, веру в будущее, более героическое, чем будничное сегодня. В отрочестве его стало увлекать другое: в саду священника он надеялся встретить девушку, которую никогда ещё не видел; язык его осмелеет, он с ней заговорит, а вечером на лужайке запахнут левкоями и начнутся танцы. Но так как мечты эти не сбылись, от той поры осталось только ощущение невинности... И приятного волнения. Он не мог поверить, что, когда войдёт в ворота и ступит на траву под платанами, его там ничего не ждёт, хотя теперь он мечтал не о

девушке и не о волшебном перстне, а о чем-то куда менее доступном: о забвении того, что случилось с ним за последние двадцать лет. Сердце его билось, оркестр гремел, а в усталом мозгу снова воцарилось детство.

— Попробуйте счастья, сэр, — певучим баритоном предложил священник; он, несомненно, исполнял романсы на благотворительных вечерах.

— А вы мне не разменяете шиллинг на медяки?

— Тринадцать на шиллинг, сэр.

Артур Роу стал бросать одно пенни за другим на покатый желобок и следить, как они падают в ящик.

– Сегодня вам не везёт, сэр. А что, если рискнуть ещё шиллингом для доброго дела?

Под маленьким тентом на прилавке стоял кекс, окружённый небольшой группой восхищённых зевак. Какая-то дама объясняла:

– Мы сложились, пожертвовав свои карточки на масло, а мистеру Тэтхему удалось достать смородину. – Она обратилась к Артуру Роу: – Может, возьмёте билетик и угадаете вес?

Он поднял кекс и сказал наугад;

– Полтора килограмма.

– Довольно точно. Видно, ваша жена вас кое-чему научила.

Он дёрнулся и отошёл в сторону.

– Нет, я не женат...

Война очень усложнила задачу устроителей: в одном из киосков не было почти ничего, кроме подержанных авторучек военного образца, другой был кое-как заполнен причудливым набором ношеной одежды – старомодным отрепьем: нижними юбками с карманами, высокими кружевными воротниками на китовом усе, вытащенными из столетних сундуков и наконец-то выброшенными в пользу Свободных матерей; корсетами, звеневшими, как вериги. Детская одежда занимала теперь мало места – шерсть выдавали по карточкам, а ношенные вещи могли

пригодиться друзьям. Третий киоск был традиционный — с белыми слонами, хотя чёрных слонов тут было больше: семьи, жившие в Индии, пожертвовали коллекции своих слонов из чёрного дерева. Там же лежали медные пепельницы; вышитые спичечницы, в которых давным-давно не держали спичек; книги, слишком потрёпанные для книжного киоска; два альбома с почтовыми открытками; серия открыток на сюжеты из Диккенса; никелированная сковорода, длинный розовый мундштук; несколько чеканных коробочек из Бенареса, открытки с автографом жены Уинстона Черчилля и тарелки с

медными монетами разных стран... Артур Роу стал перебирать книги и с болью в сердце обнаружил ветхий томик «Маленького герцога». Он заплатил за него шесть пенсов и побрёл дальше. Даже в сегодняшней ясной погоде ему чудилось что-то грозное: между платанами, затенявшими площадку для поисков клада, виднелась разрушенная сторона площади.

Он, конечно, не удержался и принял участие в поисках клада, хотя и в этом сказался упадок, если посмотреть

на приз. А потом не нашёл для себя ничего интересного, кроме гадалки, — оказалось, что в будочке

действительно сидит гадалка. Вход прикрывала занавеска, привезённая кем-то из Алжира. Одна из пожилых дам схватила его за руку:

— Непременно, непременно сходите! Миссис Беллэйрс гадает просто поразительно! Она сказала моему сыну... — И, вцепившись в проходившую мимо даму, тяжело дыша, договорила: — Я рассказываю этому джентльмену о нашей замечательной миссис Беллэйрс и о моем сыне...

— О котором? О младшем?

— Да, о Джеке.

Воспользовавшись этой заминкой, Роу сбежал. Солнце уже заходило, сад пустел, время было

выкапывать клад и сматываться, пока не наступили ночь, затемнение и не завывали сирены. Ему столько раз предсказывали судьбу — и у деревенской изгороди, и на картах в пароходном салоне, но всегда хочется ещё раз послушать, что тебя ждёт, даже от любительницы на благотворительном базаре. Все равно какое-то время.будешь верить в дальнюю дорогу, в темноволосую незнакомку и в письмо с добрыми вестями.

Роу поднял занавеску и ощупью стал пробираться внутрь.

В шатре было очень темно, и он с трудом разглядел миссис Беллэйрс — тучную фигуру, задрапированную в

какое-то траурное тряпье. Его поразил её сильный грудной голос, звучавший убедительно; Роу ожидал, что услышит смущённое щебетание дамы, которая любит рисовать акварелью.

— Садитесь, пожалуйста, и посеребрите мне руку.

— Тут так темно...

Но теперь он уже мог кое-что разглядеть: на ней был крестьянский наряд с высоким головным убором и закинутой на спину вуалью. Он нашёл полкроны и перекрестил монетой ладонь гадалки.

— Дайте вашу руку.

Он протянул руку и почувствовал, что её крепко

схватили, как будто гадалка хотела внушить ему, чтобы он не ждал от неё пощады. Свет ночника падал на пояс Венеры, на крестики, которые предсказывают потомство, на длинную-длинную линию жизни...

— У вас тут очень современно. Вот даже ночник электрический.

Она пропустила шутку мимо ушей и сказала:

— Сначала характер, затем прошлое; закон запрещает открывать будущее. Вы человек решительный, с воображением, чувствительный к чужим страданиям, но вам порою кажется, что вам не дают возможности проявить свои таланты. Вам хочется совершать великие дела,

а не предаваться мечтам. Не огорчайтесь. В конце концов, вы же сделали женщину счастливой!

Он попробовал отнять руку, но её так крепко держали, что ему пришлось бы вырывать её силой. Она продолжала:

— Вы нашли душевное удовлетворение в счастливом браке. Но все же постарайтесь быть терпимее. Теперь я поведаю вам о прошлом.

— Не надо о прошлом, — поспешно сказал он. — Расскажите о будущем.

Казалось, он ненароком нажал кнопку, и машина остановилась. Воцарилась странная тишина. Он не

рассчитывал, что заставит гадалку замолчать, хотя его и пугало то, что она скажет: ведь даже неточный рассказ о том, что умерло, может причинить такую же боль, как и правда. Он отдёргнул руку, её больше не удерживали. Ему стало неловко, что он продолжает сидеть, но миссис Беллэйрс сказала:

– Мои инструкции таковы: вам нужно получить кекс. Скажите, что он весит два кило пятьдесят пять граммов,

– А разве он столько весит?

– Это не имеет значения.

Он напряжённо думал, разглядывая левую руку миссис Беллэйрс, на которую сейчас падал

свет, – широкую безобразную кисть с короткими, обрубленными пальцами, унизированными крупными перстнями кустарной работы. Кто дал ей инструкции? Может, она подразумевает духов? А если так, то почему её выбор пал на него и она помогает ему выиграть кекс?

Может быть, это просто уловка? Она называет своим клиентам разные цифры, рассчитывая получить в виде комиссии хотя бы кусок кекса? Он улыбнулся в темноте. Да, кекс, особенно хороший кекс, в эти дни – диковина.

– Теперь идите, – сказала миссис Беллэйрс.

– Большое спасибо.

Подумав, что он может, ничем не рискуя, воспользоваться её подсказкой, Роу вернулся к киоску, где стоял кекс. Сад был уже почти пуст, но кекс по-прежнему окружала небольшая толпа, и ей-богу, это был великолепный кекс. Роу всегда любил печенье, особенно сдобное и темно-коричневые домашние кексы с цукатами, которые почему-то отдают пивом. Он сказал даме в киоске:

— Вы будете считать меня жадиной, если я рискну ещё шестью пенсами?

— Нет. Пожалуйста.

— Ну тогда его вес — два кило пятьдесят пять граммов.

Он снова заметил, что

наступила странная тишина, как будто весь день они только и дожидались этих слов, но почему-то не рассчитывали, что произнесёт их именно он. Потом какая-то толстуха, наблюдавшая эту сцену из-за спин зевак, разразилась добродушным смехом:

– Силы небесные! Сразу видать, что холостой!

– А между тем этот джентльмен выиграл, – сурово одёрнула её дама в киоске. – Он ошибся всего на несколько граммов. Можем считать, что это прямое попадание! – добавила она, нервно хихикнув.

– Два кило пятьдесят пять граммов! – воскликнула толстуха. –

Ну тогда берегитесь! Значит, он тяжёлый как камень.

— Наоборот, он сделан из настоящих яиц. Толстуха удалилась с язвительным смехом.

Когда ему вручали кекс, снова воцарилась непонятная тишина; его молча обступили три пожилые дамы и священник, который бросил свою шахматную доску. Подняв голову, Роу увидел, что и гадалка тоже на него смотрит, откинув занавеску своего шатра. Ему были куда приятнее насмешки толстухи: в них было что-то здоровое, чистосердечное, а у этих, вокруг него, чувствовалось такое нервное напряжение, будто они присутствовали при каком-то

важном событии. Потребность сызнова пережить детство завела его в какие-то дебри, где и не пахло невинностью. В Кембриджшире не бывало ничего подобного. Спустились сумерки, и устроители начали закрывать базар. Проплыла к выходу толстуха, неся под мышкой корсет (обёртывать покупки запрещалось из-за нехватки бумаги). Артур Роу пробормотал:

– Спасибо! Большое спасибо!

Он так отчётливо ощущал, как его со всех сторон окружает кольцо людей, что на миг даже усомнился, дадут ли ему дорогу. Но, как и надо было ожидать, молчание прервал священник; он взял Роу под руку и

слегка её пожал.

— Молодец! — сказал он. —
Молодец!

Поиски клада тоже спешили закончить — тут уж Роу ничего не досталось. Он стоял и смотрел на игру, держа свой кекс и «Маленького герцога».

— Мы и так запаздываем, — сетовала дама, подрагивая полями шляпы.

Несмотря на поздний час, ещё один посетитель не поскупился заплатить за полный билет. Подъехало такси, и какой-то человек опрометью кинулся в шатёр гадалки — так грешник перед неминуемой смертью бросается в исповедальню.

Кто это: ещё один веривший в необычайный дар миссис Беллэйрс или просто её муж, заехавший за ней, чтобы проводить домой после бесовской тризны?

Мысль эта занимала Артура Роу, и он не обратил внимания на то, что последний из кладоискателей уже зашагал к выходу, — он остался один под платанами в обществе устроителей базара. Заметив это, он почувствовал себя неловко, как последний посетитель ресторана, на которого обращены взгляды официантов, нетерпеливо ожидающих его ухода.

Но прежде чем он успел дойти до ворот, его догнал священник и

развязно спросил:

– Неужели вы хотите унести свой приз?

– Да, пора уходить.

– А у вас нет желания – это принято на благотворительных базарах – снова пустить кекс в розыгрыш? Памятуя о добрых делах...

Что-то в его тоне – еле уловимая покровительственная нотка, как у добродушного старосты класса, обучающего новичка святым традициям школы, – обидело Роу,

– Да ведь у вас совсем не осталось посетителей.

– Я подразумевал розыгрыш среди нас, тех, кто остался. – Он

снова мягко пожал собеседнику руку. – Разрешите представиться, моя фамилия Синклер. Говорят, у меня есть дар... получать дары. – Он хихикнул. – Видите ту даму, миссис Фрейзер? Небольшой дружеский аукцион даст нам возможность сделать скромный вклад в общее дело.

– По-моему, это звучит не совсем скромно.

– Все они тут необыкновенно милые люди. Я хотел бы вас с ними познакомить, мистер...

Роу заупряился:

– Странная манера устраивать благотворительный базар: не отдавать людям выигрыш!

— Но вы же, надеюсь, не посещаете благотворительные праздники, чтобы на них наживаться? — сквозь внешнее благодушие у мистера Синклера вдруг проглянуло что-то злобное.

— Я не собираюсь здесь наживаться. Вот возьмите фунт стерлингов, но кекс я хочу оставить себе.

Мистер Синклер, уже не таясь, махнул рукой остальным, показывая, что дело проиграно. Роу спросил:

— Может, вы хотите, чтобы я вернул вам «Маленького герцога»? Ведь и он даст возможность вашей миссис Фрейзер сделать скромный вклад в общее дело?

– Право же, не стоит разговаривать со мной таким тоном.

День был безнадёжно испорчен: глупая стычка заглушила дорогие воспоминания, навеянные духовым оркестром.

– До свидания, – произнёс Роу.

Однако ему не дали уйти: на помощь мистеру Синклеру подошла целая делегация, её возглавляла дама, наблюдавшая за поисками клада; поля её шляпы взволнованно колыхались.

Она жеманно улыбнулась:

– Боюсь, что несу вам дурную весть.

– Вы тоже хотите получить кекс? – спросил у неё Роу.

Она снова улыбнулась, но теперь с напускным простодушием:

– Мне придётся его у вас отнять. Видите ли, к сожалению, произошла ошибка. Относительно его веса. Он совсем не такой... как вы сказали. – Она сверилась с бумажкой, которую держала в руке. – Та грубая женщина была права. Настоящий его вес: тысяча пятьсот пятьдесят Граммов. И вот тот джентльмен, – она махнула рукой в сторону киоска, – выиграл кекс.

Там стоял человек, который поздно приехал на такси и побежал в шатёр миссис Беллэйрс. Сейчас он держался в тени киоска, где разыгрывался приз, предоставляя

дамам-благотворительницам защищать его права. Неужели миссис Беллэйрс подсказала ему вернее?

— Странно, очень странно, — сказал Роу. — Он назвал точный вес?

Дама ответила с некоторым замешательством, как неопытный свидетель, припёртый к стенке во время допроса:

— Ну, не совсем точный... Он ошибся граммов на сто... — Тут к ней вернулся апломб: — Он сказал, что кекс весит кило шестьсот пятьдесят граммов.

— В таком случае кекс все равно остаётся за мною, потому что в первый раз я угадал его вес, сказав, что в нем полтора кило. Вот вам

фунт на ваши добрые дела. И всего вам хорошего!

На этот раз, видно, он поймал их врасплох: они совсем онемели и даже забыли сказать спасибо за деньги. Выйдя из ворот, он оглянулся, и увидел, что люди, стоявшие у киоска, тоже подошли к ограде. Он помахал им рукой. Афиша на решётке гласила:

«Фонд помощи Матерям
свободных наций.
Благотворительный базар... под
покровительством членов
королевской фамилии...»

Артур Роу жил на Гилфорд-стрит. В самом начале воздушной войны посреди улицы упала бомба и разрушила здания по обеим сторонам, но Роу продолжал там жить. Вокруг рушились дома, но он никуда не переезжал. Окна в комнатах были забиты фанерой вместо стёкол, двери покосились, так что на ночь приходилось их подпирать. У него была спальня и гостиная на первом этаже, а обслуживала его миссис Пурвис, которая тоже продолжала там жить, потому что это был её дом. Он снял комнаты с мебелью и не позаботился о том, чтобы их по-своему обставить, чувствуя себя путником, ставшим на

привал в пустыне. Его книги были либо в самых дешёвых изданиях, либо взяты из публичной библиотеки, кроме «Лавки древностей» и «Давида Копперфилда», их он читал постоянно, как когда-то читали Библию, пока не запоминал целые главы наизусть. И не потому, что эти книги ему нравились, а потому, что он читал их в детстве, и они не вызывали у него более поздних ассоциаций. Картины принадлежали миссис Пурвис — аляповатая акварель, изображавшая заход солнца в Неаполитанской бухте; несколько гравюр и фотография покойного мистера Пурвиса в крайне

старомодном мундире 1914 года. Уроdlивое кресло, стол, покрытый тяжёлой суконной скатертью, фикус на окне — все это принадлежало миссис Пурвис, а радиоприёмник был взят напрокат.

Имущество Роу состояло из пачки сигарет на каминной доске, зубной щётки, бритвенных принадлежностей в спальне (мыло дала миссис Пурвис) и картонной коробочки со снотворным. В гостиной не было даже бутылки чернил и писчей бумаги — Роу не писал писем, а подходящий налог вносил через почтовое отделение.

Можно сказать, что кекс и книжка заметно умножили его

имущество.

Придя домой, он вызвал миссис Пурвис.

— Миссис Пурвис, — сказал он, — я выиграл этот кекс на благотворительном базаре. Нет ли у вас случайно подходящей коробки?

— Довольно внушительный кекс по нынешним временам! — воскликнула миссис Пурвис, жадно поглядывая на лакомство. Но она оголодала не из— за войны, миссис Пурвис не раз признавалась Роу, что с юности была сладкоежкой. Маленькая, щуплая, обтрёпанная, она очень опустилась после смерти мужа и постоянно жевала сладости; на лестнице пахло, как в кондитерской;

повсюду валялись липкие кулёчки, и если миссис Пурвис не оказывалось дома, она наверняка стояла в очереди за фруктовыми пастилками.

— Он весит добрый килограмм, ручаюсь, — сказала она.

— Он весит больше полутора,

— Ну уж это вы слишком!

— А вы его взвесьте.

Когда она ушла, он сел в кресло и закрыл глаза. Гулянье кончилось, впереди тянулась безмерная пустота будней. Его настоящей работой была журналистика, но она прервалась два года назад. Он жил на ренту — триста фунтов в год, и, как говорят, бояться за завтрашний день ему не приходилось. В армию его не брали,

а недолгая служба в гражданской обороне только усугубила чувство одиночества: ведь оттуда ему тоже пришлось уйти. Оставалось только пойти на военный завод, но Роу был привязан к Лондону. Если бы бомбы разрушили все улицы, с которыми у него были связаны воспоминания, он, пожалуй, освободился бы, смог уехать, нашёл бы подходящий завод возле Трампингтона. После каждого налёта он замечал с каким-то облегчением, что вон того ресторана или магазина больше не существует, словно сломался ещё один прут его тюремной решётки.

Миссис Пурвис принесла кекс в большой коробке из-под печенья.

— Какие там полтора килограмма, держи карман шире! — воскликнула она с издёвкой. — Никогда им не верьте, этим благодетелям, Тут меньше, чем кило двести.

Он широко открыл глаза.

— Вот странно, — сказал он. — Очень странно. — Он призадумался. — Отрежьте мне кусочек, — попросил он. Миссис Пурвис охотно повиновалась. Кекс был вкусный. — Пусть лежит в коробке. Такие кексы, полежав, становятся только лучше,

— Он протухнет.

— Что вы, он же из настоящих яиц. — Роу не мог вынести её тоскливого взгляда: — Возьмите и

себе кусок, миссис Пурвис.

Люди могли получить у него все, стоило им только захотеть. Почувствовав, что кто-то страдает, он сразу терял свой не очень стойкий душевный покой. И тогда был способен на все. На все что угодно.

III

На следующий же день в дом миссис Пурвис переехал какой-то человек и занял комнату на третьем этаже с окнами во двор. Роу встретил его ещё через день, вечером, впотьмах, на лестнице; — новый жилец о чем-то разговаривал с миссис Пурвис гулким шёпотом, а та,

прижавшись к стене, испуганно слушала его и явно не понимала. Ростом он был почти карлик, темноволосый, горбатый, с могучими плечами человека, перенёсшего в детстве паралич.

— Ах, вот и вы, сэр, — с облегчением вздохнула миссис Пурвис при виде Роу. — Этот джентльмен хочет послушать последние известия. Я сказала, что, может быть, вы позволите ему зайти к вам...

— Входите, — сказал Роу, открыл свою дверь и пропустил незнакомца вперёд; это был его первый посетитель за все время. Комната была плохо освещена, фанера,

вставленная вместо стекла, не пропускала слабого дневного света, а единственная лампочка была защищена от падающей штукатурки абажуром.

«Неаполитанская бухта» совсем слилась с обоями, маленький огонёк шкалы радиоприёмника придавал комнате уют — он был похож на ночничок в детской у ребёнка, который боится темноты. Голос диктора произнёс с напускной весёлостью: «Спокойной ночи, детки. Спокойной ночи».

Незнакомец сгорбился в кресле и стал пальцами выскрёбывать из головы перхоть. Сидячая поза была для него выигрышной. Благодаря

непомерно широким плечам, он казался могучим, а рост был незаметен.

— Как раз вовремя, — сказал он и, не предложив сигареты хозяину, закурил; по комнате пошёл едкий чёрный дым дешёвого французского табака.

— Хотите печенья? — спросил Роу, отворяя дверь шкафа.

— А может, вы съедите кусочек кекса? — спросила миссис Пурвис, которая все ещё медлила у двери.

— Пожалуй, нам лучше сначала доесть печенье.

— Кекс в наши дни вряд ли заслуживает того, чтобы его ели.

— Но этот сделан из настоящих

яиц! — гордо возразила миссис Пурвис, словно кекс принадлежал ей. — Мистер Роу выиграл его в лотерею.

В эту минуту по радио начали передавать последние известия: «... ведёт передачу Джозеф Маклеод». Незнакомец уместился поглубже в кресло и стал слушать, всем своим видом выражая презрение, словно его пичкали рассказами, которым он один знает настоящую цену.

— Дела идут сегодня чуть-чуть повеселее, — сказал Роу.

— Хотят поддержать в нас боевой дух, — скривился незнакомец.

— Может, вы все-таки попробуете кекс? — спросила миссис Пурвис.

— Но этот джентльмен предпочитает печенье.

— Я очень люблю кекс, — твёрдо заявил незнакомец и затоптал подошвой свою вонючую сигарету. — Если это хороший кекс, — добавил он, словно все дело было в том, чтобы кекс ему понравился.

— Тогда принесите нам кекс, миссис Пурвис, и чаю. Когда внесли кекс, незнакомец повернулся к нему всем своим изуродованным телом: видно, он и правда питал к нему слабость, казалось, он не может отвести от него глаз. Он даже затаил дыхание, а когда кекс поставили на стол, с жадностью наклонился вперёд.

— Где нож, миссис Пурвис?

— О господи, господи! Из-за этих воздушных сирен у меня всю память отшибает к ночи, — пожаловалась миссис Пурвис.

— Ничего, — сказал Роу, — у меня есть свой. — Он с нежностью вынул из кармана последнее оставшееся у него сокровище — большой перочинный нож. Он не мог

удержаться, чтобы не похвастаться его прелестями перед незнакомцем: штопором, щипчиками, лезвием, которое выскакивало и защёлкивалось, когда вы нажимали пружинку. Теперь такие ножи можно купить только в одном магазине — в маленькой

лавчонке за Хеймаркетом.

Однако незнакомец не обращал на него внимания и напряжённо следил за тем, как нож погружается в кекс. Далеко на окраине Лондона, как всегда по ночам, завывали сирены.

Вдруг незнакомец повернулся к нему:

— Мы ведь с вами интеллигентные люди. Можем говорить откровенно обо всем...

Роу не понял, что он хочет этим сказать. Где-то там, на высоте двух миль у них над головой, от устья реки, шёл вражеский бомбардировщик. «Время! Время!» — снова и снова прерывисто выстукивали его моторы. Миссис

Пурвис их покинула — они слышали, как она, спотыкаясь, тащит по лестнице свою постель и как хлопнула парадная дверь, когда она отправилась в своё излюбленное бомбоубежище на этой же улице.

— Людям вроде нас с вами нечего злиться на то, что происходит, — сказал незнакомец. Выставив на свет свои громадные, уродливые плечи и бочком пододвигаясь к Роу, он съехал на самый краешек кресла. — Какая глупость эта война. Почему бы нам с вами, людям интеллигентным... Пусть они разглагольствуют о демократии. Но нас с вами такой болтовнёй не проведёшь. Если вам нужна демократия — я не говорю, что

она кому–нибудь нужна, но если уж вам она нравится, – вы её найдёте в Германии. Чего вы хотите? – спросил он.

– Мира, – ответил Роу.

– Вот именно. Этого хотим и мы.

– Не думаю, чтобы вас устроил тот мир, какого хотите вы.

Однако незнакомец слушал только себя.

– Мы можем обеспечить вам мир, – сказал он. – Мы его добиваемся.

– Кто это «мы»?

– Я и мои друзья,

– Люди, которые принципиально отказываются от,

военной службы? Потому что это против их совести?

Плечи калеки раздражённо передёрнулись:

— Стоит ли так много думать о совести?

— А что нам было делать? Дать им захватить а Польшу, не сказав ни единого слова?

— Такие люди, как мы с вами, знают мир, в котором мы живём. — Когда незнакомец наклонялся вперёд, кресло тоже понемногу катилось вперёд, и он надвигался на Роу, как машина. — Мы знаем, что Польша была одной из самых прогнивших стран в Европе.

— А кто нам дал право её судить?

Кресло закрипело ещё ближе.

— Вот именно. Правительство, которое у нас было и стоит у власти сейчас...

Роу задумчиво сказал:

— Это будет такое же насилие, как и любое другое. От него пострададут невинные. И вас не оправдывает то, что вашей жертвой станет человек... нечестный или что судья — пьяница.

Незнакомец ухватился за эту мысль. Во всем, что он говорил, сквозила невыносимая самоуверенность:

— Вы совершенно не правы. Что вы! Даже убийство можно иногда оправдать. Мы же с вами знаем такие

случаи, не так ли?

— Убийство? — Роу медленно, мучительно обдумывал этот вопрос. Он никогда ни в чем не чувствовал такой уверенности, как этот человек. — Говорят, что нельзя творить зло даже ради самой благой цели...

— Ах, какая чушь, — презрительно скривился карлик. — Христианская мораль! Вы человек интеллигентный, вот я вас и спрашиваю: сами вы разве всегда следовали этому правилу?

— Нет, — сказал Роу. — Нет.

— Конечно нет, — воскликнул незнакомец. — Мы же навели о вас справки. Но даже и без этого я мог

бы сказать... вы человек интеллигентный... — Можно было подумать, что интеллигентность — это пароль, пропуск в высшее общество. — Когда я вас увидел, я с первой минуты понял, что вы не из этих... баранов. — Он сильно вздрогнул, когда с соседней площади раздался орудийный выстрел и задрожал весь дом, а издали, с побережья, снова донеслось гудение самолёта. Орудийный огонь грохотал все ближе и ближе, но самолёты держали свой упорный, гибельный курс, пока опять над головой не послышалось: «Время! Время!» — и дом не задрожал от стрельбы, которая шла совсем рядом. Раздался

вой, он приближался, как будто был направлен специально на это жалкое здание, но бомба разорвалась в полумиле от них — чувствовалось, как глубоко она взрыла землю, — Я говорил... — продолжал незнакомец, но он явно потерял нить разговора и свою самоуверенность; теперь это был просто калека, испугавшийся за свою жизнь. — Видно, нам сегодня достанется. Я надеялся, что они пролетят мимо.

Гудение послышалось снова.

— Съешьте ещё кекса, — предложил Роу. Он не мог не жалеть этого человека; его самого спасало от страха не мужество, а одиночество. — Может, сегодня... — он обождал, пока

вой не прекратился и бомба не разорвалась, на этот раз совсем близко, по-видимому в конце соседнего квартала: «Маленький герцог» свалился на пол, — и обойдётся.

Им казалось, что следующая серия бомб упадёт прямо на них. Но взрывов больше не было.

— Спасибо, не хочу, то есть, пожалуй, дайте.

У этого человека была странная манера: взяв кусок кекса, он принимался его крошить, — может быть, он просто нервничал. Ужасно быть калекой во время войны, думал Роу; он чувствовал, как злобная жалость подкатывает ему к сердцу.

– Вы говорите, что наводили обо мне справки. Но кто вы такие?

Он отрезал и себе кусок кекса, но почувствовал, что незнакомец не спускает с него глаз, как голодный, который смотрит сквозь зеркальное стекло ресторана на любителя поесть. За окнами завывала сирена санитарной машины, а потом возобновился налёт. Грохот взрывов, пожары, смерти – ночь была в разгаре; так пойдёт часов до трех-четырех утра, пока бомбардировщики не отработают свою восьмичасовую смену. Роу сказал:

– Вот я говорил про этот нож... Во время налёта человек так им

поглощён, что ему трудно собраться с мыслями.

Незнакомец прервал его, взяв за руку нервными костлявыми пальцами, словно пристёгнутыми к громадной ручище:

– Знаете, произошла ошибка. Этот кекс вам не предназначался.

– Я же его выиграл. Какая тут ошибка?

– Не вы должны были его выиграть. Произошла ошибка в весе.

– Теперь, я думаю, об этом поздно горевать, – сказал Роу. – Мы съели почти половину.

Но карлик не обратил на его слова внимания:

– Меня послали сюда, чтобы я

взял его назад. Мы заплатим приличную цену.

— Кто вас послал? — Но Роу знал, кто его послал, это было комично: у него перед глазами возник тот нелепый сброд, который ополчился против него на лужайке: пожилая женщина в шляпе с подрагивающими полями, которая явно рисовала акварелью; язвительная дама, заправлявшая лотереей, и «необыкновенная» миссис Беллэйрс. Он улыбнулся и отнял руку. — Чем вы там забавляетесь? — спросил он. — Право же, не стоит относиться к этому так серьезно! На что вам сейчас этот кекс?

Незнакомец мрачно на него

глядел. Роу попытался его развеселить:

— Понимаю, для вас это дело принципа. Бросьте, Выпейте лучше ещё чаю. Я сейчас принесу.

— Не беспокойтесь. Я хочу обсудить...

— Да что тут обсуждать? И беспокойства тут нет никакого.

Незнакомец стал вычищать из-под ногтей перхоть:

— Значит, говорить больше не о чем?

— Конечно не о чем.

— В таком случае... —

незнакомец прислушался к рокоту самолёта, который становился все громче, и беспокойно задвигался в

кресле, когда выстрелили первые, ещё далёкие зенитки в Истсайде, — я, пожалуй, выпью ещё чаю.

Когда Роу вернулся, незнакомец наливал в чашку молоко; он отрезал себе ещё кусок кекса. Чувствовал он себя явно как дома: пододвинув кресло поближе к газовому камину, он жестом предложил Роу сесть, словно был тут хозяином. Казалось, их недавняя перепалка забыта.

— Я как раз думал, пока вас не было, что только такие интеллигенты, как мы с вами, — свободные люди. Нас не связывают ни условности, ни чувство патриотизма, ни сентиментальность; мы, как говорится, не делаем ставки

на эту страну. Мы не держим её акций, и нам наплевать, если все это предприятие пойдёт ко дну. Я нашёл точный образ, не так ли?

— Почему вы все время говорите «мы»?

— Да потому, что не вижу, чтобы и вы принимали во всем этом деятельное участие. Мы-то с вами знаем почему, а? — он вдруг нагло подмигнул.

Роу отхлебнул глоток чаю, но он был слишком горячий, притом его раздражал какой-то странный привкус, что-то знакомое, напоминавшее о беде. Он взял кусочек кекса, чтобы прогнать неприятный вкус, и поймал

встревоженный взгляд калеки, который словно чего-то ждал. Роу не спеша сделал ещё глоток и сразу вспомнил, что он напоминает. Жизнь нанесла ответный удар, как скорпион, через плечо. Прежде всего он почувствовал удивление и злость, что это хотят сделать с ним. Он уронил чашку на пол и встал, калека откатился от него, словно на колёсах; могучая спина и длинные сильные руки напряглись... Но тут разорвалась бомба.

В этот раз они не слышали приближения самолёта: гибель спустилась по воздуху тихо, стены внезапно осели. Они даже не почувствовали удара.

Странная вещь этот взрыв — он бывает похож на тяжёлый сон о том, как один человек жестоко мстит другому, выбросив его голым на улицу, выставив напоказ соседям в кровати или в уборной. В голове у Роу звенело; ему казалось, что он спал, а теперь лежит в неестественной позе в незнакомом месте. Он поднялся и увидел множество разбросанных кастрюль и исковерканные останки холодильника; взглянув наверх, он нашёл там Большую Медведицу, склонившуюся над креслом, которое висело в десяти метрах у него над головой, а поглядев вниз, увидел, что в ногах у него лежит целёхонькая

«Неаполитанская бухта». Он почувствовал себя в чужой стране-у него нет карты, чтобы найти дорогу, и он ищет её по звёздам.

С неба плавно спустились три ракеты, как пучки сверкающих блёсток с рождественской ёлки; впереди резко обозначилась его тень, и он сразу почувствовал себя незащищённым, как беглец из тюрьмы, попавший в луч прожектора. Воздушный налёт ужасен тем, что он нескончаем; твоя личная беда может прийти в самом начале, а налёт все не прекращается. Зенитные пулемёты расстреливали пучки ракет; два из них разлетелись с треском, как упавшая на пол посуда,

а третий сел на Рассел-сквер, и на землю спустилась холодная спасительная тьма.

Но при свете вспышек Роу обнаружил, что он лежит на кухне, в полуподвале; кресло над головой находится в его комнате на первом этаже, передняя стена дома и вся крыша обрушились, а калека лежит возле кресла, рука его свесилась вниз и болтается. Он уронил прямо к ногам Роу кусок ещё не раскрошенного кекса.

Показался дружинник противовоздушной обороны:

– Есть тут раненые?

Роу сказал громко – в нем вдруг проснулась ярость:

– Это ведь все не шутки! Не шутки!

– Кому вы это рассказываете? – закричал ему дружинник сверху, с разгромленной улицы; с юго-востока на них шёл новый бомбардировщик, урча, как ведьма в детском сне: «Время! Время! Вр-р-емя!»

Глава вторая

ЧАСТНЫЙ СЫСК

Но ещё долго после того, как боль прошла, у него оставался глубокий шрам.

«Маленький герцог»

I

«Ортотекс» — давно практикующее в столице частное сыскное агентство — влачило жалкое существование на ещё не

разрушенной части Чансери– лейн, рядом с книжным аукционом, между трактиром, знаменитым в мирное время своими закусками, и магазином юридической литературы. Помещалось оно на четвёртом этаже. Но лифта там не было. На первом этаже находилась нотариальная контора, на втором – редакция ежемесячника «Здоровье и свобода», а третий этаж теперь пустовал.

Артур Роу толкнул дверь, где висела табличка «Справки», но там никого не было. Рядом с раскрытой телефонной книжкой лежала недоеденная булочка с сосиской– может, уже целый месяц. Она придавала конторе вид наспех

покинутого жилья, словно это был дворец свергнутого короля, где туристам показывают журналы, открытые на странице, которую много лет назад читал король перед изгнанием. Артур Роу подождал минутку, а потом двинулся дальше и открыл другую дверь.

Лысый человек стал поспешно прятать бутылку в ящик с картотекой.

— Простите, — сказал Роу. — Я решил, что тут никого нет. Я разыскиваю мистера Реннита.

— Это я.

— Мне порекомендовали обратиться к вам.

Лысый с подозрением поглядывал на Роу, не вынимая руки

из ящика с картотекой.

— Кто вам меня рекомендовал, позвольте спросить?

— Это было несколько лет назад. Человек по фамилии Кайзер.

— Не помню.

— Да я и сам его едва помню. Я не был с ним близок. Мы познакомились в поезде. Он рассказывал, что у него были какие-то там неприятности из-за писем...

— Вы должны были заранее договориться о приёме.

— Простите. Вы, я вижу, не нуждаетесь в клиентах. Разрешите откланяться.

— Напрасно вы горячитесь. Я человек занятой, и на все есть свой

порядок. Если вы кратко изложите...

Он относился к своему клиенту, как все люди, причастные к тёмным делишкам — продаже порнографических книжек или контрабанде, — с таким высокомерным презрением, словно не он был заинтересован в сделке. Мистер Реннит сел за письменный стол и наконец-то догадался предложить:

— Присядьте. — Порывшись в ящике, он что-то засунул подальше и нащупал записную книжку и карандаш. — Ну, когда вы заметили, что у вас не все благополучно? — Он откинулся назад и стал ковырять в зубах остриём карандаша; дыхание

со свистом вырывалось сквозь щели в зубных протезах. Вид у него был такой же заброшенный, как у комнаты рядом: воротничок слегка обтрепался, а рубашка была не первой чистоты. Но нищие не выбирают, сказал себе Роу.

— Имя? — продолжал мистер Реннит, вспомнив о формальностях. — Нынешний адрес? — Он яростно нажимал на бумагу, записывая ответы. Услышав, что клиент живёт в отёле, он поднял голову и мрачно заметил:

— В вашем положении надо быть осторожнее.

— Может, мне лучше рассказать все с самого начала? — предложил

Роу.

— Уважаемый, поверьте, я сам знаю, как это начинается. Занимаюсь подобными делами вот уже тридцать лет. Тридцать лет! Всякий клиент воображает, что его случай — исключительный. Ничего подобного. Одно и то же. Все, что мне надо, это получить от вас ответы на некоторые вопросы. В остальном мы справимся сами. Значит, так, когда вы заметили, что жена к вам охладела?

— Я не женат, — сказал Роу,

Мистер Реннит кинул на него взгляд, полный отвращения, и Роу покраснел, словно он увиливал от прямого ответа.

— Нарушили обещание жениться,

а? Письма ей писали? – спросил мистер Реннит.

– Да нет, дело не в этом.

– Шантаж?

– Нет.

– Тогда зачем вы ко мне пришли? – рассердился мистер Реннит. Он повторил свою присказку: – Я человек занятой. – Однако у него явно не было работы. На столе стояли две корзинки для бумаг с надписями: «Входящие» и «Исходящие». Но в «Исходящих» было пусто, а во «Входящих» лежал номер журнала «Только для мужчин». Роу ушёл бы, если б знал какой-нибудь другой адрес и если бы не чувствовал жалости, которая куда

податливей, чем вождение.

Мистер Реннит был так явно зол, что не сумел достойно разыграть сцену приёма клиента, хотя и не мог позволить себе сердиться.

— Разве детективы не занимаются ничем, кроме разводов и шантажа?

Мистер Реннит возмутился:

— У нас почтённая фирма с многолетними традициями. Я не какой-нибудь Шерлок Холмс. Уж не хотите ли вы, чтобы человек в моем положении ползал по полу с микроскопом, отыскивая следы крови? — Он холодно добавил: — Если у вас дело такого сорта, советую обратиться в полицию.

– Послушайте, – сказал Роу, – будьте же благоразумны. Вы нуждаетесь в клиентуре не меньше, чем я нуждаюсь в вас. Я вам заплачу, хорошо заплачу. Не валяйте дурака. Отоприте ваш ящик и давайте выпьем. Эти воздушные налёты всем действуют на нервы. Надо хоть немножко подкрепиться.

Мистер Реннит опасливо поглядел на Роу, но постепенно оттаял. Он задумчиво поглаживал свои лысый череп.

– Может, вы и правы. Все мы издёрганы. Я не против спиртного для поправки здоровья.

– Сейчас без него не обойдёшься.

— Ну и тяжело было прошлой ночью в Пурли. Не столько сами бомбы, сколько страх ожидания. Конечно, нам досталось и фугасов.

— Дом, где я жил, ночью обрушился.

— Да что вы говорите? — равнодушно осведомился мистер Реннит, отпер ящик для картотеки и достал бутылку. — А вот на прошлой неделе... в Пурли... — Он словно излагал план операции. — Меньше, чем в пятидесяти метрах...

— Мы оба заслужили немного виски, — сказал Роу. Мистер Реннит — лёд был окончательно сломан — сказал доверительно:

— Я и вправду был чересчур

резок. Нервы-то сдают. Война — просто гибель для такого дела, как наше. — Он пояснил: — Идут на мировую; вы не поверите, до чего капризна человеческая натура! И потом очень все затрудняет прописка. Люди больше не решаются заехать, как прежде, в гостиницу. А что они вытворяют в машине— этого на суде не докажешь.

— Да, вам, я вижу, нелегко.

— Важно выстоять, — сказал мистер Реннит. — Сжать зубы и терпеть, пока не наступит мир. Вот тогда будет урожай разводов. — Он подогревал в душе оптимизм, поглядывая на бутылку. — Извините, я налью вам в чашку. Когда война

кончится, такая старинная фирма, как наша, и с большими связями будет просто золотое дно! – И уныло добавил: – Этим я себя утешаю.

Роу, слушая его, раздумывал уже в который раз: можно ли относиться к этому нелепому миру серьёзно? Хотя сам он всю жизнь принимал его трагически всерьёз.

В его уме, как памятники, нерушимо хранились такие высокие понятия, как Справедливость, Возмездие... А ведь на практике и то и другое сводилось всего лишь к мистеру Ренниту, к сотням и тысячам таких мистеров Реннитов. Но, конечно, если верить в бога и дьявола, мир выглядит не так

смешно. Ведь дьявол, а кстати, и бог всегда пользовались для своих целей смешными людьмишками, никчёмными, мелкими мещанскими душонками, исковерканными и убогими. Когда бог проявлял себя в них, вы произносили ни к чему не обязывающие слова о Благородстве, а когда ими пользовался дьявол — о Зле? но сам материал был просто жалок: мизерная человеческая посредственность в руках и у того и у другого.

— ...Новые поручения. Надеюсь, что жизнь пойдёт по-прежнему, — говорил мистер Реннит.

— Странные вещи случаются в ней и сейчас, — возразил Роу. — Вот

потому-то я к вам и пришёл.

— Ах, да, — сказал мистер Реннит. — Налъём-ка в чашки и перейдём к делу. Извините, что нет сельтерской. Ну, рассказывайте, что вас тревожит. Как другу.

— Один субъект попытался меня убить. Это не бог весть как страшно звучит, когда каждую ночь убивают столько народу, но в ту минуту я очень рассердился.

Мистер Реннит невозмутимо смотрел на него поверх своей чашки:

— А вы ещё говорите, что не женаты.

— Женщина тут ни при чем. Все началось с кекса. — Он описал мистеру Ренниту благотворительный

базар, страсть, с которой его устроители попытались получить обратно кекс, посещение незнакомца, а потом бомбёжку. — Я бы внимания не обратил, если бы не вкус чая.

— Да вам все это померещилось!

— Но я знаю этот вкус. Это атропин, — нехотя сообщил Роу.

— А калеку убило?

— Его отвезли в госпиталь, но, когда я сегодня туда пошёл, его уже забрали. У него оказалась контузия, и друзья отвезли его домой.

— В госпитале должны были записать фамилию и адрес.

— Они записали фамилию и адрес, но этого адреса — я проверил по справочнику — не существует. — Он

поглядел через стол на мистера Реннита, ожидая, что тот будет удивлён, — ведь даже в этом странном мире такая история могла показаться странной, — но мистер Реннит спокойно заявил:

— Тут могут быть самые разные объяснения. — Сунув пальцы за борт жилета, он стал размышлять вслух: — Например, особый вид вымогательства. Они мастера придумывать новые приёмы. Вам предлагают кекс за крупную сумму. Говорят, будто в нем спрятано что-то ценное...

— Где, в кексе?

— Ну да, хотя бы план того места, где закопан испанский клад у берегов

Ирландии. Что-нибудь такое, романтическое. А взамен и вы должны оказать доверие. В виде чего-нибудь осязаемого, ну, скажем, фунтов двадцати, пока он не сходит в банк, оставив вам в залог кекс.

— Что-то не похоже...

— Ах, у него бы это прошло как по маслу! — сказал мистер Реннит. Удивительная все-таки способность все сводить к пошлости. Даже воздушные налёты и те превращались в мелкие происшествия местного значения. — Есть и другая вероятность. Если вы правы насчёт чая, хотя я лично в это не верю. Он мог к вам втереться с целью грабежа. Может, он следил за вами на

благотворительном базаре. Вы там здорово сорили деньгами?

— Я дал фунт, когда они попросили вернуть кекс.

— Тот, кто может заплатить фунт за кекс, человек состоятельный, — с облегчением заявил мистер Реннит. — Вору обычно с собой яда не носят, но этот, судя по всему, просто истерик.

— А зачем им кекс?

— Заговаривал зубы. Он пришёл совсем не за кексом.

— Какие ещё предположения у вас есть? Вы сказали, что их может быть дюжина.

— Я всегда предпочитаю самые простые, — сказал мистер Реннит,

перебирая пальцами по бутылке. — Может быть, с кексом действительно произошла ошибка и этот человек пришёл за ним. Может быть, там был запечён какой-то приз...

— И отравы — тоже плод моего воображения?

— Да, это самое простое объяснение.

Спокойное неверие мистера Реннита потрясло Роу. Он спросил с раздражением:

— Неужели за всю вашу деятельность детектива вам никогда не случалось сталкиваться с такой вещью, как убийство... или убийца?

Мистер Реннит сморщил нос:

— Честно говоря, нет. Жизнь не

похожа на детективные романы. Убийцы попадают редко. Это особая порода людей.

— Вот это мне очень интересно.

— Они крайне редко принадлежат к тому, что мы называем приличным обществом. Конечно, в жизни, а не в книжках. Надо сказать, они, как правило, из низших слоёв.

— Допустим, — согласился Роу. — Правда, дело в том, что я и сам убийца.

II

— Ха-ха-ха, — деланно рассмеялся мистер Реннит,

– Поэтому я и пришёл в такую ярость, что они напали именно на меня, – сказал Роу. – Они ведь действовали как типичные дилетанты.

– А вы разве специалист? – спросил мистер Реннит с бледной, невесёлой усмешкой.

– Да, наверное, если два года обдумываешь убийство, прежде чем его совершить. Оно вам снится чуть не каждую ночь, пока наконец не берёшь из ящика лекарство... и потом... сидишь на скамье подсудимых, стараясь понять, что скажет судья, вглядываешься в лица присяжных, гадаешь, что думает этот, а потом тот... там, например, сидела

женщина в пенсне, которая никак не хотела расстаться со своим зонтиком... а потом вас уводят вниз, и вы часами ждёте возвращения присяжных, и надзиратель старается вас взбодрить, но вы знаете, что, если на земле есть правосудие, приговор может быть только один.

— Вы меня на минуточку извините... — сказал мистер Реннит. — По- моему, вернулся мой помощник. — Он кое-как выбрался из-за стола и сразу же с неожиданной приткостью юркнул в дверь за спиной у Роу. А тот сидел, зажав руки в коленях, стараясь совладать со своим языком и своими мыслями. «Поставь стражу, о боже, у

рта моего, и запри на ключ уста мои...» Потом в соседней комнате что-то звякнуло, и он пошёл на этот звук. Мистер Реннит сидел у телефона. Он жалобно посмотрел сначала на Роу, а потом на бутерброд с сосиской, словно это было его единственное оружие.

— Вы звоните в полицию? — спросил Роу. — Или врачу?

— В театр, — с отчаянием сказал мистер Реннит. — Я вдруг вспомнил, что моя жена...

— Значит, вы женаты, несмотря на ваш профессиональный опыт?

— Да. — В трубке послышался невнятный голос, и лицо мистера Реннита исказилось — ему

смертельно не хотелось отвечать. Он пробормотал: — Два места... в первом ряду, — и сразу же опустил трубку на рычаг,

— Это театр?

— Да, театр!

— И они у вас даже не спросили фамилии? Давайте не будем валять дурака. Ведь я не мог вам этого не сказать. Вы должны знать все обстоятельства дела. Иначе было бы нечестно. Вам надо иметь это в виду, если вы согласитесь мне помогать.

— Что я должен иметь в виду?

— Я хочу сказать, что это может иметь какую-то связь с тем, что произошло. Когда меня судили, я понял: все может иметь какую-то

связь. Хотя бы тот факт, что я в такой-то день обедал один в ресторане Холборна. Меня спросили, почему я был один. Я ответил, что люблю побыть один, но вы бы видели, с каким видом прокурор кивнул присяжным. — Его руки снова начали дрожать. — Как будто я хотел остаться один на всю жизнь.

Мистер Реннит прочистил пересохшее горло.

— Даже тот факт, что у моей жены были маленькие попугаи...

— Значит, вы женаты?

— Но ведь я убил свою жену... —

Ему было трудно рассказывать все по порядку; зря люди задают ненужные вопросы; право же, он не хотел

пугать мистера Реннита. — Не беспокойтесь. Полиции все известно.

— Вас оправдали?

— Я был задержан «на время, удобное Его Величеству». А я был ему угоден очень недолго, ведь я не сумасшедший, понимаете? — Он сказал с отвращением: — Они меня пожалели, вот почему я живу. Все газеты называли это «убийство из сострадания». — Он отмахнулся, словно ему мешала видеть паутина. — Из сострадания ко мне или к ней? Они не уточняли. А я не понимаю до сих пор.

— Право же, я, кажется, — произнёс мистер Реннит, едва

переводя дыхание и держа между собой и Роу стул, — не смогу взять на себя... Это не моя область.

— Я заплачу больше. В конце концов, ведь это решает, не так ли? — Стоило ему почувствовать, как в маленькой пыльной комнате над недоеденным бутербродом, над блюдцем и потрёпанной телефонной книгой шевельнулась алчность, и он понял, что спор свой выиграл. Мистер Реннит не мог позволить себе быть щепетильным. Роу сказал:

— Убийца в этом смысле похож на вельможу. Благодаря своему положению он за все платит больше. Сколько ни пытайся сохранить инкогнито, правда всегда выйдет

наружу.

Глава третья

ЛОБОВАЯ АТАКА

*Было тяжело не иметь
рядом ни одного верного
товарища или друга.*

*«Маленький
герцог»*

I

Прямо из «Ортотекса» Роу направился к «Свободным матерям». С мистером Реннитом он подписал договор, обязавшись выплачивать ему за расследование этого дела по

пятьдесят фунтов в неделю в течение месяца. Мистер Реннит объяснил, что расходы у него большие: «Ортотекс» пользуется услугами только опытных агентов. Тот агент, с которым Реннит познакомился в конторе, показался ему и в самом деле человеком опытным. Мистер Реннит представил его как А-2, но вскоре по рассеянности стал звать его Джонсом. Это был маленький, с виду невзрачный человечек, с острым носиком и сальной лентой на мягкой коричневой шляпе, в сером костюме, который, вероятно, много лет назад был совсем другого цвета, с карандашом и ручкой, прикреплёнными зажимами к

кармашку пиджака. Но стоило взглядеться, и вы сразу замечали жизненный опыт: в маленьких, хитрых и довольно испуганных глазках, в безвольном, привыкшем оправдываться рте, в морщинах, вырытых заботой на лбу, — опыт стояния в бесчисленных гостиничных коридорах, подкупа горничных и скандалов с администрацией, опыт безропотно проглоченных оскорблений и безответно снесённых угроз, опыт невыполненных посулов. В убийстве было даже какое-то благородство по сравнению с этим бессловесным, второсортным опытом в пугливых подпольных страстях.

Сразу же возник спор, в котором Джонс не принимал участия: он стоял у стены, держа в руках старую коричневую шляпу, и словно подслушивал у замочной скважины. Мистер Реннит, явно считавший всю эту затею прихотью свихнувшегося человека, требовал, чтобы сам Роу не принимал в ней участия.

— Предоставьте все мне и А-2. Если это работа вымогателей... — он не хотел верить, что на Роу было совершено покушение. — Разумеется, мы заглянем в справочники по ядам, — сказал он, — хотя я уверен, что ничего не найдём...

— Меня это взбесило, — повторил Роу. — Сам ведь сказал, что они

навели справки... и все же у него хватило наглости. – Тут ему пришла в голову новая мысль, и он взволнованно сказал: – Это был тот же самый яд, и все решили бы, что я покончил самоубийством – мне удалось сохранить немножко яда для себя.

– Если в вашей истории есть хоть капля правды, кекс был отдан по ошибке не тому, кому предназначался. Значит, нам надо найти того, кто должен был его получить. Тут потребуется самая обыкновенная слежка. А уж мы с Джонсом выследим, кого надо! Начнём с миссис Беллэйрс. Она подсказала вам вес, но почему она

это сделала? Потому, что в темноте приняла вас за другого. Значит, между вами и им должно быть какое-то сходство. — Мистер Реннит переглянулся с мистером Джонсом. — Надо найти миссис Беллэйрс, а это нетрудно. Джонс этим займётся.

— Легче всего мне разузнать о ней у «Свободных матерей».

— Я бы советовал предоставить это Джонсу.

— Там решат, что он наводчик.

— Клиенту не полагается самому заниматься сыском.

Это неприлично.

— Если за всем этим ничего не кроется, — продолжал Роу, — они дадут мне адрес миссис Беллэйрс.

Если же я прав, они попытаются меня убить, — хотя кекса у меня нет, но я знаю, что он был и что есть люди, которые очень хотели его получить. Джонсу тоже найдётся дело: пусть охраняет меня.

Джонс беспокойно мял в руке шляпу и старался поймать взгляд хозяина. Он кашлянул, и мистер Реннит его спросил:

— Что вы хотите сказать, А-2?

— Так не пойдёт, сэр.

— Почему?

— Унижает профессию, сэр.

— Я согласен с Джонсом, —

сказал мистер Реннит.

Но, несмотря на Джонса, Роу добился своего. Он вышел на

разбомблённую улицу и угрюмо двинулся вдоль развалин Холборна. В его одиночестве открыться кому-нибудь было все равно что найти друга. Прежде его всегда разоблачали другие, даже в отряде гражданской обороны; рано или поздно все выходило наружу, и он выглядел трусом. Просто не верилось, на какие проделки способна судьба, как далеко достигают сплетни, какая память у людей на имена. Теперь посреди этого странного, будто взорванного пейзажа, где лондонские магазины напоминали каменные макеты, похожие на развалины Помпеи, он чувствовал себя своим, он был частью этого разорения,

потому что перестал быть частью прошлого; воскресных дней за городом, весёлого смеха вечером на полянке, ласточек на телеграфных столбах, мирной жизни. Эти обломки вокруг были частью его души. Мирная жизнь кончилась внезапно 31 августа, у остальных людей она длилась ещё год. Роу двигался с места на место, как камень среди других камней во время обвала, он стал неприметен, и порой в нем сквозь толщу раскаяния пробивалось какое-то смутное торжество, — он чувствовал себя, как леопард, который сливается со всеми другими пятнами на земной поверхности. Он не был преступником, когда убивал;

это потом в нем стало расти сознание своей преступности. И то, что какие-то люди пытались убить его, человека, которому одним ударом удалось уничтожить красоту, добро и покой, казалось ему просто наглостью. Бывали времена, когда он ощущал в себе преступность всего мира, но внезапно, при виде чего-нибудь очень обычного: женской сумки, человека, поднимавшегося в лифте, фотографии в газете, — гордыня его покидала. Он чувствовал только безмерную глупость им совершённого; ему хотелось укрыться и плакать, забыть, что когда-то он был счастлив. Какой-то голос нашептывал ему: «Ты говоришь, что

убил из жалости, почему бы тебе не пожалеть и себя?» И правда, почему? Может быть, потому, что убить себя труднее, чем убить того, кого ты любишь.

II

«Свободные матери» занимали пустое конторское помещение в огромном белом современном здании недалеко от Стрэнда. Дом был похож на механизированный морг с отдельным лифтом для каждого покойника. Роу в абсолютной тишине поднялся до пятого этажа; там из длинного коридора с дверьми матового стекла

появилась женщина в пенсне, вошла в лифт, держа папку с надписью «Весьма срочно», и они мягко поплыли ещё выше. На двери седьмого этажа было написано: «Помощь Матерям Свободных Наций. Справочное бюро».

Ему стало казаться, что прав, пожалуй, мистер Реннит. Суровая деловая женщина за пишущей машинкой была так неподкупна. И явно работала даром. Она носила маленький значок, показывавший, что должность у неё общественная.

— Что вам угодно? — сухо осведомилась она; вся его злость и высокомерие сразу же испарились. Он старался вспомнить, что говорил

незнакомец насчёт того, что кекс предназначался не ему. В его словах, как казалось теперь Роу, право же, не было ничего зловещего, а что касается привкуса чая, разве он не просыпался по ночам, ощущая этот вкус во рту?

— Что вам угодно? — резко повторила женщина.

— Не могу ли я узнать у вас адрес некой миссис Беллэйрс?

— Среди тех, кто здесь работает, нет дамы с такой фамилией.

— Она имела отношение к благотворительному базару.

— Ну, все, кто там был, — наши добровольные помощники. Мы не имеем права сообщать их адреса.

– На том базаре произошла ошибка. Мне выдали кекс, который мне не предназначался.

– Сейчас узнаю, – произнесла суровая дама и вышла в заднюю комнату. У него как раз хватило времени подумать, что он поступил опрометчиво. Надо было взять с собой А-2. Но тут он снова почувствовал обиденность всего, что здесь видел, необычным был только он сам. Дама появилась в дверях и сказала:

– Войдите, пожалуйста.

Проходя мимо, он кинул взгляд на пишущую машинку и прочёл: «Вдовствующая баронесса Кредбрук благодарит Д.А. Смит Филлипс за её

щедрый дар — чай и муку...» Он переступил порог.

Роу никак не мог привыкнуть к этим внезапным толчкам в сердце: безраздельнее всего любишь лишь тогда, когда любимый человек недостижим. Цвет волос, маленькая складная фигурка — сразу видно, что такая никому не причинит боли, — заставили его замешкаться на пороге; других общих черт не было, но, когда девушка заговорила с чуть приметным акцентом, он испытал удивление, какое подчас испытываешь в гостях, когда любимая женщина заговорит чужим голосом. Такие встречи бывали у него сплошь и рядом; он бросался

бежать за кем-нибудь в магазин, ждал на углу, если замечал малейшее сходство, словно женщина, которую он любил, заблудилась и он вот-вот найдёт её в толпе.

Девушка спросила:

– Вы пришли насчёт кекса?

Он пристально в неё вглядывался: обе женщины имели так мало общего по сравнению с тем, что их различало. Одна была жива, другая мертва.

– Вчера ночью ко мне приходил какой-то человек, наверное из этой конторы. – Он с трудом подбирал слова: представить себе, что эта девушка была замешана в преступлении, было так же

немыслимо, как заподозрить в этом ту, другую, разве что в качестве жертвы. — Я выиграл на вашем благотворительном базаре кекс, но оказалось, что произошла какая-то ошибка.

— Не понимаю.

— Прежде чем я успел выяснить, чего он от меня хочет, разорвалась бомба.

— Но отсюда никто не мог к вам прийти! Какой он из себя?

— Очень маленький, тёмный, горбатый — калека.

— Таких здесь нет.

— Я надеялся, что если разыщу миссис Беллэйрс... — Это имя, видимо, ей ничего не говорило. —

Одну из дам, помогавших устраивать базар.

— Все они у нас добровольцы, — объяснила девушка. — По-моему, мы сможем найти её адрес через кого-то из организаторов, но разве это так важно? — Комната была разделена на две части ширмой: он подумал, что, кроме них, никого нет, но из-за ширмы появился молодой человек. У него были такие же тонкие черты лица, как у неё. Девушка его представила: — Это мой брат, мистер...

— Роу.

— Кто-то приходил к мистеру Роу справляться насчёт кекса. Я не совсем понимаю, в чем дело. Мистер

Роу выиграл этот кекс на благотворительном базаре.

— Давайте подумаем, кто бы это мог быть? — Молодой человек великолепно говорил по-английски, только чрезмерная правильность речи выдавала в нем иностранца. Казалось, он был из семьи старого закала, где принято говорить отчётливо и точно употреблять слова, — некоторый педантизм придавал его речи даже прелесть. Он стоял, ласково положив руки сестре на плечи, вдвоём они напоминали семейный дагерротип.

— Этот человек ваш соотечественник, мистер Роу? Видите ли, большинство нас в

конторе — иностранцы. — Он с доверчивой улыбкой пояснил: — Если здоровье или национальность не позволяют нам за вас сражаться, мы стараемся хоть чем-то помочь. Моя сестра и я — по паспорту австрийцы.

— Тот человек был англичанин.

— Он, должно быть, из наших добровольцев. У нас так много охотников помочь... Я не знаю и половины по фамилиям. Вы хотите вернуть приз, не так ли? Кекс?

Роу осторожно сказал:

— Я хотел кое-что разузнать.

— На вашем месте, мистер Роу, я бы не проявлял излишней щепетильности. Я, как говорят, вцепился бы в этот кекс «руками и

ногами». — Когда он употреблял разговорный оборот, вы слышали, как он застенчиво помещает его в кавычки.

— Беда в том, — сказал Роу, — что кекса больше нет. Мой дом вчера разбомбили.

— Очень жаль. Я хочу сказать, мне жаль ваш дом. После этого история с кексом, право же, кажется не такой важной!

Оба они были милые и, очевидно, порядочные люди, но сразу же изобличили его в непоследовательности.

— На вашем месте, — сказала девушка, — я бы не стала этим заниматься.

Роу заколебался. Однако нельзя же прожить жизнь, никому не доверяя, запереть себя в худшую из тюрем, какая может быть, – в самого себя. Вот уже больше года Роу жил в такой тюрьме, в одной и той же камере, лишённый даже прогулок на тюремном дворе, не общаясь даже с надзирателем, чтобы скрасить однообразие одиночного заключения. Наступает такая минута, когда человеку надо вырваться из тюрьмы, чем бы это ему ни грозило. И вот он отважился несмело выйти на свободу. Эти двое тоже пережили всякие страхи, но они сумели пройти через них, не покалечив души.

– В сущности, меня беспокоит

не самый кекс, — заявил он.

Они смотрели на него с явным дружелюбием и любопытством; видно было, что с них ещё не сошёл налёт юности, они все ещё надеялись, что жизнь пошлёт им не одни страдания, скуку, недоверие или вражду. Молодой человек предложил:

— Может, вы присядете и расскажете нам?

Они напоминали ему детей, которые любят, когда им рассказывают сказки. У них обоих накопилось жизненного опыта лет на пятьдесят, не больше. Рядом с ними он чувствовал себя стариком.

— У меня создалось впечатление, что тот, кто хотел заполучить этот

кекс, готов был... пойти даже на насилие. — Он рассказал им о приходе незнакомца, о его настойчивости, о странном привкусе чая.

Светло-голубые глаза юноши горели любопытством.

— Какая увлекательная история! — сказал он. — А как вы думаете, кто — или что — за этим кроется? Какое отношение имеет к нему миссис Беллэйрс.

Он теперь жалел, что обратился к мистеру Ренниту. Вот какие союзники ему нужны, а не оборванный Джонс и его недоверчивый хозяин!

— Миссис Беллэйрс гадала мне

на благотворительном базаре и подсказала вес кекса, а вес был неправильный.

— Поразительно! — сияя, воскликнул юноша.

— Какая бессмыслица! — сказала девушка и добавила, почти слово в слово повторяя фразу мистера Реннита: — Тут, видимо, какое-то недоразумение.

— Недоразумение? — воскликнул брат и мысленно заключил в кавычки старую поговорку: «Держи карман шире!» Он с жаром заявил Роу: — Можете считать, что это общество, хотя бы в лице его секретаря, к вашим услугам. Как интересно! — Он протянул Роу руку: — Моя, то есть

наша фамилия – Хильфе. С чего мы начнём?

Девушка сидела молча. Роу сказал:

– Ваша сестра с вами, кажется, не согласна?

– Ничего, потом согласится. В конце концов, она всегда соглашается. Она считает меня романтиком. Ей слишком часто приходилось выручать меня из беды. – На минуту тон его стал серьёзным: – Она вывезла меня из Австрии. – Но ничто не могло его надолго привести в уныние: – Ну, это старая история. Начнём с миссис Беллэйрс? У вас есть какие-нибудь подозрения, «где зарыта собака»? Я

сейчас натравлю на её след нашу угрюмую патронессу из соседней комнаты. — Открыв дверь, он крикнул: — Миссис Дермоди, дорогая, не сможете ли вы разыскать адрес одной из наших дам, некой миссис Беллэйрс? — Он объявил Роу: — Трудность заключается в том, что она, наверно, подруга какой-нибудь подруги, а не постоянная наша сотрудница. Попытайтесь узнать у каноника Толлинга, — посоветовал он миссис Дермоди.

Чем больше жара проявлял молодой человек, тем неправдоподобнее казалась эта история. Роу начал смотреть на неё глазами Реннита, особенно когда в

неё оказались замешаны миссис Дермоди и каноник Топлинг.

— А если все-таки права ваша сестра?

Но молодой Хильфе и слушать ничего не хотел;

— Может, она и права. Но как это скучно, если она права! Уж лучше я буду думать, что где-то готовится грандиозный заговор...

Миссис Дермоди просунула голову в дверь и сообщила:

— Каноник Топлинг дал мне адрес: Парк Кресцент, пять.

— Если она приятельница каноника... — начал было Роу и поймал взгляд мисс Хильфе. Она тайком кивнула ему, словно говоря:

вот теперь вы ведёте себя правильно.

— Да, но давайте «возьмём на мушку» незнакомца, — сказал Хильфе.

— Тут могла быть сотня разных причин, — сказала мисс Хильфе.

— Ну уж, Анна, никак не сотня, — пошутил брат. — Мистер Роу, может быть, вы припомните ещё что-нибудь, чтобы её убедить? — Его пыл куда больше расхолаживал Роу, чем её скептицизм. Все превращалось в игру, к которой нельзя было относиться серьёзно.

— Не могу, — сказал Роу. Хильфе смотрел в окно:

— Подойдите сюда на минуту. Видите того человека в старой

коричневой шляпе? Он появился вслед за вами и все время здесь торчит... Видите, прохаживается по тротуару. Делает вид, что закуривает. И вот снова покупает вечернюю газету. Ни разу не остановился прямо против дома. Ей-богу, похоже, за вами следят.

— Я его знаю, — сказал Роу. — Это частный сыщик. Ему платят за то, что он за мной следит.

— Клянусь богом, — воскликнул Хильфе, даже божился он как-то старомодно, — вы, видно, взялись за это дело всерьёз! Но мы же теперь союзники, надеюсь, вы от нас «не таитесь»?

— Есть одна вещь, о которой я не

сказал...

— Да? — Молодой человек быстро отошёл от окна и, положив руку на плечо сестры, с явным беспокойством ждал ответа: — Что-нибудь порочащее каноника Топлинга?

— По-моему, в кексе было что-то спрятано.

— Что?

— Не знаю. Но калека крошил в руках кусок за куском.

— Может, у него такая привычка? — предположила мисс Хильфе.

— Ну и привычка! — поддразнил её брат. Она вдруг рассердилась:

— Одна из тех типично

английских манер, которые ты так прилежно изучаешь.

Роу попытался ей объяснить:

— Ко мне это все не имеет никакого отношения. Мне их кекс не нужен, но они, ей-богу, пытались меня убить. Я знаю, теперь, при свете дня, это звучит неправдоподобно, но если бы видели этого жалкого уродца — как он наливал себе молоко, а потом ждал, наблюдая за мною и кроша этот злосчастный кекс...

— И вы думаете, что приятельница каноника Топлинга...

— Вы её не слушайте, — перебил Хильфе. — А почему бы и не приятельница каноника Топлинга?

Особой преступной среды теперь не существует. Уж мы-то с ней это знаем. В Австрии было сколько угодно людей, о которых вы бы не подумали ничего плохого, но что они вытворяли на наших глазах! Культурные люди, приятные люди, те, с кем вы прежде сидели за одним столом.

— Хозяин детективного агентства мистер Реннит мне сегодня сказал, что ни разу в жизни не видел убийцы. Уверяет, будто теперь они редкость и не бывают людьми из хорошего общества.

— Что вы! Да их в наши дни тринадцать на дюжину! — сказал Хильфе. — Я лично знаю не меньше

шестерых убийц. Один был министром, другой – профессором-сердечником, третий – директором банка, страховым агентом.

– Замолчи, – прикрикнула мисс Хильфе. – Прошу тебя, замолчи!

– Вся разница в том, – продолжал брат как ни в чем не бывало, – что убивать теперь выгодно, а когда занятие даёт доход, оно становится респектабельным. Богатый владелец подпольного абортария называется гинекологом, а богатый вор-директором банка. Ваш друг отстал от века. – Он разъяснял все это мягко, в его очень светлых голубых глазах не было возмущения. – Старомодный убийца

убивал от страха, из ненависти и даже от любви, но очень редко из-за выгоды. Ни одна из этих причин больше не считается уважительной. А вот убивать ради карьеры, ради положения — совсем другое дело, потому что, когда вы добились этого положения, никто не посмеет критиковать те средства, какими вы его достигли. Никто не откажется с вами знаться, если ваше положение будет достаточно высоким. Вспомните, сколько ваших государственных деятелей пожимали руку Гитлеру. Но конечно, убивать от страха или из-за любви каноник Топлинг не станет. Если бы он убил свою жену, он бы потерял

возможность продвигаться по службе. — И он улыбнулся Роу со счастливым неведением того, о чем говорит.

Когда Роу вышел из того места, которое принято называть тюрьмой, — Его Величество быстро и официально объявило, что ему «неудобно» больше там его держать, — ему показалось, что он попал в совершенно незнакомый мир: в тайный мир вымышленных имён, где, избегая знакомых лиц, он больше никого не знал, в мир, где люди незаметно выходят из бара, когда туда входят другие; живут в меблированных комнатах, потому что там меньше задают вопросов. Это

был мир, о котором и не подозревают люди, посещающие благотворительные гулянья и заутрени, уезжающие на субботу и воскресенье за город, играющие в бридж по маленькой, имеющие открытый счёт в хорошем гастронOME. Это, в сущности, даже не преступный мир, хотя, влачась по его полутёмным, приглушённым проходам, вы можете столкнуться с фальшивомонетчиком из хорошей семьи, которого ни разу не сажали за решётку, или с растлителем малолетних. Там ходят в кино в десять часов утра, вместе с другими субъектами в макинтошах, которым тоже надо убить время. Там весь

вечер сидят дома и читают «Лавку древностей». Когда он впервые поверил, что кто-то хочет его убить, он почувствовал возмущение: убийство было его прерогативой, а не жителей старого устойчивого мира, откуда он был изгнан и к которому явно принадлежали и миссис Беллэйрс, и дама в шляпе с дрожащими полями, и священник по фамилии Синклер. Единственное, от чего убийца должен быть в безопасности, — это от убийства одним из этих людей.

И он был потрясён, когда молодой человек с большим жизненным опытом объяснил ему, что никакого разделения между

двумя мирами не существует. Насекомое, укrywшееся под камнем, имеет право чувствовать себя в безопасности от вельможного сапога, готового мимоходом его раздавить.

— Вы его не слушайте, — попросила мисс Хильфе.

Она смотрела на Роу как будто даже с симпатией, хотя в это трудно было поверить.

— Конечно, я преувеличиваю, — легко признал Хильфе. — Однако в нынешние времена надо быть готовым встретить преступника повсюду и везде. Они теперь называют себя идеалистами. И даже готовы утверждать, что убийство — акт сострадания.

Роу быстро кинул на него взгляд, но в отрешённом взгляде светло-голубых глаз не было и намёка на что-то личное.

— Вы имеете в виду немцев?

— Да, если хотите, немцев. Или фашистов. Людей особой масти.

На столе у мисс Хильфе зазвонил телефон.

— Это леди Данвуди...

Хильфе поспешно прижал ухо к трубке:

— Мы так вам признательны за ваше предложение, леди Данвуди. Нам всегда не хватает тёплых вещей. Да, если вас не затруднит, отправьте их сюда в контору — или, может, лучше за ними послать? Вы

пришлёт с шофёром? Благодарю вас. Всего хорошего. – Он сказал Роу с иронической усмешкой: – Станный способ воевать для человека моих лет, а? Собирать тёплые вещи у вдовствующих дам-благотворительниц. Но это полезно, мне разрешают этим заниматься и в награду не пошлют в лагерь для военнопленных. Но история, которую вы рассказали, очень меня взволновала. Она может позволить мне... занять более боевую позицию в этой войне. – Он нежно улыбнулся сестре: – Понимаете, она обзывает меня романтиком...

Но сейчас она не обозвала его никак. Можно было подумать, что

она не только его не одобряет, но словно от него отеклась, не желает содействовать ему ни в чем, кроме сбора тёплых вещей. На взгляд Роу, ей недоставало обаяния и лёгкости брата; жизнь, которая выработала в нем забавный безрассудный нигилизм, научила её мрачной, тоскливой сосредоточенности. Ему уже не казалось, что годы не оставили на них царапин. Но брат излагал идеи, а в сестре говорило чувство. Роу поглядел на неё, и его горести словно нашли тут сродство; они зывали к ней, хотя и без ответа.

— Ну, что же мы будем делать? — спросил Хильфе.

— Бросьте вы все это! — мисс

Хильфе обратилась прямо к Роу. Вот она и ответила наконец, но для того лишь, чтобы сказать: разговор окончен,

— Ну нет! — запротестовал Хильфе. — Так нельзя. У нас идёт война,

— Почём вы знаете, даже если за этим что-то кроется, — сказала мисс Хильфе, по-прежнему обращаясь только к Роу, — что это не просто... кража, наркотики или что-нибудь в этом роде?

— Не знаю, и мне все равно, — сказал Роу. — Но я очень обозлился.

— Ну а что вы все-таки предполагаете? — спросил Хильфе. — Насчёт кекса?

— Там могло быть спрятано какое-нибудь сообщение.

Брат и сестра помолчали, словно им хотелось лучше обдумать эту мысль. Потом Хильфе сказал:

— Я пойду с вами к миссис Беллэйрс.

— Ты не можешь бросить контору, Вилли. Лучше я пойду с мистером Роу. У тебя назначено свидание.

— Чепуха, это всего-навсего Тренч. Ты сама сумеешь с ним договориться, Анна. А тут дело поважней. Мало ли что может случиться, — сказал он с восторгом.

— Вам бы стоило взять с собой сыщика, мистер Роу.

– И сразу спугнуть даму. От него же пахнет сыщиком за километр. Нет, – сказал Хильфе, – мы должны деликатно от него отделаться. Я умею увиливать от шпиков. Таким вещам нетрудно было научиться с тридцать третьего года.

– Но я не знаю, что сказать мистеру Тренчу.

– Потяни его за нос. Скажи, что мы рассчитаемся в начале месяца. Простите, мистер Роу, что мы вынуждены при вас говорить о делах.

– А почему бы мистеру Роу не пойти одному? («Видно, она все же допускает, что тут что-то есть, – подумал Роу. – И боится за брата...») Зачем вам вдвоём ставить себя в

глупое положение?

Но Хильфе оставил слова сестры без внимания. Исчезая за ширмой, он сказал Роу:

— Минутку, я только напишу записочку Тренчу. Вышли они из конторы через другую дверь — вот и все, что потребовалось, чтобы скрыться от Джонса: разве он подозревал, что его наниматель постарается от него увильнуть? Хильфе подождал такси, и, когда они проезжали мимо, Роу увидел, как несёт свою вахту этот маленький обтрёпанный сыщик: Джонс закурил новую сигарету, исподтишка поглядывая на огромный, пышный подъезд, как верный пёс, который

неусыпно охраняет дверь хозяина.

— Надо было его предупредить, — пожалел Роу.

— Нельзя. Мы захватим его с собой потом. Мы же скоро вернёмся. — Такси завернуло за угол, и фигура сыщика скрылась из виду; он потерялся среди автобусов и велосипедов, его поглотила толпа таких же слоняющихся полуголодных лондонцев, и те, кто его знал, уже никогда его не увидят.

Глава четвёртая

ВЕЧЕР У МИССИС БЕЛЛЭЙРС

*Тут и там были злые
драконы, такие же
ядовитые, как и в моих
Сагах.*

*«Маленький
герцог»*

I

Дом миссис Беллэйрс мог похвастаться своеобразием: это был старый дом на склоне Кэмпден-

хилла, который не гонялся за модой и гордо высился в глубине маленького палисадника, заросшего сухой травой между вывесками «Сдаётся внаём». К тощей колючей живой изгороди прислонилась статуя, она была такая потрескавшаяся и серая от недосмотра, что напоминала большой обломок пемзы. Когда вы нажимали звонок под маленьким портиком, казалось, что его треньканье спугнёт обитателей дома и все, что там есть живого, собьётся в кучу где-то в дальних коридорах.

Поэтому белоснежный передник и белоснежные нарукавники отворившей дверь горничной были для Роу неожиданностью. Она

следила за своей внешностью, чего нельзя было сказать о доме, хотя по годам они выглядели ровесниками. Лицо её было напудрено тальком, покрыто морщинами и сурово, как лицо монашки. Хильфе спросил:

– Миссис Беллэйрс дома?

Старая горничная смотрела на них с проницательностью, которой учит жизнь в монастыре:

– А вы договорились заранее?

– Да нет, – сказал Хильфе. – Мы просто хотим её повидать. Я приятель каноника Топлинга.

– Видите ли, – пояснила горничная, – сегодня у неё вечер.

– Да?

– И если вы не входите в их

компанию...

По дорожке приближался пожилой человек с очень благородной внешностью и густой седой шевелюрой.

— Добрый вечер, сэр, — встретила его горничная. — Прошу вас, пройдите. — Он был явно из «их компании», потому что она впустила его в комнату направо, и Роу с Хильфе слушали, как она доложила: — Доктор Форестер. — Потом она вернулась охранять вход. Хильфе предложил:

— Если вы сообщите миссис Беллэйрс, кто её спрашивает, может, нас и примут в компанию. Моя фамилия Хильфе, я друг каноника

Топлинга.

— Я, конечно, спрошу... — неуверенно пообещала горничная.

Но все кончилось благополучно. Миссис Беллэйрс самолично выплыла в тесную, захламлённую переднюю. На ней было платье из переливчатого шелка либерти и тюрбан. Она простёрла к ним руки в знак приветствия:

— Друзья каноника Топлинга... — сказала она.

— Моя фамилия Хильфе. Из общества Помощи матерям свободных наций. А это мистер Роу.

Роу следил, не покажет ли она как-нибудь, что узнала его, но ничего не заметил. Её большое белое лицо,

казалось, было обращено в потусторонние миры.

— Если вы хотите вступить в нашу компанию, — начала она, — мы всегда рады новичкам. При условии, что у вас нет никакой предубеждённости.

— Ничуть! Что вы! — воскликнул Хильфе,

Она проплыла, как статуя на носу корабля, в гостиную с оранжевыми занавесками и синими диванными подушками по моде двадцатых годов. Чёрные колпаки на лампах для светомаскировки придавали комнате сходство с полутёмным восточным кафе. Пепельницы и маленькие столики

свидетельствовали о том, что часть медных изделий Бенареса попала на благотворительный базар из дома миссис Беллэйрс.

В комнате находилось человек шесть; один из них — высокий, плотный, черноволосый — сразу привлёк внимание Роу. Сначала он не понимал, в чем дело, потом сообразил, что человек выделялся своей обыденностью,

— Мистер Кост, — представила его миссис Беллэйрс, — а это мистер...

— Роу, — подсказал Хильфе, и гости были церемонно представлены друг другу.

Роу не мог понять, как он

очутился в обществе доктора Форестера с его благородной внешностью и безвольным ртом, мисс Пэнтил — темноволосой женщины неопределённого возраста с чёрными бусами и голодным взглядом, мистера Ньюи (мистера Фредерика Ньюи, с гордостью подчеркнула миссис Беллэйрс), чьи босые ноги были обуты в сандалии, а голова покрыта копной седых волос, мистера Мода — близорукого юноши, ни на шаг не отступавшего от мистера Ньюи и преданно кормившего его тонкими ломтиками хлеба с маслом, и Кольера, явно принадлежавшего к другому классу и втершегося сюда не без труда. С ним

обращались покровительственно, но тем не менее им восхищались. Он принёс с собой дыхание большого мира, и все смотрели на него с интересом. Он успел побывать и официантом, и бродягой, и кочегаром, а потом (все это миссис Беллэйрс шёпотом сообщила Роу) написал книгу замечательных стихов — грубоватых, но в высшей степени одухотворённых.

— Он пользуется словами, каких никогда не употребляют в поэзии, — рассказывала миссис Беллэйрс. Между ним и мистером Ньюи шла какая-то вражда.

Со всем этим обществом Роу познакомился за очень жидким

китайским чаем, которым гостей обносила суровая горничная.

— А чем занимаетесь вы, мистер Роу? — спросила миссис Беллэйрс.

— Да я... — сказал Роу, разглядывая её поверх края чайной чашки и размышляя, что же тут собралось за общество, и никак не представляя хозяйку в роли преступницы, — я просто сижу и думаю.

Ответ был не только правдив, но и весьма уместен. Миссис Беллэйрс обрадовалась:

— Я буду звать вас «наш философ». У нас есть свой поэт, свой критик...

— А кто такой мистер Кост?

— Он из делового мира. Персона в Сити. Я зову его нашим человеком—загадкой. Мне иногда даже кажется, что от него идут враждебные флюиды.

— А мисс Пэнтил?

— У неё поразительная способность изображать на холсте внутренний мир. Она его видит через цветовые пятна, круги, а иногда и овалы, их ритмические чередования...

Нет, поверить, что миссис Беллэйрс как-то связана с преступным миром, было просто нелепо, — и она сама, и

кто-нибудь из её компании. Если бы не Хильфе, Роу придумал бы

подходящий предлог и откланялся. Все эти люди, что бы ни говорил Хильфе, не принадлежали к его миру, миру мертвецов. Он рассеянно спросил:

— Вы собираетесь каждую неделю?

— По средам. Конечно, времени у нас очень мало из-за воздушных налётов. Жена мистера Ньюи настаивает, чтобы он возвращался к себе в Уэлвин до бомбёжек. Поэтому, видно, у нас ничего не получается. Их ведь не поторопишь, понимаете? —она улыбнулась. — Нам трудно что-либо пообещать новичку. — Роу не понял, о чем идёт речь. Хильфе куда-то скрылся с

Костом. Миссис Беллэйрс сказала: — Ох уж эти заговорщики! Мистер Кост вечно выдумает какой-нибудь новый опыт!

Роу попытался задать наводящий вопрос:

— И у вас часто ничего не выходит?

— Да, хоть плачь. Хорошо, что в ту минуту этого не понимаешь. Но зато иногда бывают и удачи — вы просто поразитесь, что у нас иногда получается.

В соседней комнате зазвонил телефон.

— Что за безобразие! Кто бы это мог быть? — удивилась миссис Беллэйрс. — Все мои друзья знают,

что по средам мне нельзя звонить.

Вошла старая горничная. Она недовольно объявила:

— Спрашивают мистера Роу.

— Не понимаю... — удивился он. — Никто же не знает...

— Только вы уж, пожалуйста, нас не задерживайте, — попросила его миссис Беллэйрс.

Роу чувствовал за спиной неодобрительное молчание; все безмолвно следили за тем, как он выходит в сопровождении горничной. У него было такое ощущение, будто он позволил себе неприличную выходку в церкви и его оттуда выводят. Позади было слышно только позвякивание посуды, которую

убирали со стола.

Хильфе стоял в прихожей и что-то серьёзно втолковывал Косту. Он спросил: «Это вас?» — и тоже был удивлён.

Роу подумал: может быть, это мистер Реннит, но как он меня здесь нашёл? Неужели это Джонс? Он склонился над письменным столом миссис Беллэйрс в маленькой, тесной от мебели столовой, не понимая, как его разыскали.

— Алло! Алло!

Но это был не мистер Реннит. Сначала Роу не узнал голоса, он был женский.

— Это мистер Роу?

— Да.

— Вы один?

— Да.

Голос был невнятный, словно трубку прикрыли платком. Откуда ей знать, подумал он, что ему не с кем спутать её голос.

— Я вас очень прошу уйти из этого дома как можно скорее.

— Это мисс Хильфе? Голос нетерпеливо повторил:

— Да! Да! Ну хорошо, это я.

— Вы хотите поговорить с братом?

— Пожалуйста, ничего ему не рассказывайте. И уходите. Уходите немедленно.

Ему стало смешно. Мысль о том, что в гостях у миссис Беллэйрс

может грозить опасность, его забавляла. Он понял, что мистеру Ренниту удалось его переубедить. Но тут же вспомнил, что раньше мисс Хильфе разделяла ту же точку зрения. Теперь что-то переубедило её. Он спросил:

— А как же ваш брат?

— Если вы уйдёте, он пойдёт с вами. Приглушённый настойчивый голос действовал ему на

нервы. Он поймал себя на том, что обходит стол кругом, чтобы оказаться лицом к двери, и переступил на новое место, испугавшись, что теперь окажется спиной к окну.

— Почему бы вам не сказать это

вашему брату?

— Тогда он и подавно не захочет уйти.

Это было справедливо. Он спросил себя: тонки ли здесь стены? Комната была загромождена всяким хламом, а ему нужно было свободно по ней передвигаться, чтобы иметь возможность отступить. Голос встревожил его своей—убеждённой. Он спросил:

— А Джонс все ещё там? Сыщик?

Наступила долгая пауза-она, видимо, подошла к окну. Потом голос зазвучал в трубке неожиданно громко — она отняла платок:

— Там никого нет.

— Вы уверены?

— Никого.

Он почувствовал себя покинутым и рассердился. Какое право имел Джонс бросить свой пост? Кто-то шёл к столовой по коридору. Он сказал:

— Я должен прервать наш разговор.

— Они попытаются напасть на вас в темноте, — сказал голос, и в этот момент дверь отворилась. Это был Хильфе. Он сказал:

— Идёмте. Вас ждут. Кто вам звонил?

— Пока вы писали записку, я попросил миссис Дермоди, на случай, если я кому-то срочно понадоблюсь...

– Вас кто-то спрашивал?

– Да, сыщик Джонс.

– Джонс? – спросил Хильфе.

– Да.

– У Джонса были какие-нибудь важные новости?

– Да нет... Беспокоится, что меня потерял. Мистер Реннит просит заехать к нему в контору.

– Верный страж Реннит... Когда все кончится, мы поедем прямо к нему,

– Что кончится?

Глаза у Хильфе злорадно и весело блестели:

– То, чего мы не можем пропустить ни за что на свете. – Он добавил вполголоса: – Мне начинает

казаться, что мы ошиблись. Тут очень смешно, но совсем не... страшно. — Он дружески взял Роу под руку и легонько потянул за собой. — Сделайте над собой усилие и сохраняйте серьёзность, мистер Роу. Смеяться нельзя ни в коем случае. Не забудьте, что она приятельница каноника Толлинга.

Когда они вернулись в гостиную, там явно заканчивались какие-то приготовления. Стулья расставили в круг, и на лицах читалось вежливо скрываемое нетерпение.

— Садитесь, мистер Роу, рядом с мистером Костом, — сказала миссис Беллэйрс, — и мы тогда погасим свет.

Когда тебя мучит кошмар, ты

знаешь, что дверь шкафа сейчас приоткроется и оттуда появится нечто ужасное, хотя не представляешь себе, что именно...

Миссис Беллэйрс повторила:

— Если вы наконец сядете, мы сможем погасить свет. |— Простите, но мне нужно уйти.

— Ах, но теперь вы не можете уйти! — воскликнула миссис Беллэйрс. — Не правда ли, мистер Хильфе?

Роу поглядел на Хильфе, но светло-голубые глаза поблёскивали без всякого сочувствия,

— Конечно, ему незачем уходить, — сказал Хильфе. — Мы оба останемся. Зачем же мы тогда

пришли? — Он слегка подмигнул, когда миссис Беллэйрс с неуклюжей игривостью заперла дверь, положила ключ к себе за вырез платья и погрозила им пальцем:

— Мы всегда запираем дверь, чтобы нас ни в чем не заподозрил мистер Кост.

Когда тебя мучит страшный сон, убежать ты не можешь, ноги словно налиты свинцом, ты не можешь отойти от зловещей двери, которая чуть заметно приотворяется. Но то же происходит и в жизни: иногда легче умереть, чем устроить скандал. На память ему пришла та, другая: она не захотела поднимать шум, тоскливо сдалась и выпила молоко...

Он вошёл в круг и сел слева от Коста. По правую руку от него сидела мисс Пэнтил. Рядом с миссис Беллэйрс сидели доктор Форестер и Хильфе. Он не успел разглядеть, как сидят остальные, — свет погас.

— Теперь все мы возьмёмся за руки, — сказала миссис Беллэйрс.

Маскировочные шторы были спущены, и в комнате воцарилась почти полная темнота. Рука Коста, которую держал Роу, была горячей и липкой, а у мисс Пэнтил — горячей и сухой. Это был первый спиритический сеанс, на котором присутствовал Роу, но боялся он совсем не духов. Он жалел, что Хильфе не сидит рядом, и все время

ощущал тёмную пустоту комнаты за спиной, где могло произойти все что угодно. Он попытался высвободить руки, но их крепко держали. В комнате стояла полнейшая тишина, над правым глазом у него повисла капля пота, потом она стекла ниже, смахнуть её он не мог, а она щекотала ему веко. Где-то в другой комнате заиграл патефон.

Он играл и играл что-то приторное и звукоподражательное, кажется Мендельсона, — все время рокотали волны, и эхо отдавалось в пещерах. Наступила пауза, потом иголку отодвинули назад, и мелодия повторилась снова. Все те же волны безостановочно бились в те же

гроты. Снова и снова. Но за этими звуками Роу стал различать человеческое дыхание — людские тревоги, опасения, взволнованность. Лёгкие мисс Пэнтил издавали странный сухой свист. Кост тяжело и ровно дышал, но не так тяжело, как кто-то другой, трудно выдыхавший воздух в темноте. А он прислушивался и ждал. Услышит ли он шаги за спиной и успеет ли освободить руки?

Теперь он уже не сомневался, что его предостерегли вовремя. «Они постараются напасть на вас в темноте». Вот она, опасность, — такие страхи испытывала и та, другая, наблюдая, как день за днём

непомерно растёт его жалость и требует выхода.

– Да, да, – вдруг произнёс чей-то голос. – Я не слышу. – А дыхание мисс Пэнтил вырывалось со свистом, и звуки Мендельсона замирали со стоном. Где-то далеко в потусторонней пустоте просигналило такси.

– Говорите громче, – произнёс голос, голос миссис Беллэйрс, но не похожий на обычный. Эта миссис Беллэйрс была одурманена своей верой, воображаемой связью с тем, что находилось за пределами маленького, тёмного, ограниченного мирка, в котором они сидели. Его все это не волновало, он ждал нападения

человека, а не духа. Миссис Беллэйрс произнесла грудным голосом:

— Кто-то из нас враг и не даёт ему сюда проникнуть. Что-то закрипело — стол или стул — и пальцы Роу

инстинктивно впились в руку мисс Пэнтил. Это не был дух. Человеческая воля заставляла звенеть бубён, разбрасывала цветы, подражала прикосновению ребёнка к щеке, — он понимал, какая это опасная сила, но его крепко держали за руки.

— Тут есть враг, — говорил голос, — он не верит, он пришёл сюда со злыми намерениями...

Роу почувствовал, как рука Коста

сжала его руку ещё сильнее, и подумал: неужели Хильфе до сих пор не понимает, что здесь происходит? Ему хотелось позвать на помощь, но приличия удерживали его не менее, чем рука Коста. Где-то опять скрипнула доска. К чему такой балаган, если все они в этом замешаны? Но может быть, не все? А вдруг вокруг него есть друзья? Он не знал, кто тут друг.

— Артур!

Он снова попытался выдернуть руки — это не был голос миссис Беллэйрс.

— Артур!

Тусклый, безжизненный голос и в самом деле мог звать его из-под

тяжёлой могильной плиты.

— Артур, почему ты убил?

Голос простонал и смолк, а он все никак не мог выдернуть руки. Роу не то чтобы узнал голос, он мог принадлежать не только его жене, но и любой умирающей женщине, полной беспредельной тоски, боли и упрёка, —| однако голос узнал его. Какое-то светлое пятно мель-

кнуло наверху у потолка, словно нащупывая дорогу вдоль стены, и он закричал:

— Не надо! Не надо!

— Артур... — шепнул голос, и он забыл обо всем, он больше не прислушивался к чьим-то движениям, к скрипу досок, он

ТОЛЬКО МОЛИЛ:

– Да перестаньте же! Прошу вас, перестаньте!

Он почувствовал, как Кост поднялся со своего места, дёрнул его руку, а потом резко её отбросил, словно не желая её касаться. Даже мисс Пэнтил и та отпустила его руку. Он услышал, как Хильфе сказал:

– Это уже не смешно. Зажгите свет.

Свет внезапно зажёгся и ослепил его. Все сидели, держась за руки, и смотрели на него – он разорвал круг, – одна только миссис Беллэйрс, судя по всему, ничего не замечала: она уронила голову, зажмурила глаза и тяжело дышала.

— Ничего не скажешь, — произнёс Хильфе с явным намерением рассмешить, — отличный номер!

Но мистер Ньюи воскликнул:

— Кост! Поглядите на Коста!

Роу, как и все, посмотрел на своего соседа. Тот уткнулся лицом в полированную поверхность стола, уже больше никем не интересуюсь.

— Позовите доктора, — сказал Хильфе.

— Я врач, — заявил доктор Форестер и отпустил руки своих соседей; все сразу почувствовали себя детьми, затеявшими какую-то дурацкую игру, и украдкой убрали руки. Он тихо сказал:

— Боюсь, что врач тут не поможет. Придётся вызвать полицию.

Миссис Беллэйрс почти проснулась; она сидела, мутно поглядывая вокруг и прикусив кончик языка.

— Это, наверное, сердце, — сказал мистер Ньюи. — Слишком переволновался.

— Боюсь, что дело не в этом, — возразил доктор. — Он убит. — Его старое, породистое лицо склонилось над телом мистера Коста; длинная, нервная, изящная рука прикоснулась к нему и как-то нелепо окрасилась.

— Не может быть, — сказал мистер Ньюи. — Дверь была заперта.

— Мне очень жаль, — сказал

мистер Форестер, — но это легко объясняется. Убил его кто-то из нас.

— Но мы же все держались... — начал Хильфе. И все разом поглядели на Роу.

— Он выдернул руку, — заявила мисс Пэнтил.

— Я больше не стану его трогать, пока не придёт полиция. Кост убит чем-то вроде перочинного ножа...

Роу быстро сунул руку в пустой карман и увидел, что все глаза в комнате следят за его малейшим движением.

— Надо увести отсюда миссис Беллэйрс, — сказал доктор Форестер. — Сеанс всегда требует огромного нервного напряжения, ну

а этот... — Вдвоём с Хильфе они подняли со стула тучную женщину в тюрбане; рука, которая с таким изяществом окуналась в кровь Коста, не менее деликатно достала из-за выреза платья ключ от двери. — А все остальные пусть останутся на своих местах. Я только позвоню в отделение полиции на Ноттинг-хилл, и мы тут же вернёмся.

Когда они ушли, наступило долгое молчание; никто не смотрел на Роу, но мисс Пэнтил отодвинула от него свой стул как можно дальше, и теперь он один сидел возле убитого, словно они были друзьями, встретившимися в гостях. Наконец тишину нарушил мистер Ньюи:

– Если они не поторопятся, я опоздаю на поезд. Тревога боролась с ужасом: в любую минуту могла завывать сирена, мистер Ньюи поглаживал ногу в сандалии, а молодой Мод воскликнул, зло поглядев на Роу:

– Не понимаю, почему нам надо ждать!

Роу вдруг сообразил, что не сказал ни слова в свою защиту; чувство вины за другое преступление затыкало ему рот. Да и что можно сказать мисс Пэнтил, мистеру Ньюи и Моду? Как их убедить, что убийца не он, совершенно незнакомый им человек, а кто-то из их друзей? Он бросил быстрый взгляд на Коста,

словно надеясь, что тот оживёт и посмеётся над ними — «это один из моих опытов», — но тот был мертвее мёртвого. Роу подумал: кто-то из них все-таки убил — это было невероятно, ещё невероятнее, чем если бы убил он сам. В конце концов, он принадлежал к миру убийц, был исконным членом их содружества. И это прекрасно знает полиция, подумал он. Она это прекрасно знает.

Дверь отворилась, вернулся Хильфе.

— Доктор оказывает помощь миссис Беллэйрс, — сообщил он. — Я позвонил в полицию. — Он пытался что-то сказать Роу взглядом, но тот его не понял. Роу подумал: мне надо

повидать его наедине, не может ведь он в самом деле поверить...

— Вы не будете возражать, если я выйду в уборную? — спросил он. — Меня тошнит.

— Никто не должен выходить из комнаты, пока не приедет полиция, — заявила мисс Пэнтил.

— Кто-то должен вас проводить, — сказал Хильфе. — Хотя бы для проформы.

— Давайте говорить начистоту, — сказала мисс Пэнтил. — Чей это нож?

— Может, мистер Ньюи не откажется выйти с мистером Роу?.. — спросил Хильфе.

— Вы меня в это дело не путайте, — запротестовал Ньюи. — Я

тут ни при чем. Мне надо успеть на поезд.

— Тогда, если вы мне доверяете, пойду я, — сказал Хильфе. Никто не возражал.

Уборная помещалась на первом этаже. Стоя на площадке, они слышали из спальни миссис Беллэйрс ровную баюкающую речь доктора Форестера.

— Мне никуда не нужно, — шепнул Роу. — Слушайте, Хильфе, я его не трогал.

Роу неприятно поразило, что в такую минуту Хильфе испытывал только азарт:

— Конечно, нет. Кажется, мы попали в самую точку!

– Но за что? И кто это сделал?

– Не знаю, но, уж поверьте, выясню! – Хильфе дружески положил руку ему на плечо и этим как-то очень его успокоил, подтолкнул к уборной и запер за ними обоими дверь. – Только вам, старина, надо поскорее отсюда смываться; Они, если сумеют, вас непременно повесят. И уж, во всяком случае, надолго запрут под замок. А им это очень кстати.

– Но что делать? Нож ведь мой!

– Вот черти! – Хильфе произнёс это с тем смешливым негодованием, с каким говорят о ловкой проказе мальчишек. – Надо вас убрать подальше от греха, пока мы с

мистером Реннитом... Кстати, скажите все-таки правду: кто вам звонил?

— Ваша сестра.

— Сестра? — Хильфе поглядел на него с улыбкой. — Ну, молодец... Наверное, что-нибудь узнала. Интересно откуда. Она вас предупредила?

— Да, но я не должен был вам этого говорить.

— Чепуха. Я ведь её не съем, — светло-голубые глаза смотрели рассеянно, его явно занимали какие-то свои мысли. Роу попытался привлечь его внимание к себе:

— А куда мне теперь деваться?

— Уйти в подполье, — небрежно

обронил Хильфе. Он почему-то не спешил. — В наше время это модно. Неужели вы не знаете, как это делается?

— Да, но все это не шутки.

— Вы поймите, — сказал Хильфе. — Цель, которой мы добиваемся, конечно, нешуточная, но если мы хотим сохранить хладнокровие, нельзя терять чувство юмора. Как видите, у них его нет совсем. Дайте мне неделю сроку. И в это время никому не показывайтесь на глаза.

— Полиция вот-вот будет здесь.

— Из этого окна легко выпрыгнуть прямо на клумбу. Снаружи совсем темно, а через

десять минут объявят тревогу. Слава богу, теперь по вою сирен можно проверять часы.

— А вы?

— Когда будете открывать окно, спустите воду. Тогда никто ничего не услышит. Обождите, пока бачок наполнится, потом спустите воду и дайте мне как следует в зубы. Нокаут для меня лучшее алиби. Не забудьте, что я подданный вражеского государства.

Глава пятая

МЕЖДУ СНОМ И ПРОБУЖДЕНИЕМ

*Они пришли в большой
лес, через который,
казалось, не вело ни одной
тропинки*

*«Маленький
герцог»*

I

Есть сны, которые только
наполовину рождены подсознанием;
мы их так живо помним,

проснувшись, что хотим, чтобы они доснились нам до конца — засыпаем снова, просыпаемся и опять спим, а сон все снится, и в нем есть та логическая связность, которой не бывает в настоящих снах.

Роу был измучен и напуган; он прошёл чуть не половину Лондона, пока длился ежедневный воздушный налёт. Город был пуст, если не считать коротких вспышек суеты и шума: на углу Оксфорд-стрит загорелся магазин зонтиков; на Уорд-стрит он прошёл сквозь тучу гравия; человек с серым от пыли лицом хохотал, прислонившись к стене, а дружинник ему зло выговаривал: «Ну хватит! Тут смеяться нечего». Все это

Роу не трогало. Казалось, он об этом читает в книге, к его собственной жизни эти

события отношения не имели, и он не обращал на них внимания. Но ему надо было найти какой-нибудь ночлег, поэтому он послушался совета Хильфе и к югу от реки ушёл «в подполье» — спустился в подземное убежище.

Он лёг на верхнюю койку, и ему приснилось, что он шагает по длинной раскалённой дороге недалеко от Трампингтона, поднимая башмаками белую меловую пыль. Потом он пил чай дома на лужайке за красной кирпичной оградой, а его мать, полулёжа в шезлонге, ела

бутерброд с огурцом. У её ног лежал ярко-голубой крокетный шар, она улыбалась, поглядывая на сына и думая о своём, как это всегда делают родители. Вокруг было лето в полном разгаре и уже близился вечер. Он говорил: «Мама, я её убил...», а мать отвечала: «Не болтай глупостей, детка. Съешь лучше бутерброд».

«Но, мама, я это сделал. Я это сделал».

Ему нужно было её убедить. Если он её убедит, она ему поможет, скажет, что это неважно, и тогда все и вправду будет неважно, но ему сначала надо её убедить. А она отвернулась и крикнула кому-то, кого

здесь не было, негромко, с раздражением: «Только не забудьте стереть с рояля пыль!»

«Мама, послушай, прошу тебя...» — но он вдруг понял, что он ещё ребёнок и не может заставить её поверить. Ему ещё нет и восьми, он видит окно своей детской на втором этаже, с поперечными перекладинами, скоро нянька прижмётся лицом к стеклу и жестами позовёт его в дом. «Мама, — говорит он, — я убил жену, меня ищет полиция...» Мать улыбнулась и покачала головой: «Мой мальчик не мог никого убить».

А времени было мало; с другого края длинной, погруженной в

летнюю дремоту лужайки, из-за крокетных ворот, из тени, отбрасываемой большой, лениво недвижимой сосной, приближалась жена священника с корзиной яблок. И пока она не дошла, он должен убедить мать, но язык его не мог произнести ничего, кроме ребячьего: «Нет, да! Нет, да!»

Мать, улыбаясь, откинулась на спинку шезлонга и сказала: «Мой мальчик и жука не обидит!» (У неё была манера путать поговорки.)

«Вот поэтому-то... — хотел объяснить он. — Именно поэтому...» Но мама помахала рукой жене священника и сказала: «Это только сон, дорогой. Дурной сон».

Он проснулся в полутёмном кровавом подземелье: кто-то обвязал лампочку красным шёлковым шарфом, чтобы притушить свет. Вдоль стен в два ряда, друг над другом, лежали люди, а снаружи грохотал, удаляясь, воздушный налёт. Ночь выдалась тихая: если бомбы падали в миле от тебя, это был вроде и не налёт. По другую сторону прохода храпел старик, а в конце убежища на одном тюфяке лежала парочка, держась за руки и прижавшись друг к другу коленями.

Роу подумал: а ведь и это показалось бы ей сном, она бы ни за что не поверила. Она умерла до первой мировой войны, когда

аэропланы — тогда ещё нелепые деревянные ящики — едва-едва перебирались через Ламанш. Она так же не могла бы себе этого представить, как и того, что её сын с бледным серьёзным личиком, в коричневых вельветовых штанишках и голубом свитере — Роу сам себе казался чужим на пожелтевших фотографиях в мамином альбоме — вырастет, чтобы стать убийцей. Лёжа на спине, он поймал свой сон, не дал ему уйти, оттолкнул жену священника назад, в тень сосны, и продолжал спорить с матерью.

«Все это уже не настоящая жизнь, — говорил он, — чай на лужайке, вечерний благовест, крокет,

старушки, которые приходят в гости деликатно и беззлобно посплетничать; садовник с тачкой, полной опавших листьев и травы. В книгах пишут обо всем этом так, словно ничего не кончилось; литературные дамы без конца описывают это в сотнях модных романов. Но ничего этого уже нет».

Мать испуганно улыбалась, но не перебивала — теперь он был хозяином сна. «Меня хотят арестовать за убийство, которого я не совершал. А другие хотят меня убить за то, что я слишком много знаю. Я прячусь под землёй, а наверху, надо мной, немцы методично превращают Лондон в обломки. Помнишь церковь

св. Климен-тия? Они её разрушили. И Сент– Джеймс, и Пиккадилли, Берлингтонскую аркаду, отель Гарленда, где мы останавливались, когда приезжали посмотреть пантомиму Мейплс... Похоже на чёрный роман, правда? Но страшные романы похожи на жизнь, они ближе к жизни, чем ты, чем эта лужайка, твои бутерброды и вон та сосна. Ты, бывало, смеялась над книжками, которыми зачитывалась мисс Сэведж, — там были шпионы, убийства, насилие, бешеные погони на автомобилях, — но, дорогая, это и есть настоящая жизнь, это то, во что мы превратили мир с тех пор, как ты умерла. Я, твой маленький Артур,

который не обидит и жучка, я тоже убийца». Он не мог вынести взгляда испуганных глаз, которые сам нарисовал на цементной стене, приложился губами к стальной раме своей койки и поцеловал бледную, холодную щеку. «Ах, моя дорогая, моя дорогая, моя дорогая. Как я рад, что ты умерла. Но ты-то об этом знаешь? Ты знаешь?» Его обдавало ужасом при мысли о том, во что превращаются дети и что испытывают мёртвые, когда видят это превращение и понимают своё бессилие его предотвратить.

«Но ведь это сумасшедший дом!» – закричала мать.

«Ах нет, там гораздо тише. Я-то

знаю. Меня ведь запирали в такой дом на какое-то время. Там все были очень добрые. Меня даже назначили библиотекарем...» Ему хотелось получше объяснить ей разницу между сумасшедшим домом и тем, что творилось вокруг. «Все люди там были очень... разумные». И он сказал с яростью, словно не любил её, а ненавидел: «Хочешь, я дам тебе прочесть „Историю современного общества“? Её сотни томов, но в большинстве своём это грошовые издания „Смерть на Пиккадилли“, „Посольские бриллианты“, „Кража секретных документов в Адмиралтействе“, „Дипломатия“, „Четверо справедливых“...

Он долго насиловал свой сон, а потом стал терять над ним власть. Он уже больше не был на лужайке, теперь он бегал по полю за домом, где пасли ослика, который по понедельникам возил их бельё в стирку на другой конец деревни. Они с сыном священника, каким-то чужим мальчиком, говорившим с иностранным акцентом, и его собакой по кличке Спот играли возле стога сена. Собака поймала крысу, а потом стала подкидывать её кверху, крыса пыталась уползти с переломанным хребтом, а собака игриво на неё насакивала. И тут он больше не смог видеть мучений крысы, схватил битую для игры в

крикет и ударил крысу по голове; он бил её и не мог остановиться, боясь, что крыса ещё жива, хоть и слышал, как кричала ему нянька: «Артур, брось! Как тебе не стыдно! Перестань!» – а Хильфе смотрел на него с весёлым азартом. Когда он перестал бить крысу и не мог даже на неё взглянуть, он убежал далеко в поле и спрятался. Но нельзя спрятаться навсегда, и, когда он вернулся, нянька пообещала: «Я не скажу маме, но ты не смей никогда больше этого делать. Она-то думает, что ты и мухи не обидишь. Что на тебя нашло, не пойму...» Никто из них не догадывался, что им владеет ужасное, ужасающее чувство

жалости.

Это был и сон и воспоминание, но потом ему приснился настоящий сон. Он лежал на боку, тяжело дыша; в северной части Лондона начали палить из тяжёлых орудий, а сознание его свободно блуждало в мире, где прошлое и будущее оставляют одинаковый след, а место действия бывает и двадцатилетней давности, и тем, каким оно будет через год. Он кого-то ждал в аллее у ворот; из-за высокой живой изгороди доносился смех и глухой стук теннисных мячей, а сквозь листву, как мотыльки, мелькали белые платья. Близился вечер, скоро будет темно играть, —и тогда кто— то к

нему выйдет; он ждал, онемев от любви. Сердце у него билось от мальчишеского волнения, но, когда кто-то чужой дотронулся до его плеча и сказал: «Уведите его», душу его сжало отчаяние взрослого человека. Он не проснулся – теперь он стоял на главной улице маленького провинциального городка, где когда-то в детстве гостил у старшей сестры своей матери. Он стоял перед входом во двор гостиницы, а в конце двора светились окна сарая, где по субботам устраивались танцы. Под мышкой он держал пару лакированных лодочек – он ждал девушку много старше себя, которая вот-вот выйдет из раздевалки,

возьмёт его под руку и пойдёт с ним через двор. И вот сейчас, на улице, он представлял себе все, что с ним будет в ближайшие несколько часов: маленький тесный зал, где столько знакомых лиц: аптекарь с женой, дочери директора школы, управляющий банком и зубной врач со своим синеватым подбородком и многоопытным взглядом; синий, зелёный и алый серпантин, маленький местный оркестр, ощущение тихой, хорошей и устойчивой жизни, которое слегка тревожат молодое нетерпение и юношеская страсть, отчего потом все покажется только вдвое дороже. Но внезапно сон превратился в кошмар:

кто-то в темноте кричал от ужаса, но не та молодая женщина, которую он встречал, ещё не отважился поцеловать и, наверное, так и не поцелует, а кто-то, кого он знал даже лучше, чем родителей, кто принадлежал совсем к другому миру, к печальному миру разделённой любви. Рядом с ним стоял полисмен и говорил женским голосом: «Вам нужно вступить в нашу небольшую компанию» — и неумолимо толкал его к писсуару, где в каменном тазу истекала кровью крыса. Музыка смолкла, лампы погасли, и он не мог вспомнить, зачем пришёл на этот тёмный отвратительный угол, где стонала даже земля, когда на неё

ступали, словно и она научилась страдать. Он сказал: «Прошу вас, разрешите

мне отсюда уйти», а полицейский спросил: «Куда ты хочешь уйти, дорогой?» Он сказал: «Домой», а полицейский ответил: «Это и есть твой дом. Никакого другого нет нигде», — и стоило ему двинуться с места, как земля под ним начинала стонать; он не мог сделать ни шагу, не причиняя ей страданий.

Роу проснулся — сирены дали отбой. Один или два человека в убежище на секунду привстали, но тут же снова улеглись. Никто не двинулся, чтобы пойти домой, теперь их дом был здесь. Они уже привыкли

спать под землёй, это стало такой же привычкой, как когда-то субботнее кино или воскресная обедня. Это была теперь их жизнь/

Глава шестая

ОТРЕЗАН

*Ты увидишь, что около
каждой двери стоит
стража.*

*«Маленький
герцог»*

I

Роу позавтракал в закусочной на Хай-стрит Клэпхема. Окна были забиты досками, верхний этаж снесло; дом стал похож на барак, наскоро построенный для

пострадавших от землетрясения. Враг причинил Клэпхему большой урон. Лондон перестал быть громадным городом, он стал скопищем маленьких городов. Каждый район приобрёл свои особые приметы: в Клэпхеме часто бывали дневные налёты и жители ходили как затравленные, чего не было заметно в Вестминстере, где ночные налёты были более жестокими, зато убежища были лучше. Лицо официантки, которая принесла Роу кофе и гренки, бледнело и дёргалось, словно она была в бегах; она то и дело замирала и прислушивалась к каждому скрежету тормозов на улице.

Сегодняшний ночной налёт, по словам газет, был слабый. Сброшено некоторое количество бомб, имеется некоторое количество убитых и раненых, в том числе и смертельно раненных. Но нигде даже самым мелким петитом не упоминалось «Предполагаемое убийство во время спиритического сеанса». Никого не волновала единичная смерть. Роу почувствовал негодование. Когда-то он был героем газетных заголовков, но если бы он стал жертвой сейчас, никто не уделил бы ему места в газетной колонке. Он ощущал себя заброшенным; никому не было дела до такого мизерного происшествия, когда ежедневно шло массовое

истребление людей. Быть может, несколько пожилых джентльменов из уголовного розыска, уже переставших понимать, как их обогнало время, ещё стали бы с дозволения покладистого начальства заниматься такой чепухой, как убийство. Они, наверное, составляли бы друг для друга докладные записки, им, пожалуй, даже разрешалось бы посетить «место преступления», но Роу не верил, чтобы результаты их расследования вызвали больше интереса, чем статьи чудаковатых священников, все ещё протестующих против теории Дарвина. Он живо представил себе, как их начальство говорит: «Ох уж

этот старик имярек. Мы иногда подкидываем ему кое-какие убийства, чтобы его занять. Ведь когда он был моложе, мы относились к таким вещам серьёзно, пусть думает, что от него и сейчас есть толк. Результаты дознания?.. Ну да, ему-то и в голову не приходит, что у нас нет времени читать его писанину!»

Прихлёбывая кофе, Роу снова и снова листал газету в поисках хотя бы беглого сообщения о том, что случилось; он испытывал даже сочувствие к инспекторам уголовного розыска: ведь он сам был убийца, их современник и человек старомодный; тот кто убил Коста,

тоже был человеком их круга. Его раздражал Вилли Хильфе, который с лёгкостью относился к убийству и даже видел в нем особую пикантность. Но сестра Хильфе не была склонна над этим шутить, не зря она предостерегала Роу и говорила о смерти так, словно смерть все ещё что-то значит. Как всякий зверь, который бродит один, Роу сразу почуял, что тут кто-то свой.

Бледная официантка не спускала с него глаз: ему не удалось побриться, и вид у него был такой, что он может уйти, не заплатив. Поразительно, во что тебя превращает ночь в бомбоубежище: одежда его пахла карболкой, будто он

ночевал в ночлежке.

Он заплатил по счёту и спросил официантку:

— У вас есть телефон?

Она указала ему на аппарат возле кассы, и он набрал номер Реннита. Шаг рискованный, но ему надо было что-то предпринять. Конечно, сейчас ещё слишком рано. Было слышно, как звонок дребезжит в пустой комнате, и Роу спросил себя, лежит ли там ещё недоеденный бутерброд с сосиской? В эти дни нельзя было поручиться, что телефон зазвонит вообще, за ночь контору могло стереть с лица земли. Теперь он, по крайней мере, знал, что с этой частью света ничего не случилось:

«Ортотекс» стоит, как стоял.

Он снова сел за столик, попросил ещё кофе и писчей бумаги. Официантка смотрела на него с нарастающим недоверием. Даже в гибнущем мире надо соблюдать условности: заказывать снова, уже заплатив, не принято; требовать же писчую бумагу позволяют себе лишь иностранцы. Она может дать ему лишь листок из своего блокнота для заказов. Условности были куда прочнее нравственных устоев: он ведь поймал себя на том, что ему легче дать себя убить, чем устроить скандал в гостях. Он стал записывать бисерным почерком подробный отчёт обо всем, что произошло. Что-

то надо предпринять, он не намерен скрываться от властей из-за преступления, которого не совершал, в то время как настоящим преступникам сходит с рук... то, что они хотят, чтобы им сошло с рук. В своём отчёте он опустил фамилию Хильфе... Мало ли какие подозрения могут возникнуть у полиции, а ему не хотелось, чтобы его единственный союзник попал за решётку. Он надумал послать своё донесение прямо в Скотланд-ярд.

Роу перечитал письмо, чувствуя на себе подозрительный взгляд официантки; рассказ его казался на редкость неубедительным: кекс, странный визитёр, знакомый

привкус, — пока дело не дошло до трупа Коста и улики, обличающих автора письма. Быть может, лучше все-таки не посылать этого письма в полицию, а отправить его кому-нибудь из друзей?.. Но у него нет друзей, если не считать Хильфе... или Реннита. Он двинулся к выходу, но официантка его окликнула:

— Вы не заплатили за кофе.

— Простите, совсем забыл!

Она взяла у него деньги с торжествующим видом: ну разве она была не права! Потом она долго смотрела в окно, на котором стояли пустые блюда для пирожных, наблюдая, как он неуверенно шагает по Хай-стрит.

Ровно в девять часов он снова позвонил из автомата возле станции Стокуэлл и снова услышал, как дребезжит в пустоте звонок. В четверть десятого, когда он позвонил в третий раз, мистер Реннит уже пришёл. Роу услышал его насторожённый резкий голос:

– Слушаю. Кто спрашивает?

– Это я, Роу.

– Что вы сделали с Джонсом? – сразу набросился на него Роу.

– Я с ним расстался вчера на улице...

– Он не вернулся.

– Может, он ещё там сидит...

– Я ему должен жалованье за неделю. Он сказал, что вечером

зайдёт. Тут что-то не так. Джонс не упустит случая получить с меня деньги, если я их должен.

— За это время случилось кое-что похуже...

— Джонс — моя правая рука, — сказал мистер Реннит. — Что вы с ним сделали?

— Я пошёл к миссис Беллэйрс.

— При чем тут она? Мне нужен Джонс.

— Там убили человека.

— Что?

— Полиция думает, что убил его я.

По проводу донёсся стон. Маленький жуликоватый человек откусил кусок не по зубам; всю свою

жизнь он проплавал как рыба в воде среди своих сомнительных делишек: адюльтеров, компрометирующих писем, а теперь течение вынесло его туда, где охотились акулы. Он ныл:

– Недаром я не хотел браться за ваше дело...

– Вы должны мне посоветовать. Я к вам приду.

– Нет! – Роу слышал, как на том конце провода у человека перехватило дыхание. Тон чуть приметно изменился: – Когда?

– В десять. Реннит, вы меня слушаете? – ему надо было кому-то объяснить. – Реннит, я ни в чем не виноват. Вы должны мне поверить. Я не имею обыкновения убивать

людей.

Он, как всегда, почувствовал боль, произнеся слово «убивать», словно прикусил ранку на языке; каждый раз он произносил его как приговор себе. Быть может, если бы его повесили, он нашёл бы для себя оправдание в тот миг, когда на шее затягивалась петля, но ему предоставили целую жизнь для того, чтобы он мог размышлять о своём поступке.

Вот и сейчас он о нем размышлял — небритый человек в пыльном костюме, сидя в вагоне подземки между станцией Стокуэлл и Тотенхем—корт-роуд. (Ему пришлось сделать крюк, потому что

многие станции метро были закрыты.) Сны, которые он видел ночью, вернули его к прошлому. Он вспомнил, каким он был двадцать лет назад — влюблённым, витающим в облаках, вспомнил без всякой жалости к себе, словно научно рассматривая процесс развития живого организма. В те дни он считал себя способным на героические подвиги и на такую стойкость, что она заставит любимую девушку забыть его неловкие руки и юношеские прыщи на подбородке. Все, казалось ему, сбудется. Можно смеяться над мечтами, но пока у тебя есть возможность мечтать, в тебе могут

развиться те качества, о которых ты мечтаешь. Со смерти жены Роу больше не мечтал, даже во время суда он не мечтал о том, чтобы его оправдали. У него словно отсохла та часть мозга, которая управляет способностью мечтать, он был уже не способен на самопожертвование, мужество, добродетель, потому что больше о них не мечтал. Он признавал свою утрату; мир потерял для него объёмность и стал плоским, как бумага. Ему хотелось мечтать, но он был способен теперь только на отчаяние и на хитрость, которая подсказывала ему, что к мистеру Ренниту надо подходить с оглядкой.

Наискось от конторы мистера Реннита помещался книжный аукцион. Стоя возле полок у двери, можно было наблюдать за подъездом напротив. Еженедельный аукцион был назначен на завтра, и поэтому в лавке собрались любители с каталогами в руках; небритое лицо и мятый костюм не могли привлечь внимания. Следом за Роу вошёл человек с лохматыми усами, протёртыми локтями и карманами, оттопыренными бутербродами; он стал внимательно разглядывать большой альбом по художественному садоводству. Епископ, а может быть,

викарий, листал романы Вальтера Скотта. Чья-то большая седая борода зарылась в скабрёзные страницы иллюстрированного Брантома. Компания тут собралась самая разношёрстная; в кафе и театрах публика соответствует своему окружению, а на аукционах предлагают товары на всякий вкус. Вокруг стоял запах заплесневелых книг, упаковочной соломы и верхней одежды, которая не раз бывала под дождём. Стоя у полок, где были разложены партии книг для продажи от No 1 до 131, Роу мог видеть всех, кто входил или выходил из дверей, которые вели в контору мистера Реннита.

Как раз у него перед глазами лежал недорогой женский молитвенник, входивший в партию других религиозных сочинений.

Стрелки больших круглых часов на столе у аукционера, которые некогда были сами проданы с аукциона, о чем свидетельствовал оборванный ярлычок под циферблатом, показывали 9.45. Роу наудачу открыл женский молитвенник, — все его внимание было обращено на дверь напротив. Молитвенник был разукрашен уродливыми цветными буквицами; как ни странно, это была единственная вещь, напоминавшая в этой старинной тихой комнате о

войне. Открыв его наудачу, вы читали молитву об избавлении от гибели, от злых племён и народов, от несправедливости, коварства, от врага, рычащего, аки лев... Слова эти торчали из страниц, украшенных цветным бордюром, как пушечные жерла из клумбы.

«Не дай человеку употребить силу во зло!» – прочёл он, и слова этой молитвы прозвучали в его ушах, как музыка. Ибо во всем мире, за стенами этой комнаты, человек воистину употреблял свою силу во зло, он и сам употребил свою силу во зло. Этим занимались не только дурные люди. Отвага разрушала соборы, стойкость обрекала на голод

города, жалость убивала... Наши добродетели часто хватают нас за горло и предают. Может быть, и тот, кто убил Коста, дал на миг волю своей доброте, а Реннит, предавая своего клиента, впервые в жизни вёл себя как примерный гражданин, — трудно было не узнать полицейского в том человеке, который, спрятавшись за развёрнутый лист газеты, занял наблюдательный пост как раз напротив аукциона.

Он читал «Дейли миррор». Из-за его спины Роу была видна карикатура чуть ли не на всю полосу. Мистер Реннит выглянул украдкой в окно и тотчас скрылся. Часы на аукционе показывали без пяти

десять. Медленно тянулся серенький денёк, пропылённый ночной бомбёжкой и пропитанный запахом сырой штукатурки. Сознание, что его покинул даже мистер Реннит, заставило Роу ещё сильнее почувствовать своё одиночество.

В прежнее время и у него были друзья, правда немного, потому что он не любил болтовни, но зато дружеские связи оставались по-настоящему прочными. В школе друзей у него было трое; они делили надежды на будущее, печенье и безграничное честолюбие, а вот теперь он не мог припомнить ни их имён, ни лиц. Как-то на Пиккадилли-серкус к нему вдруг

обратился какой-то седой чудака с претенциозными манерами, в двубортном жилете и с цветком в петлице, вид его говорил о не очень устойчивом и не слишком благовидном достатке. «Господи, да это же Буджи!» — воскликнул незнакомец и потащил его в бар отеля Пиккадилли, где Роу пытался обнаружить в этом въедливом нахале кого-то из учеников четвёртого класса, в чёрных воскресных брюках или футбольных трусиках, вымазанных чернилами. А тот сперва безуспешно пытался занять пять фунтов, а потом проскользнул в мужскую уборную и пропал, предоставив Буджи расплачиваться

по счёту.

Были у него, конечно, друзья и не так давно — человек пять или шесть. Потом он женился, и они стали друзьями его жены, даже больше, чем его собственными. Том Кэртис, Крукс, Перри и Вейн.

После его ареста они, как и следовало предполагать, исчезли. Возле него оставался только глупый бедняга Генри Уилкоккс, который продолжал твердить проклятую фразу: «Я знаю, ты не виновен. Ты же и мухи не обидишь». Роу вспомнил, какое лицо было у Уилкоккса, когда он ему сказал: «Я виноват. Я её убил». После этого у него не осталось даже Уилкоккса, а

вернее, его маленькой властной жены, игравшей в хоккей (вся каминная доска у них была заставлена её серебряными трофеями).

Полицейский в штатском всячески выражал нетерпение. Он, видно, прочёл свою газету полностью, потому что она была раскрыта на той же странице. Часы показывали пять минут одиннадцатого. Роу захлопнул каталог, пометив наудачу несколько партий книг, и вышел на улицу. Человек в штатском обратился к нему: «Простите...» – и сердце у Роу замерло.

– Да?

– Я забыл дома спички.

– Возьмите всю коробку.

– Не могу, спасибо, не такие

теперь времена. – Он поглядел мимо

Роу вдоль улицы на развалины

сберегательной кассы, – её сейфы

стояли как могильные памятники, –

а потом проводил взглядом пожилого

служащего, который волочил по

земле зонтик возле дверей Рен-нита.

– Кого-нибудь ждёте? – спросил

Роу.

– Да так, – неуклюже объяснил

полицейский, – одного приятеля. Вот

опаздывает...

– До свидания.

– До свидания, сэр. – Это слово

«сэр» было тактической ошибкой,

как и мягкая шляпа, надетая слишком прямо, по-служилому, и одна и та же страница «Дейли миррор». «Да разве они станут утруждать своих лучших работников из— за какого-то убийства», — подумал Роу, снова потревожив ранку на языке.

Что теперь делать? Он не в первый раз пожалел, что возле него нет Генри Уилкокса. Некоторые люди сами удаляются жить в пустыню. Но у них есть бог, с которым они могут общаться. Почти десять лет он не испытывал потребности в друзьях — одна женщина заменяла ему всех друзей на свете... Интересно, где теперь может быть Генри? Он представил себе, как Генри суется

в отряде противовоздушной обороны, — над ним потешаются, когда кругом тихо, а сам он замирает от страха на время долгого дежурства на улице, но, натянув парусиновые штаны не по росту и слишком просторный шлем, стоит на своём посту... Ах, будь она проклята, эта жизнь, подумал Роу, дойдя до разрушенного угла Хай-Холборн, я сделал все, чтобы тоже принять участие в войне. Не моя вина, если по здоровью меня не взяли в армию, а что касается этих чёртовых героев гражданской обороны — всех этих маленьких конторщиков, ханжей и прочее, — они не пожелали меня принять, когда узнали, что я сидел;

даже сидение в сумасшедшем доме показалось им слишком позорным, чтобы назначить меня на пост 2, пост 4 или какой-нибудь другой пост. А теперь они совсем выбросили меня из этой войны — хотят схватить за убийство, которого я не совершал. На что я могу надеяться при моем прошлом?

Он подумал: чего мне дался этот кекс? Меня все это не касается. Это их война, а не моя. Почему бы мне просто где-нибудь не спрятаться, пока не стихнет шумиха? (Во время войны шум вокруг какого-то убийства должен скоро уняться!) Это не моя война, я ведь ненароком попал на передний край. Уеду из

Лондона, пусть тут дурачьё само разбирается, пусть дурачьё помирает... В кексе, может, и не было ничего важного, какой-нибудь бумажный колпак, изречение, шестипенсовик на счастье. Может быть, этот горбун ничего и не замышлял, может, мне просто почудился этот привкус... Может быть, ничего этого не было и я все выдумал — взрывы по-разному действуют на людей, мог же он повлиять на мозги, которые и так устали от мрачных мыслей.

И, словно спасаясь от надоедливого спутника, который шёл рядом и длинно что-то объяснял, Роу вдруг нырнул в телефонную будку и

набрал номер. Строгий вдовый голос недовольно осведомился: «У телефона Свободные матери. Кто говорит?»

— Позовите, пожалуйста, мисс Хильфе.

— А кто спрашивает?

— Её друг. — Провод задрожал от недовольного хмыканья. Роу резко сказал: — Соедините меня с ней, прошу вас. — И тут же услышал голос, который, если бы он закрыл глаза, забыл о телефонной будке и разрушенном Холборне, мог быть голосом его жены. Сходства на самом деле не было, но он так давно не разговаривал с женщинами, если не считать хозяйки или продавщицы в

магазине, что всякий женский голос возвращал его в прошлое.

– Слушаю. Кто говорит?

– Эта вы, мисс Хильфе?

– Да. А кто вы?

Он ответил так, словно его имя было знакомо ей с детства:

– Это Роу.

Наступила такая долгая пауза, что он испугался, не положила ли она трубку.

– Алло? Вы слушаете? – спросил он.

– Да.

– Я хотел бы с вами поговорить.

– Вам не следовало мне звонить.

– Мне некому больше звонить – кроме вас и вашего брата. Он там?

– Нет.

– Вы слышали, что случилось?

– Он мне сказал.

– Вы ведь ждали чего-то,

правда?

– Не этого. Чего-нибудь похуже.

– Сколько я вам причинил беспокойства из-за того, что к вам вчера пришёл, да?

– Моего брата ничего не беспокоит.

– Я позвонил Ренниту.

– Зачем? Вы не должны были этого делать.

– Я ещё не освоил всю эту технику. Но вы сами можете догадаться, что произошло.

– Да. Полиция.

– Вы знаете, что ваш брат посоветовал мне сделать?

– Да.

Их разговор был похож на письмо через цензуру. А он чувствовал неодолимую потребность поговорить с кем-нибудь откровенно. Он спросил:

– Вы не могли бы встретиться со мной минут на пять?

– Нет, – сказала она. – Не могу. Я не могу отсюда уйти.

– Ну хоть на две минуты.

– Невозможно.

Ему вдруг это показалось необычайно важным.

– Пожалуйста! – упрашивал он.

– Это опасно. Брат рассердится.

– Я ведь совсем один. Мне не у кого спросить совета. Я многого не понимаю.

– Мне очень жаль...

– А я не могу написать вам... или ему?

– Вы просто пришлите свой адрес... мне. Не надо подписывать письмо или подпишитесь чужим именем.

Эмигранты знают эти уловки как свои пять пальцев. Им такая жизнь хорошо знакома. Интересно, а если он спросит её, откуда взять денег, найдёт ли она на это готовый ответ? Он чувствовал себя, как заблудившийся ребёнок, который вдруг уцепился за рукав взрослого,

надеясь, что тот доведёт его до дому. Он решил наплевать на воображаемого цензора.

— В газетах ничего нет?

— Ничего.

— Я написал письмо в полицию.

— Ах, зачем вы это сделали? Вы его уже отправили?

— Нет.

— Подождите, — сказала она. — Может, это вам не понадобится. Посмотрим, что будет дальше.

— Как вы думаете, мне не опасно сходить в банк, чтобы снять деньги со счета?

— Вы такой беспомощный. Какой вы беспомощный! Ещё как опасно! Вас там будут подстерегать.

– Тогда как же мне жить?

– Неужели у вас нет приятеля, который может получить для вас по чеку?

Ему почему-то не хотелось признаваться, что у него никого нет.

– Есть, – сказал он. – Конечно, есть.

– Ну вот... Только не показывайтесь никому на глаза, – сказала она так тихо, что ему пришлось напрячь голос:

– Не буду.

Она дала отбой. Он положил трубку и двинулся назад в Холборн, стараясь не показываться никому на глаза. Впереди него шёл с оттопыренными карманами один из

книжных червей, которые были на аукционе.

«Неужели у вас нет приятеля?» – спросила она. У эмигрантов всегда есть друзья – какие-то люди контрабандой перевозят письма, достают паспорта, подкупают чиновников; в огромном подполье величиной с материк царит взаимопомощь. В Англии ещё не освоили эту технику. Кого попросить дать ему деньги по чеку? Какого-нибудь торговца? С тех пор как он живёт один, он имел дело с магазином только через хозяйку. Он вторично за этот день перебрал в уме всех своих бывших друзей. Анне Хильфе не пришло в голову, что у

беглеца может не быть друзей. У эмигранта всегда есть своя партия или хотя бы соплеменники. Он подумал о Перри и Вейне, — нет, это безнадёжно, даже если бы он знал, как их найти. Крукс, Бойль, Кэртис... Кэртис способен дать ему по морде. У него примитивные взгляды на жизнь и безграничное самодовольство. Роу всегда привлекало в друзьях простодушие, оно восполняло то, чего не хватало ему самому. Оставался Генри Уилкокс. Тут ещё была какая-то надежда, если не вмешается жена-хоккеистка. У их жён не было ничего общего. Железное здоровье и жестокая беда — несовместимы, а

инстинкт самосохранения должен внушить миссис Уилкокс ненависть к нему. Если человек может убить свою жену, подумает она, до чего он в состоянии дойти?

Но какую отговорку придумать для Генри? Он нащупал в грудном кармане исповедь — нет. Не мог же он рассказать Генри правду; Генри не поверит, как и полиция, что он мог присутствовать при убийстве в качестве наблюдателя. Надо подождать, пока закроются банки — а в военное время их закрывают рано, — и придумать какой-нибудь правдоподобный предлог...

Но какой? Он придумывал его в закусочной на Оксфорд-стрит, но так

ничего и не придумал. Может быть, довериться минутному вдохновению, а ещё лучше отказаться от этой затеи совсем и сдаться... И только когда он расплачивался по счёту, его осенило, что он может не найти Генри вообще. Генри жил в Баттерси, а жить сейчас в Баттерси было не очень уютно. Может быть, его нет в живых — ведь двадцать тысяч человек уже погибло. Он искал адрес Генри в телефонной книге. Квартира была все та же. Но это ещё ничего не значит, говорил себе Роу, воздушная война моложе этого справочника. И все же для проверки он набрал номер, — все его связи с людьми будут теперь, как видно, только по

телефону. Он с каким-то страхом ждал гудка, а когда его услышал, быстро положил трубку. Он часто звонил Генри — до того, как это случилось. Что ж, надо на что-то решаться, дом стоит на месте, хотя Генри может там не быть. Все равно чек нельзя передать по телефону, на этот раз связь должна быть зримой. В последний раз он видел Генри накануне суда.

Ему сейчас было бы легче опустить руки и сдаться.

Он сел на автобус 19, от Пиккадилли. За развалинами церкви Сент— Джеймс в те ещё благословенные времена начинался мирный пейзаж. Нейтсбридж и

Слоэйн-стрит ещё не вступили в войну, хотя Челси уже воевало, а на Баттерси был передний край. Линия фронта причудливо петляла, как след урагана, оставляя то там, то здесь нетронутые места. Баттерси, Холборн, Ист-Энд — извилистая линия огня отчётливо прошла через них... однако вот на Баттерси по-прежнему стоит на углу трактир, рядом с ним молочная и булочная, и кругом не видно развалин.

Такая же картина была на улице, где жил Уилкокс; большие жилые дома, похожие на дешёвые привокзальные гостиницы, стояли целёхонькие, вытянув свои прямоугольники. Весь ряд этих

домов пестрел объявлениями: «Сдаётся внаём» – и Роу понадеялся, что такая же бумажка приклеена на доме No 63. Но там её не было. Внизу, в холле, висела доска с табличками, на которой жильцы сообщали, дома они или нет, однако то, что против фамилии Уилкоксов значилось «дома», ещё ничего не говорило, даже если они здесь жили, – Генри всегда считал, что табличка «нет дома» только приманивает грабителей. Его осторожность дорого обходилась приятелям: им частенько приходилось зря взбираться на верхний этаж (лифта в доме не было).

Окна лестничной клетки выходили на Челси; стоило подняться на второй этаж, и в глаза бросались приметы войны. Большинство церковных шпилей было на две трети отломано; казалось, что повсюду начали сносить трущобы, хотя здесь давно не было трущоб.

Когда Роу добрался до верхней площадки лестницы, он с тоской поглядел на знакомый номер 63. Раньше он жалел Генри – за то, что у него такая властная жена, за мещанское существование, за то, что работа бухгалтера-контролёра связывает его по рукам и ногам; четыреста фунтов в год, которые имел Роу, казались по сравнению с

этим просто богатством, и в его отношении к Генри сквозило высокомерие богатого человека по отношению к бедному родственнику. Он делал Генри подарки. Может быть, за это миссис Уилкокс его и не любила. Роу мягко улыбнулся, увидев на двери табличку: «Дежурный ПВО», – именно в такой роли он его и представлял. Но палец его все не нажимал звонка.

III

Он так и не успел позвонить – дверь отворилась, и на пороге появился Генри, но до странности не похожий на прежнего Генри. Раньше

он отличался большой аккуратностью, за этим следила жена. Теперь его синий комбинезон был грязен, а сам он не брит. Он прошёл мимо Роу, словно его не заметив, и заглянул через перила в пролёт лестницы.

— Их нету, — сказал он.

Пожилая женщина с красными веками — как видно, кухарка — вышла за ним на площадку:

— Ещё рано, Генри. Право же, ещё рано.

На минуту Роу подумал: если Генри так изменился, война могла превратить и жену Генри в старуху.

Генри вдруг осознал присутствие Роу или, вернее, почти

осознал.

— А, Артур... — сказал он, словно они виделись только вчера. — Хорошо, что ты пришёл. — Потом он снова нырнул в свою маленькую тёмную прихожую и растворился во тьме возле дедовских часов.

— Входите, пожалуйста, — сказала женщина. — Думаю, что теперь они уже скоро будут.

Он вошёл за ней и заметил, что она оставила дверь открытой, словно в ожидании других гостей; теперь он уже привык, что жизнь швыряет его вверх и вниз помимо его воли, туда, где он один чувствует себя чужим. На сундуке лежал аккуратно сложенный комбинезон и стальная каска. Ему

это напоминало тюрьму, где при входе оставляешь одежду. Из полумрака слышался голос Генри:

— Хорошо, что ты пришёл, Артур... — Сказав это, он опять куда-то скрылся.

— Раз вы друг Генри — милости просим, — сказала пожилая женщина. — Я миссис Уилкокс. — Она даже в темноте прочла на его лице удивление и пояснила: — Мать Генри. Обождите в комнате. Теперь, я думаю, они

скоро придут. Тут у нас темно. Ну да, светомаскировка, Стекла-то почти все вылетели.

Она провела его в комнату, где, как он помнил, помещалась

столовая. Стол был уставлен бокалами, как для приёма гостей. Странное для этого время. Генри стоял тут же, но вид у него был такой, словно его загнали в угол или он сам туда забился. На каминной доске красовались четыре серебряных кубка с выгравированными названиями команд; пить из них было так же немыслимо, как из бухгалтерской книги.

Роу, поглядев на бокалы, заметил:

— Неудобно, что я так к вам ворвался.

Но Генри в третий раз повторил ту же фразу, словно не мог придумать другую:

— Как хорошо, что ты...

Казалось, он не помнит той сцены в тюрьме, когда рухнула их дружба. Миссис Уилкокс добавила:

— Как хорошо, что старые друзья Генри поддерживают его в такую минуту.

И тут Роу, открывший было рот, чтобы спросить Генри о жене, сразу все понял. Смерть была всему причиной — и этой вереницы бокалов, и небритого подбородка, и непонятного ожидания, и даже того, что больше всего его поразило: помолодевшего лица Генри. Говорят, горе старит, однако оно зачастую и молодит, освобождает от ответственности, и у человека в

глазах снова появляется выражение отроческой неприкаянности.

– Я не знал... Я бы не пришёл, если бы знал... – бормотал Роу.

Миссис Уилкокс ответила с мрачной гордостью:

– Об этом написано во всех газетах. – Генри стоял в углу, зубы у него стучали, как от озноба, а миссис Уилкокс безжалостно продолжала – она уже наплакалась вволю, и сын теперь снова принадлежал ей одной: – Мы гордимся нашей Дорис. Весь отряд воздаст ей почести. Мы положим её форму – чистую форму – на гроб, а священник скажет надгробное слово на тему: «Большей любви не имел никто...»

– Я очень сожалею, Генри...

– Сумасшедшая! – сердито закричал Генри. – Она не имела права... Я же ей говорил, что стена рухнет!

– Но мы гордимся ею, Генри, мы гордимся ею, – вмешалась мать.

– Я не должен был её пускать, – голос Генри стал визгливым от ярости и горя. – Она, видно, думала, что заслужит ещё один паршивый горшок...

– Она играла за Англию, Генри, – сказала миссис Уилкокс. Потом она обратилась к Роу: – Я считаю, что рядом с каской нужно положить хоккейную шайбу, а Генри не хочет.

– Я пойду, – пробормотал Роу. – Я ни за что бы не пришёл, если бы...

– Нет, оставайся. Ты-то знаешь, что это... – Генри запнулся и поглядел на Роу, словно только теперь до конца осознал его присутствие. – Я ведь тоже убил жену. Мог её удержать, сбить с ног...

– Ты понимаешь, что говоришь, Генри? Что о тебе подумает этот джентльмен? – всполошилась мать.

– Это Артур Роу, мама.

– А-а... – сказала миссис Уилкоккс. – А-а... – Но в это время с улицы послышался медленный стук колёс и шарканье ног. – Как он посмел?

– Он – мой старый друг, мама. –

Кто-то поднимался по лестнице. — А зачем ты пришёл, Артур?

— Попросить у тебя денег по чеку.

— Какая наглость! — сказала миссис Уилкоккс.

— Я ведь ничего не знал.

— Сколько тебе надо, старик?

— Фунтов двадцать...

— У меня есть только пятнадцать. Бери.

— Ты ему не верь, — сказала миссис Уилкоккс.

— По моим чекам платят, Генри знает.

— Можете сами сходить в банк.

— Он уже закрыт, миссис Уилкоккс. Простите. Мне срочно

понадобились деньги.

В комнате стоял маленький секретер в стиле королевы Анны, очевидно принадлежавший жене Генри. У всей мебели был какой-то непрочный вид, мимо неё было страшно пройти. Должно быть, хозяйке хотелось отдохнуть от спартанского уклада спортивной жизни. Продвигаясь к секретеру, Генри задел плечом серебряный кубок, и он покатился по ковру. В дверях появился толстяк в комбинезоне с белой каской в руке. Он поднял кубок и торжественно объявил:

— Процессия прибыла, миссис Уилкоккс. Генри съёжился у

секретера.

— Форма у меня готова и лежит в передней, — сказала миссис Уилкоккс.

— Не мог; достать знамя, — сказал дружинник ПВО, — а флажки, которые втыкают в развалины, будут неприлично выглядеть. — Ему мучительно хотелось показать смерть с праздничной стороны. — Весь отряд явился как один, мистер Уилкоккс, кроме тех, кто на посту. Военная противопожарная служба тоже прислала делегацию. И спасательный отряд, и полицейский оркестр...

— Ах, если бы Дорис могла это видеть, — сказала миссис Уилкоккс.

— Но она это видит, мадам, —

сказал дружинник. — Я в этом уверен.

— А потом все вы, надеюсь, вернётесь сюда, — сказала миссис Уилкоккс, жестом показав на бокалы.

— Да уж очень нас много. Пожалуй, ограничимся одной бригадой. Люди из спасательного отряда, в общем, и не рассчитывают...

— Пойдём, Генри. Нельзя заставлять этих добрых людей ждать. Неси форму. О господи, какой у тебя неприбранный вид! Ведь все на тебя будут смотреть.

— Не понимаю, почему мы не могли похоронить её без этой суеты? — сказал Генри.

— Но ведь она героиня, — сказала

миссис Уилкокс.

— Не удивлюсь, если её наградят георгиевской медалью, конечно посмертно, — заявил дружинник. — Первая медаль в нашем районе, представляете, как это важно для отряда.

— Пойми, Генри, — сказала миссис Уилкокс, — она теперь не просто твоя жена. Она принадлежит всей Англии.

Генри двинулся к двери. Дружинник ПВО все ещё смущённо держал в руке серебряный кубок, не зная, куда его поставить.

— Поставьте куда-нибудь, все равно, — сказал ему Генри.

Они вышли в прихожую, оставив

Роу одного.

— Не забудь свою каску, Генри, — напомнила миссис Уилкоккс.

Раньше Генри был человеком точным, а теперь утратил это свойство; все, что делало его тем, кем он был, больше не существовало; прежде казалось, что его натура состоит из двубортного жилета, длинных колонок цифр и жены, играющей в хоккей; лишившись всего этого, он потерял свою цельность.

— Иди ты сама, — сказал он матери. — Иди ты сама...

— Но, Генри...

— Его можно понять, мадам, — сказал дружинник. — Ничего не поделаешь, горе. Мы в отряде всегда

считали мистера Уилкокса человеком душевным. Они поймут, — заверил он добродушно, подразумевая, по-видимому, отряд, полицейский оркестр и пожарную охрану.

Он дружески подтолкнул широкой ладонью миссис Уилкокс к двери и взял форму покойной. Какие-то черты прошлого вдруг проступили в безличном облике человека, одетого в комбинезон, — мирная профессия камердинера, а может быть, швейцара, выбегающего с зонтом под дождь, чтобы проводить посетителя от автомобиля до двери. Война похожа на дурной сон, где знакомые люди появляются в странном, устрашающем и

несвойственном им обличье. Вот даже Генри...

Роу сделал неуверенное движение, чтоб последовать за ним; он понадеялся, что это напомнит Генри о деньгах. У него не было другой возможности их получить: ему больше не к кому было обратиться. Но Генри сказал:

— Давай их проводим и тут же вернёмся. Ты ведь понимаешь, да? Я не вынесу, когда её...

Они вышли вдвоём на мостовую у парка; процессия уже двинулась в путь; она сбегала, как маленький тёмный ручеёк к реке. Стальная каска на гробу почернела и не отражала лучей зимнего солнца, а

спасательная бригада шла не в ногу с отрядом ПВО. Все это выглядело как пародия на правительственные похороны, хотя, в сущности, это и были правительственные похороны. Ветер мел через дорогу бурые листья из парка, а выпившие люди, выйдя из трактира «Герцог Рокингемский» — он как раз закрывался, — снимали шляпы.

— Я же ей говорил, чтобы она не совалась, — повторил Генри. Ветер донёс до них топот похоронной процессии. Они словно отдали её народу, народу, которому она никогда не принадлежала.

Генри вдруг пробормотал:

— Ты уж извини меня, старик, —

и пустился бежать. Он так и не надел каску; волосы у него седели; он быстро семенил по улице, теперь уже боясь, что не догонит. Он не хотел разлучаться с женой и с отрядом. Артур Роу остался один. Он перебрал в кармане оставшиеся деньги — их было совсем мало.

Глава седьмая

ЧЕМОДАН С КНИГАМИ

*Когда вот так берут
врасплох, сопротивление
бессмысленно.*

*«Маленький
герцог»*

I

Даже если человек два года обдумывал, не покончить ли ему самоубийством, ему нужно время, чтобы на это решиться, то есть перейти от теории к практике. Роу не

мог просто взять и кинуться в реку... К тому же его непременно оттуда вытащили бы. И все же, когда он смотрел, как удаляется похоронная процессия, он не видел другого выхода. Его хотят арестовать по обвинению в убийстве, а в кармане у него всего тридцать пять шиллингов. Он не смеет пойти в банк, а друзей, кроме Генри, у него нет; он, конечно, может подождать, пока Генри вернётся, но холодный эгоизм такого поступка был бы ему отвратителен. Куда проще и менее противно умереть. На пиджак его упал побуревший лист — если верить приметам, это сулило деньги, но в поверье не говорилось, скоро ли он

их получит.

Он зашагал по набережной к мосту Челси; был отлив, и чайки грациозно разгуливали по илистому дну. Бросалось в глаза отсутствие детских колясочек и собак; единственная собака в окрестности была явно бродячей; из-за деревьев парка, подёргиваясь, выполз воздушный шар заграждения; его длинный нос повис над редкой зимней листвой, потом он повернулся грязным, потрёпанным задом и полез выше.

Беда была не только в том, что у него нет денег; у него не было больше и того, что он звал домом, — убежища, где он мог бы спрятаться от

знавших его людей. Он скучал по миссис Пурвис. Роу, бывало, считал по ней дни; стук в дверь, когда она приносила чай, отмечал ещё один ушедший день, неприметно приближая его к концу — к гибели, прощению, возмездию или вечному покою. Он скучал по «Дэвиду Копперфилду» и «Лавке древностей»; теперь больше он не мог растрачивать свою жалость на вымышленные страдания маленькой Нелли, у жалости были развязаны руки, и она кидалась во все стороны.

Перегнувшись через парапет, в освящённой веками позе самоубийцы, Роу стал продумывать детали. Ему хотелось привлечь к себе

как можно меньше внимания; теперь, когда злость у него прошла, он жалел, что не выпил тогда ту чашку чаю, — неприлично пугать посторонних людей зрелищем собственной смерти. А ведь так мало способов покончить с собой, не оскорбляя глаз. Все было бы гораздо проще, если бы у него оставалось хоть немного денег.

Конечно, он мог бы отправиться в банк и отдаться в руки полиции. Вероятно, его тогда повесят. Но мысль о том, что его могут повесить за преступление, которого он не совершал, его бесила: если он покончит с собой, он накажет себя за преступление, в котором не виновен.

Его обурежала первобытная идея возмездия. Он хотел подчиниться моральным нормам, он всегда этого хотел.

Люди считают убийцу чудовищем, однако сам он смотрит на себя как на обыкновенного человека – пьёт за завтраком чай или кофе, а потом опорожняет желудок, любит почитать хорошую книжку, иногда предпочитая мемуары или путешествия романам, ложится спать в положенное время, заботится о своём здоровье, страдает от запоров, любит собак или кошек и даже имеет те или иные политические взгляды.

Но вот если убийца хороший человек, тогда на него можно

смотреть как на чудовище.

Артур Рву был чудовищем. Его раннее детство прошло до верной мировой войны, а впечатления детства неистребимы. Его воспитали в убеждении, что причинять боль дурно, и, будь на то его воля, он не дал бы страдать даже крысе. В детстве мы живём со счастливым ощущением бессмертия, рай для нас так же близок и реален, как взморье. Все сложности бытия покоятся на простых истинах: бог милостив, взрослые на все знают ответ, на свете есть правда, а правосудие действует столь же безошибочно, как часы. Герои наши просты: они отважны, правдивы, хорошо дерутся на шпагах

и в конце концов всегда побеждают. Поэтому никакие книги не доставляют нам того удовольствия, как те, что нам читали в детстве, ибо там была обещана простая и ясная жизнь. В книгах же, которые читаешь потом, все сложно и противоречиво, в соответствии с нашим жизненным опытом, и мы уже не умеем отличить злодея от героя, а мир превращается в маленький, тесный закоулок. Недаром люди повторяют две обычные присказки: «мир тесен» и «да я и сам здесь чужой».

Но для Роу моральные нормы были незыблемы. Он был готов на все, чтобы спасти невинного или наказать виновного. Он верил,

вопреки жизненному опыту, что где-то существует правосудие, хотя правосудие пощадило его. Он проанализировал свои мотивы самым тщательным образом и вынес себе обвинительный приговор. Он повторял себе в сотый раз, перегнувшись через парапет набережной, что это он был не в силах терпеть страданий своей жены, а не она. Как-то раз, в самом начале болезни, она, правда, не выдержала и сказала, что не хочет ждать конца, но это была просто истерия. А потом ему труднее всего было вынести её стойкость, её терпение. Он пытался избавиться от страданий не её, а себя, и перед самым концом она догадалась

или почти догадалась, что он ей даёт. Она была испугана, но боялась спросить. Разве можно жить с человеком, которого ты спрашиваешь, не положил ли он тебе в питьё яд? Если ты его любишь и устал от боли, гораздо легче выпить горячее молоко и заснуть. Но он так никогда и не узнает, что для неё было мучительнее: страх или боль, никогда не поймёт, не предпочла бы она любые страдания смерти? Каждый раз с тех пер, когда она выпила молоко и сказала: «Какой у него странный вкус», — а потом откинулась на подушку и попыталась ему улыбнуться, он задавал себе один и тот же вопрос и давал на него один

и тот же ответ. Ему так хотелось остаться возле неё, пока она не заснёт, но это у них не было принято, поэтому ему пришлось дать ей умереть одной. И ей, наверно, хотелось — он в этом уверен — попросить его побыть с нею, но и в этом было бы что-то необычное. В конце концов, через час он тоже ляжет спать. Условности разделяли их даже в смертную минуту. А когда полиция стала задавать вопросы, у него не было ни мужества, ни энергии лгать. И может, если бы он солгал им хотя бы в мелочах, они бы его повесили. Но пора было кончать это судилище.

– А все-таки им не испоганить Темзу Уистлера, – произнёс чей-то голос.

– Простите, – отозвался Роу. – Я прослушал.

– В метро безопасно. Эти подземелья бомба не проймёт.

«Где-то я видел этого типа», – подумал Роу. Жидкие обвислые седые усы, оттопыренные карманы, из которых владелец вытащил кусок хлеба и кинул в речной ил; не успел хлеб упасть, как поднялись чайки, одна была проворнее других, схватила кусок на лету и плавно пошла по реке, мимо выброшенных

на мель барж, — белый клочок, несущийся к прокопчённым трубам Лотс-роуд...

— Сюда, милашечки, — сказал старик, и руки его вдруг стали посадочной площадкой для воробьёв. — Знают своего дядю, — приговаривал он. — Знают... — Он зажал губами кусочек хлеба, и они стали носиться вокруг его рта и тыкаться в него клювами, словно целуя его.

— В военное время нелегко прокормить всех ваших племянников, — заметил Роу.

— Да, это верно, — ответил старик, и, когда он открыл рот, обнажились чёрные гнилые обломки

зубов, похожие на обугленные пни. Он посыпал крошек на свою старую коричневую шляпу, и на неё сразу уселась новая стайка воробьёв. – Да, надо сказать, это полное беззаконие. Если бы министр продовольствия знал... – Он упёрся ногой в большой чемодан, и воробей сразу сел ему на колене. Весь он словно оброс птицами.

– Я вас где-то видел, – сказал Роу.

– Даже наверняка...

– Теперь я вспомнил, что за сегодняшний день я видел вас уже дважды.

– А ну-ка сюда, миласечка, – позвал старик.

— В аукционном зале на Чансери-лейн.

На него взглянула пара незлобивых глаз:

— Мир тесен.

— Вы покупаете книги? — спросил Роу, поглядев на его потрёпанный костюм.

— Покупаю и продаю, — сообщил незнакомец. Он был достаточно проницателен, чтобы угадать мысль собеседника. — Рабочий костюм. В книгах столько пыли.

— Вы торгуете старыми книгами?

— Моя специальность — художественное садоводство. Восемнадцатый век. Фуллов,

Фулхем-роуд, Баттерси.

— И есть покупатели?

— Больше, чем вам кажется. — Он вдруг широко расставил руки и, закричав: кш! кш! — прогнал птиц, словно это были дети, с которыми ему надоело играть. — Но все замерло в эти дни, — сказал он. — И зачем им только воевать, никак не пойму. — Он любовно дотронулся ногой до чемодана. — Тут у меня пачка книг, — сказал он. — Из библиотеки одного лорда. Вытащены после пожара. Некоторые в таком виде, хоть плачь, ну а другие... не буду бога гневить, покупка выгодная. Я бы вам их показал, но боюсь, обгадят птицы. Первая удачная покупка за последние

месяцы. В прежние времена берег бы их как зеницу ока. Подождал бы до лета, пока не понаедут американцы. Теперь же рад каждой возможности поскорей обернуться с деньгами. Если я их не доставлю покупателю в «Ригел-корт» до пяти, продажа не состоится. Он хочет увезти их за город, пока не объявят тревогу. А у меня несколько часов. Не скажете, сколько времени?

— Сейчас только четыре.

— Надо двигаться, — сказал мистер Фулов. — Но книги — тяжёлая штука, а я чего-то устал. Вы меня, сэр, извините, если я на минутку присяду. — Он присел на чемодан и вытащил измятую пачку сигарет. —

Может, и вы закурите, сэр? У вас у самого, позвольте заметить, вид не очень-то бодрый.

— Нет, я пока держусь. — Незлобивые, усталые и уже старческие глаза ему нравились. — А почему бы вам не взять такси?

— Да понимаете, сэр, прибыль моя в нынешние времена самая грошовая. Возьмёшь такси — четырех шиллингов как не бывало. А тот, глядишь, увезёт книги за город, и какая-нибудь ему не приглянется.

— По художественному садоводству?

— Вот именно. Утраченное искусство. Ведь тут, понимаете, дело не только в цветах. А сейчас

садоводство только к этому и сводится, — и он добавил с презрением, — к этим цветочкам.

— Вы не любите цветы?

— Да нет, цветы ничего, — сказал букинист.

— Боюсь, что и я мало разбираюсь в садоводстве, если не считать цветов, — сказал Роу.

— А все дело в фокусах, которые они устраивали, — незлобивые глаза блеснули хитрецей и восхищением. — Машинерия!

— Машинерия?

— У них были статуи, которые пускали струю воды, когда вы шли мимо, и гроты... где только они не устраивали эти гроты! Ей-богу, в

порядочном саду вы шагу не могли ступить спокойно.

— А я-то думал, что сады нужны для того, чтобы вам там было спокойно!

— Они этого не считали, сэр, — сказал букинист с энтузиазмом, обдав Роу запахом гнилых зубов. Роу захотелось сбежать, но в нем заговорила жалость, и он остался.

— И потом там были гробницы...
— продолжал старше.

— Они тоже пускали струю воды?

— Ну нет. Они придавали торжественность, сэр.

— Мрачные мысли под мрачной сенью?

— Это вы так на это смотрите,

сэр. – Однако сам он, видно, смотрел на это с восхищением. Он смахнул немножко помёта с пиджака. – У вас, сэр, вижу, нет вкуса к Возвышенному и Смешному.

– Да, пожалуй, я предпочитаю человеческую натуру такой, как она есть.

Старик захихикал:

– Понимаю, отлично вас понимаю, сэр! Ну там у них в гротах хватало места и для человеческой натуры! И для удобного ложа. Они не забывали об удобстве ложа... – и он снова восторженнодохнул вонючимртом на собеседника.

– А вам, пожалуй, пора двигаться, – сказал Роу. – Мне бы не

хотелось, чтобы у вас из-за меня сорвалась сделка. — И тут же пожалел о своей резкости, видя перед собой эти добрые усталые глаза и понимая, что у бедного старикана выдался нелёгкий день; в конце концов, у каждого свои вкусы... Да к тому же, подумал Роу, я ему, видно, понравился. А уж симпатии к себе он никогда не мог оставить без ответа, до того она его удивляла.

— Да, сэр, пора, — букинист встал и смахнул с себя не доеденные птицами крошки. — Приятно поговорить с хорошим человеком. В наши дни это редкость. Только и знаешь, что бегать из одного убежища в другое.

– Вы ночуете в убежище?

– Сказать по правде, сэр, – ответил тот доверительно, словно признаваясь в каком-то чудачестве, – не выношу я этих самых бомб. Но разве в убежище выплещешься? – Он с трудом тащил тяжёлый чемодан и выглядел просто дряхлым. – Многие не желают ни с кем считаться. Храп, свара...

– А зачем вы пришли в парк? Ведь отсюда вам дальше идти.

– Охота была немножко передохнуть, сэр, – тут и деревья и птицы.

– Ну, давайте-ка ваш чемодан, я его поднесу, – сказал Роу. – На этой стороне реки автобус не ходит.

– Что вы, не беспокойтесь, сэр! Как же это можно! – Но протестовал он не слишком рьяно; чемодан был действительно тяжёл; фолианты по художественному садоводству оказались очень увесистыми. Старик виновато объяснил: – Ничего нет на свете тяжелее книг, сэр, разве что кирпичи.

Они вышли из парка, и Роу переменил руку.

– А знаете, вы, по-моему, опаздываете.

– Виноват мой длинный язык, – с огорчением признал старик. – Видно, все-таки придётся раскошелиться на такси.

– Боюсь, что так.

– Если бы я мог вас подвезти, сэр, не было бы так обидно. Вам случайно не в эту сторону?

– Мне все равно, в какую сторону, – сказал Роу.

На углу они взяли такси, и букинист блаженно откинулся на сиденье.

– Если уж ты решил выложить деньги, получай, по крайней мере, удовольствие.

Но в такси с закрытыми окнами его спутнику было трудно получать удовольствие: запах гнилых зубов был слишком пронзителен. Роу заговорил, чтобы скрыть отвращение:

– А вы сами занимались художественной разбивкой садов?

— Да нет, насчёт разбивки садов хвастать не буду. — Он все время выглядывал в окно. Роу вдруг показалось, что его простодушное удовольствие немного фальшиво. — Я хочу попросить вас, сэр, ещё об одном одолжении. Понимаете, лестница в этом «Ригел-корте» для человека моих лет — просто ад. А таким, как я, разве кто подсобит? Я торгую книгами, сэр. Но для них я ничем не лучше любого приказчика. Не сочтите за труд, поднесите наверх чемодан. Только спросите мистера Траверса из номера шесть. Он ждёт этот чемодан, вы оставите его там, и все. — Старик искоса взглянул на Роу, не пахнет ли отказом. — А потом, сэр,

за вашу доброту я подвезу вас, куда вам надо.

— Вы себе и не представляете, куда мне сейчас хочется.

— Рискну, сэр! Была не была!

— А что, если я поймаю вас на слове и поеду невесть куда?

— Замётано, сэр! Положитесь на меня, — говорил старик с какой-то напускной бодростью. — Продам вам книжечку, и будем квиты.

Может быть, ему был противен искательный тон старика, а может, и его запах, но Роу вдруг не захотелось оказывать ему услугу.

— Почему бы вам не заплатить швейцару, чтобы он и поднёс чемодан?

– Я ему не доверяю, а вдруг не отдаст?

– Но вы можете проследить, чтобы он поднял его наверх.

– Все дело в лестнице, сэр, под конец тяжёлого дня. – Он откинулся на спинку. – Если хотите знать, сэр, мне нельзя было его нести. – Он показал рукой на сердце-жест, на который не было ответа.

«Что же, – подумал Роу, – я могу сделать хоть одно доброе дело, прежде чем уйду навсегда», – но что-то ему во всем этом не понравилось. Правда, старик и в самом деле выглядел настолько больным и усталым, что это оправдывало его хитрость, но уж больно легко она ему

удалась. «Почему, — думал Роу, — я сижу в такси с чужим человеком и собираюсь тащить тяжёлый чемодан с книгами восемнадцатого века в комнату другого чужого человека?» Он чувствовал, что его на что-то вынудили, что им управляет чья-то воля.

Они остановились возле «Ригел-корта» — эта странная пара запылённых, небритых людей. Роу ещё не дал согласие выполнить просьбу спутника, но понимал, что у него нет выбора; ему не доставало той неумолимой силы воли, которая позволила бы ему уйти и предоставить хилому старику самому тащить свою ношу. Он вышел из

такси, чувствуя за спиной подозрительный взгляд швейцара, и потащил тяжёлый чемодан.

— У вас заказан номер? — спросил швейцар и нехотя добавил: — Сэр...

— Я не собираюсь здесь жить. Мне надо передать чемодан мистеру Траверсу.

— Справьтесь у портье, — сурово сказал швейцар и кинулся обслуживать более представительного приезжего.

Букинист не соврал: тащить чемодан по длинной широкой лестнице отеля было тяжело. Эту лестницу, видно, построили для того, чтобы по ней плавно спускались

дамы в вечерних туалетах; архитектор был романтиком, он не предвидел, что по ней будет карабкаться мужчина с двухдневной щетиной на щеках, таща тяжёлый чемодан с книгами. Роу насчитал пятьдесят ступеней.

Портье за барьером внимательно его оглядел и заявил прежде, чем Роу открыл рот:

— К сожалению, свободных комнат нет.

— Я принёс книги для мистера Траверса из шестого номера.

— Да, он вас ждал, — сказал портье. — Он вышел и распорядился, чтобы вас провели к нему в номер. — Распоряжение было явно ему не по

душе.

— Я не буду его дожидаться. Я хочу оставить ему книги.

— Мистер Траверс распорядился, чтобы вы его обождали.

— А мне наплевать на его распоряжения.

— Мальчик! — сердито крикнул портье. — Проведи этого человека в шестой номер к мистеру Траверсу. Мистер Траверс распорядился, чтобы его впустили к нему в номер.

Речь портье состояла всего из нескольких фраз, и он повторял их почти дословно. Роу подумал: сколько фраз ему нужно, чтобы прожить жизнь, жениться и народить детей? Он шёл за посыльным по

бесконечным коридорам, освещённым скрытыми в карнизах лампами; как-то раз навстречу из какого-то номера с писком выскочила женщина в розовых шлёпанцах и халате.

— Вам, наверное, приходится, как Ариадне, разматывать за собой нить в этом лабиринте? — спросил Роу, пошатываясь под тяжестью чемодана — лакей и не думал ему помочь — и чувствуя лёгкое головокружение. Но спина впереди — туго обтянутые ягодицы в синих брючках и кургузый китель — шествовала безмолвно. Роу показалось, что отсюда до самой смерти не найдёшь дороги назад,

только портье за конторкой будет знать, куда ты запропал, но и сам он вряд ли отважится далеко заходить в эти дебри.

Правда, воду здесь можно нацедить из крана, а в сумерки выйти на добычу и набрать банок с консервами... Он шёл, вглядываясь в убывающие номера: 49, 48, 47, и вдруг его захватила давно забытая жажда приключений. Потом они срезали угол и вышли мимо шестидесятых номеров прямо к тридцатому.

Дверь одной из комнат была отворена, и оттуда доносились странные звуки, будто там попеременно свистали и вздыхали,

но мальчика ничто не могло удивить. Он шёл и шёл вперёд — законный отпрыск здешних мест. Сюда заезжали на ночь самые разные люди — с багажом и без багажа, а потом уезжали прочь; иногда здесь умирали, и трупы тайком увозили в служебном лифте. Поэтому мальчик все принимал как должное. Роу спросил:

— А назад вы меня проводите?

На каждом углу висела надпись: «Бомбоубежище» — со стрелкой, показывающей дорогу. Натыкаясь через каждые несколько шагов на эти надписи, Роу испытал такое чувство, будто они кружат на одном месте.

— Мистер Траверс распорядился,

чтобы вы его ждали.

— Но мистер Траверс мне не указчик.

Здание было очень современное, в нем царила восхитительная и тревожная тишина. Вместо звонков бесшумно зажигались и гасли лампочки, словно здешние обитатели сигнализировали друг другу о важнейших и неотложных новостях. Тишина теперь, когда они перестали слышать свист и вздохи, стояла такая, какая бывает на потерпевшем крушение корабле: машины перестали работать, и ухо ловит только зловеший плеск воды в отсеках.

— Вот и шестой номер, — сказал

мальчик.

Если бы не хромированная цифра, дверь нельзя было бы отличить от стены, словно здешние обитатели были изолированы. Мальчик сунул в скважину отмычку и толкнул дверь внутрь. Роу едва успел произнести: «Я только поставлю чемодан», как дверь за ним захлопнулась. Мистер Траверс был, видимо, очень влиятельное лицо; он отдал распоряжение, и, если Роу его не выполнит, ему самому придётся искать дорогу назад. Во всей этой бессмысленной истории было что-то увлекательное; теперь, когда он уже все решил и справедливость и обстоятельства требовали, чтобы он

покончил с собой (оставалось только выбрать способ), он мог насладиться превратностями судьбы. Гнев, раскаяние, ненависть — все это кипение чувств слишком долго заслоняло от него дурацкий лик жизни. Он отворил дверь гостиной.

— Ну, это уж слишком, — сказал он. Там была Анна Хильфе.

— Вы тоже пришли к мистеру Траверсу? Разве и вы интересуетесь художественным садоводством?

— Я пришла, чтобы повидать вас...

Наконец-то он имел возможность её разглядеть. Она была очень маленькая, тоненькая и выглядела слишком молодо для того,

что пришлось ей испытать; здесь, вне служебной обстановки, она не казалась и деловитой, словно она только играла в деловитость, да и то лишь>; когда под рукой были игрушки взрослых: письменный стол, телефон, чёрный костюм. Без всего этого она просто радовала глаз и казалась очень хрупкой, но он-то знал, что даже жизнь не могла её сломать. Все, что ей удалось, – это начертить несколько морщинок возле глаз, ясных и широко открытых, как у ребёнка.

– Вам тоже нравится машинерия в парках? – спросил он. – Статуи, которые выбрасывают струю воды?

Сердце его забилося, когда он её

увидел, словно он юноша и пришёл на первое свидание в кафе или во двор провинциальной гостиницы, где шли танцы... На ней были старенькие синие брюки — она подготовилась к ночной бомбёжке — и вишнёвый джемпер. Он меланхолически подумал, что более красивых бёдер, чем у неё, ему не приходилось видеть.

— Ничего не понимаю, — сказала она.

— Как вы узнали, что я потащу мистеру Траверсу тяжелейшую груду книг — кто бы он ни был, этот мистер Траверс? Я ведь сам об этом узнал десять минут назад.

— Я не знаю, какой предлог они

выдумали, чтобы вас заманить. Уходите. Я вас прошу!

Она выглядела ребёнком, которого приятно подразнить, без всякого зла конечно; в конторе ей можно было дать лет на десять больше.

— А тут неплохо обслуживают, — сказал Роу. — Смотрите, целая квартира для человека, снявшего номер на одну ночь. Можно сесть, почитать книгу, приготовить обед. — Комната была разгорожена бежевой портьерой, он отдёрнул её и увидел двуспальную кровать, телефон на тумбочке, книжную полку. — А что там? — он открыл дверь. — Видите, тут есть и кухня с плитой, и прочее. —

Роу вернулся в гостиную. — Живя здесь, можно забыть, что это не твой дом. — Беззаботность прошла, это настроение длилось у него какую-нибудь минуту.

— Вы ничего не заметили? — спросила она.

— В каком смысле?

— Для журналиста вы не слишком наблюдательны.

— Вы знаете, что я был журналистом?

— Брат разузнал о вас все.

— Все?

— Да. — И она повторила: — Вы ничего не заметили?

— Нет.

— Мистер Траверс не оставил

здесь и обмылка. Посмотрите в ванной. Кусок мыла даже не распечатан.

Роу подошёл к входной двери и запер её на засов.

— Кто бы он ни был, ему сюда не войти, пока мы не поговорим. Мисс Хильфе, прошу вас, объясните мне толком — видно, я туп, — откуда, во-первых, вы узнали, что я здесь, и зачем вы сюда пришли?

Она заупрямилась:

— Как я узнала, не скажу. А зачем — я прошу вас поскорее уйти отсюда. Помните, в прошлый раз я оказалась права, что вам позвонила.

— Да, вы были правы. Но чего вы волнуетесь? Вы же говорите, что

знаете обо мне все...

— Вы никому не причиняете зла, — сказала она просто.

— Зная все, вам не стоит беспокоиться.

— Я люблю справедливость, — сказала она, словно признаваясь в какой-то причуде.

— Да, если её встречаешь, это вещь хорошая.

— Но они её не признают.

— Кто? Миссис Беллэйрс и каноник Топлинг?.. — Все было слишком сложно, у него не было больше сил бороться. Он сел в кресло — в этом эрзац-доме полагались кресло и кушетка.

— Каноник Топлинг — человек

хороший, — сказала она и вдруг улыбнулась. — Но мы говорим такую чушь!

— А вы скажите брату, чтобы он обо мне больше не беспокоился. Я сдаюсь. Пусть убивают, кого хотят, — я выхожу из игры. Уезжаю.

— Куда?

— Неважно. Они меня не найдут. Я знаю такое место... Но им и не к чему меня искать. По-моему, они боялись, что я их найду. Теперь уж я, наверно, никогда не узнаю, в чем там было дело. Кекс... и миссис Беллэйрс.

— Они — плохие люди, — решительно сказала Анна и словно расправилась с ними этой простой

фразой. — Я рада, что вы уезжаете. Нечего вам в это вмешиваться. — И, к его удивлению, добавила: — Я не хочу, чтобы вас снова заставили страдать.

— Как же так?! — удивился он. — Вы же все про меня знаете. Вы наводили справки. — И он повторил за ней ребяческие слова: — Я тоже плохой человек.

— Ах, мистер Роу. Сколько я навидалась плохих людей там, откуда приехала! А вы не такой, у вас не те приметы. Вы слишком мучаете себя тем, что было и про: шло. Говорят, в Англии — справедливый суд. Что ж, они вас и правда не повесили... Ведь убийство было из жалости, об этом писали даже

газеты.

— Вы читали газеты?

— Да, все до единой. И даже видела фотографии. Вы прикрыли лицо газетой... — Он слушал её с неммым удивлением. Никто с ним так открыто об этом не разговаривал. Ему было больно, но это была та боль, которую чувствуешь, когда льёшь йод на открытую рану, такую боль можно стерпеть. — Там, откуда я приехала, я видела много убийств, но ни одно из них не было убийством из жалости. Не мучайте себя. Дайте себе волю.

— По-моему, нам надо решить насчёт мистера Траверса...

— Уходите, вот и все.

– А что будете делать вы?

– Я тоже уйду. Я тоже не хочу попадать в беду. Но Роу сказал:

– Если они ваши враги, если они вас обидели, я останусь и поговорю с мистером Траверсом.

– Да нет же, – сказала она. – Это не мои враги. Это ведь не моя родина.

– Кто же они такие? – спросил Роу. – Не понимаю. Они ваши или мои соотечественники?

– Такие, как они, есть повсюду. – Она протянула руку и несмело дотронулась до его руки, словно хотела проверить, какой он на ощупь. – Вы думаете, что вы плохой, но вы просто не могли видеть

мучений. А они сколько угодно могут смотреть, как мучаются люди, и им ничего. Им все равно.

Он мог бы слушать её часами; ему стало жаль, что он должен убить себя, но у него не было выбора. Разве что он предоставит сделать это палачу.

— По-видимому, если я дождусь мистера Траверса, он выдаст меня полиции.

— Я не знаю, что они сделают.

— А этот маленький ловкач, торгующий книгами, видно, тоже в этом замешан. Сколько же их?

— Ужасно много. И с каждым днём все больше.

— Но почему они знали, что я

останусь, когда принесу книги? — Он взял её за руку, за маленькую худую кисть, и грустно спросил: — А вы, неужели вы тоже с ними?

— Нет, — сказала она просто, не вырывая у него руки

и констатируя факт. У него создалось впечатление, что она не лжёт. У неё, быть может, хватает разных пороков, но не этот, самый вульгарный из всех.

— Я и не думал, что вы с ними, — сказал он, — но тогда... тогда, значит, они хотели, чтобы мы оба очутились здесь... Они хотят зла нам обоим.

— Ох! — воскликнула она, словно он её ударил.

— Они знали, что мы

задержимся, будем разговаривать, объяснять, как очутились здесь... Они хотят зла нам обоим, но вами полиция не интересуется. — Он воскликнул: — Вы сейчас же уйдёте отсюда вместе со мной.

— Хорошо.

— Если ещё можно уйти. Они, кажется, умеют рассчитать время. — Он пошёл в переднюю, тихонько отодвинул засов, приоткрыл дверь, бесшумно закрыл её снова. — Как легко заблудиться в этой гостинице, в её бесконечных переходах.

— Да?

— Но мы не заблудимся. Там в конце этого коридора нас кто-то поджидает. Стоит спиной. Лица не

видно.

— У них все предусмотрено, — сказала она.

Роу почувствовал, что в нем опять просыпается бодрость. Несколько часов назад он решил, что сегодня умрёт, но теперь он знал, что этого не будет, он останется жить, потому что кому-то нужен. Ему уже больше не казалось, что он просто влачит по свету стареющее бесполезное тело.

— Голодом им нас не уморить. А войти сюда они не смогут. Разве что через окно.

— Нет, я смотрела. В окно они не влезут. Под ним двадцать футов гладкой стены.

— Значит, нам остаётся сидеть и ждать. Мы можем позвонить в ресторан и заказать обед. Уйму разных блюд и вино. Пусть Траверс платит. Начнём с сухого хереса.

— Хорошо, если бы мы были уверены, что обед принесёт настоящий официант.

— Вы тоже умеете все предусмотреть, — сказал он. — Это у вас европейская выучка. Что же вы советуете?

— Позвоните портье, мы его знаем в лицо. Пожалуйста на что-нибудь, потребуйте, чтобы он пришёл сюда сам, и тогда мы уйдём вместе с ним.

— Вы правы. Так мы и сделаем.

Он поднял портьеру, и она пошла за ним,

– А что вы ему скажете?

– Не знаю. Придумаю. По вдохновению. – Он поднял трубку и стал слушать. – По-моему, телефон не работает. – Он подождал ещё две минуты, но телефон был мёртв.

– Мы и правда в осаде, – сказала она. – Интересно, что они задумали. – Оба они не заметили, что держатся за руки, словно их застигла темнота и теперь надо ощупью искать дорогу.

– С оружием у нас небогато, – сказал он. – Теперь дамы не носят шляпных булавок, а единственный нож, который был у меня, наверно, в

руках полиции. — Они вернулись, держась за руки, в маленькую гостиную. — Давайте хотя бы не мёрзнуть, включим камин. Тут так холодно, что, кажется, вот-вот поднимется вьюга, а за дверью нас стерегут волки.

Она отпустила его руку и присела на корточки у камина.

— Не зажигается, — сказала она.

— Надо опустить монетку в шесть пенсов.

— Я опустила целый шиллинг. — Было холодно, и в комнате быстро темнело. У обоих сразу возникла одна и та же мысль. — Попробуйте включить свет. — Однако рука его уже повернула выключатель. Света не

было.

— Нам будет очень холодно и очень темно, — сказал он. — Мистер Траверс не очень-то заботится о наших удобствах.

— Ой, мне страшно, — прошептала мисс Хильфе, по-детски прижав руку ко рту. — Нехорошо так говорить, но мне страшно. Я боюсь темноты.

— Они ничего не могут с нами сделать, — сказал Роу. — Дверь на запоре. Они не посмеют её взломать. Это приличный отель.

— А вы уверены, что тут нет двери в смежный номер? Может быть, в кухне?

Он что-то вспомнил и открыл

дверь в кухню.

— Да, — сказал он. — Вы и тут правы. Чёрный ход. Прекрасно оборудованные номера.

— Но вы можете закрыть и эту дверь на задвижку. Пожалуйста!

Роу вернулся в гостиную и сказал очень мягко:

— В этой прекрасно оборудованной квартире есть только один недостаток: задвижка на кухонной двери отломана. — Он поспешно взял её за руки снова: — Ерунда! Мы себя запугиваем. Тут ведь не Вена. Поймите, это Лондон. Нас большинство. В этой гостинице полно людей, которые за нас. — Он повторил: — Они за нас. Все вокруг.

Стоит нам только крикнуть.

Мир быстро погружался в ночь; как торпедированный лайнер, который кренится набок, он вот-вот нырнёт в темноту. Они стали разговаривать громче, потому что не могли разглядеть друг друга.

— Через полчаса завоюют сирены, — сказала мисс Хильфе. — И тогда все спустятся в убежище; останемся только мы... и они. — Рука её была совсем холодной.

— Вот этим мы и воспользуемся, — сказал он. — Когда начнётся тревога, мы пойдём вместе со всеми.

— Но мы в самом конце коридора. Может, никаких людей

здесь не будет. Откуда вы знаете, что в этом коридоре есть кто-нибудь ещё? Они все продумали. Неужели они не сообразят этого? Наверно, они заняли все комнаты рядом.

– Попробуем. Если бы только у нас было какое-нибудь оружие – хоть палка или камень. – Он отпустил её руку. – Если там не книги, то, может, кирпичи... – Он пощупал одну из скоб чемодана: – Он не заперт. Сейчас посмотрим.

Но оба смотрели на чемодан с опаской. Мастерство противника обезоруживало. Враг так тщательно все предусмотрел.

– Я бы не стала его трогать.

На них напало безволие: говорят,

птица испытывает это под взглядом змеи, ведь змея тоже на все способна.

– Но ведь и они могут допустить ошибку, – сказал он.

Темнота их разделяла. Где-то очень далеко застучали зенитки.

– Они подождут, пока начнётся тревога, – сказала она. – Пока все не сойдут вниз, где ничего не слышно.

– Что это? – спросил Роу. Он сам начинал нервничать.

– Где?

– Мне показалось, что кто-то потрогал ручку.

– Они все ближе и ближе, – сказала она.

– Клянусь богом, они так легко

нас не возьмут! Помогите мне пододвинуть кушетку. — Они приставили её углом к двери. Им почти ничего уже не было видно: кругом царила полная тьма.

— Хорошо ещё, что плита электрическая, — сказала мисс Хильфе.

— Разве она электрическая? А что?

— Мы от них заперлись. Но они могут пустить газ...

— Ну знаете, вам бы впору самой играть в эту игру! Чего только не придёт вам в голову! Ну-ка, помогите мне ещё. Мы продвинем эту кушетку в кухню, к чёрному ходу... — Но они не успели. — Поздно. Кто-то уже

там. — Они услышали еле внятный стук закрываемой двери. — Ну, а что будет теперь? — Ему вдруг некстати вспомнился «Маленький герцог»: «В старые времена всегда посылали гонца с требованием, чтобы замок сдали».

— Тише, — шепнула она. — Прошу вас, тише. Они все слышат.

— Мне надоело играть в кошки-мышки. Мы ведь даже не знаем, есть ли там кто-нибудь. Они просто запугивают нас скрипом дверей и темнотой. — На него напала лёгкая истерия. — Входите! Входите! Можно без стука! — Но никто не ответил.

Тогда он рассердился:

— Не на такого напали! Они

думают, что могут всего добиться страхом. Но вы навели обо мне справки... Я же убийца. Вы это знаете. И я не боюсь, я убью. Только дайте чем. Дайте хотя бы кирпич.

Он поглядел на чемодан. Мисс Хильфе сказала:

– Вы правы. Надо что-то делать, даже если это неверный шаг. Нельзя позволить им распоряжаться, как они хотят. Откройте чемодан.

Он нервно сжал её руку и отпустил. Потом поднял крышку чемодана...

Книга вторая

СЧАСТЛИВЕЦ

Глава первая

БЕСЕДЫ В АРКАДИИ

Те, кто его стерёг, с радостью сделали бы вид, что в замке нет такого гостя.

«Маленький герцог»

I

Солнце озарило комнату бледно-зелёным мерцанием, как будто она была под водой. Все дело было в том, что за окном на деревьях налились

почки. Светом словно промыло чистые белые стены, кровать с золотистым покрывалом, большое кресло, кушетку и книжный шкаф с самой современной литературой. В вазе, привезённой из Швеции, стояли ранние нарциссы, и слышен был только плеск фонтана из прохладного сада да приглушённый голос серьёзного молодого человека в очках без оправы.

— Самое главное, поймите, не волноваться. Вы хлебнули свою порцию войны, мистер Дигби, и пока с вас хватит. Можете со спокойной совестью отдыхать.

Молодой человек любил поговорить о совести — это был его

конёк. У него лично совесть, как он объяснил уже несколько недель назад, была чиста как стёклышко. Даже если бы он и не был убеждённым пацифистом, слабое зрение помешало бы ему активно участвовать в войне: его бедные глаза беспомощно и доверчиво вглядывались сквозь толстые и выпуклые окуляры, похожие на бутылочное стекло, напрашиваясь на душевную беседу.

— Вы не думайте, что мне плохо. Напротив, я лежу здесь с удовольствием. Сами знаете, каком это прекрасный отдых. Только иногда я волей-неволей задумываюсь, кто же я такой.

— Но мы это знаем, мастер Дигби. Ваше удостоверение личности...

— Да, вы говорили, что меня зовут Ричард Дигби, но кто он, этот Ричард Дигби? Как я, по-вашему, жил? Смогу ли я когда-нибудь с вами расплатиться», вот за это?

— Ну, об этом вам нечего беспокоиться. Доктор считает, что он полностью вознаграждён, заполучив такого интересного больного. Вы ведь — поразительно интересный случай, неоценимым объект для его научной работы.

— Он создаёт роскошные условия для своих подопытных животных.

— Замечательный человек! И

ведь он сам создал это учреждение. Очень крупный специалист. Во всей стране нет лучше» клиники для контуженых. Что бы люди об этом ни говорили, — добавил он загадочно.

— У вас, верив, есть более тяжёлые больные, чем я, буйные больные?

— Да, такие случаи у нас бывают. Вот почему доктор оборудовал для них особое крыло здания, держит особый штат. Не хочет, чтобы обслуживающий персонал в этой части клиники был психически неуравновешенным... Вы же понимаете, как важно, чтобы наши нервы были в порядке.

— Ну вы-то все очень спокойные

люди.

— Когда придёт время, доктор, надеюсь, проведёт с вами курс психоанализа. Но знаете, лучше, чтобы память вернулась сама — постепенно и естественно. Как на плёнке в растворе проявителя, — продолжал он, явно копируя чей-то профессиональный жаргон, — изображение будет проступать частями.

— В хорошем проявителе так не бывает, Джонс, — сказал Дигби. Он полулежал в кресле, лениво улыбаясь, худой, бородатый и уже немолодой человек. Малиновый шрам казался на его лбу нелепым, как дуэльный рубец на

профессорском лице.

— Давайте засечём, — сказал Джонс. Это было одним из его излюбленных выражений. — Значит, вы занимались фотографией?

— Думаете, я мог быть модным фотографом? — спросил Дигби. — Мне это ничего не говорит, хотя, с другой стороны, тогда понятно, почему у меня борода. Нет, не то. Я вспоминаю детскую комнату на том этаже, где у нас была детская. Видите, я очень ясно помню, что со мной было лет до восемнадцати.

— Рассказывайте об этом времени сколько захотите, — разрешил Джонс. — Можете напасть на нужный след...

— Как раз сегодня в постели я раздумывал: кем же я все-таки стал потом, какую профессию выбрал из всего, о чем мечтал. Помню, я очень любил читать книги по исследованию Африки — Стенли, Бейкера, Ливингстона, Бартон, но сейчас как будто мало подходящее время для географических открытий.

Он размышлял, не испытывая желания поскорей до чего-то додуматься, и словно черпал душевный покой из переполнявшей его усталости. Ему не хотелось себя насиловать. Ему было удобно и так. Может быть, поэтому к нему так медленно возвращалась память. Он сказал больше из чувства долга — ему

ведь полагалось делать какие-то усилия:

– Надо будет посмотреть старые списки колониальных чиновников. Может, я выбрал это поприще. И все же странно, что, зная моё имя, вам не удалось найти ни одного моего знакомого... Казалось бы, кто-то должен наводить обо мне справки. Например, если я был женат... Вот что меня беспокоит. А вдруг моя жена меня ищет?

«Если бы этот вопрос выяснился, – подумал он, – я был бы совершенно счастлив»,

– Кстати, – начал Джонс и запнулся.

– Неужели вы разыскали мою

жену?

— Не совсем, но, по-моему, доктор намерен вам что-то сообщить.

— Что ж, сейчас как раз время предстать пред его высокие очи, — сказал Дигби.

Доктор ежедневно уделял каждому больному по пятнадцать минут у себя в кабинете, кроме тех, кто проходил курс психоанализа, — на них он тратил по часу в день. По дороге к нему надо было пройти через гостиную, где больные читали газеты, играли в шашки или шахматы и вели не всегда мирную беседу контуженых людей. Дигби обычно избегал этого места; его

расстраивало, когда он видел, как в углу комнаты, похожей на салон роскошного отеля, тихонько плачет человек. Он чувствовал себя душевно здоровым, если не считать провала памяти на какое-то количество лет и непонятного ощущения счастья, словно его вдруг избавили от какого-то непосильного бремени, — ему было неуютно в обществе людей с явными признаками перенесённой травмы: дрожанием века, визгливой интонацией или меланхолией, которая была так же неотделима, как кожа.

Джонс повёл его к доктору. Он с безукоризненным тактом выполнял роль ассистента, секретаря и

санитара. У него не было диплома, но доктор иногда допускал его к лечению простейших психозов. К доктору Джонс испытывал огромное благоговение, и Дигби понял из его намёков, что какой-то несчастный случай, кажется, самоубийство больного – хотя Джонс упорно не желал этого уточнять, – позволял ему смотреть на себя как на заступника великого человека, не понятого современниками.

Он заливался краской, возмущённо разглагольствуя о том, что он звал «голгофой, на которую взошёл доктор». Было назначено следствие; лечебные методы доктора далеко опередили его время; встал

вопрос о том, чтобы лишить доктора права практиковать. «Они его распяли», – сказал как-то Джонс. Но нет худа без добра (при этом подразумевалось, что добро – это он, Джонс): возмущённый столичными нравами, доктор удалился в деревню и открыл частную клинику, куда он отказывался принимать пациентов без их личного письменного прошения – даже буйные больные и те достаточно в своём уме, чтобы охотно предать себя в целительные руки доктора.

– А как же было со мною? – спросил Дигби.

– Ну, вы особый случай, – таинственно пробормотал Джонс. –

Придёт время, доктор вам расскажет. В ту ночь вы чудом обрели спасение. Но и вы ведь подписали...

Дигби не мог привыкнуть к мысли, что не помнит, как он сюда попал. Проснулся в удобной комнате, под плеск фонтана, с привкусом лекарства во рту и все. Он часами лежал погруженный в невнятные сны... Казалось, он вот-вот что-то вспомнит, но у него не было сил поймать едва уловимую ниточку, закрепить в памяти внезапно возникавшие картины, связать их между собой. Он безропотно пил лекарство и погружался в глубокий сон, который только изредка прерывался странными кошмарами, в

которых всегда появлялась женщина... Прошло много времени, прежде чем ему рассказали, что идёт война, и для этого потребовалось много исторических пояснений. Ему казалось странным совсем не то, что удивляло других. Например, то, что мы воевали с Италией, потрясло его, как необъяснимое стихийное бедствие.

– Италия! – воскликнул он.

Бог мой, но в Италию каждый год ездили писать с натуры его две незамужние тётки. Тогда Джонс терпеливо разъяснил ему, кто такой Муссолини.

Доктор сидел за простым некрашеным столом, на котором стояла ваза с цветами, и жестом пригласил Дигби войти. В его немолодом лице под шапкой белых как снег волос было что-то ястребиное, благородное и немножко актёрское, как в портретах деятелей викторианской эпохи. Джонс вышел бочком, пятясь до самой двери, и споткнулся о край ковра.

— Ну, как мы себя чувствуем? — осведомился доктор. — Судя по вашему виду, вы с каждым днём все больше приходите в себя.

— Вы думаете? Но кто знает, так ли это? Я не знаю, и вы не знаете, доктор Форестер. Может, я все

меньше и меньше похож на себя.

— В этой связи я должен сообщить вам важную новость, — сказал доктор Форестер. — Я нашёл человека, который может об этом судить. Некую персону, знавшую вас в прежние времена.

Сердце у Дигби отчаянно забилося:

— Кто он?

— Не скажу. Я хочу, чтобы вы вспомнили сами.

— Вот глупо, — сказал Дигби. — У меня немножко закружилась голова.

— Что ж, естественно. Вы ещё не совсем окрепли. — Доктор отпер шкаф и достал оттуда бокал и бутылку хереса. — Это вас подкрепит.

– «Тео Пепе», – произнёс Дигби, осушая бокал. – Видите, память возвращается. Ещё стаканчик?

– Нет, это святотатство – пить такое вино как лекарство.

Новость его потрясла. И почему-то не очень обрадовала. Трудно сказать, какая ответственность свалится на него, когда вернётся память. Человек входит в жизнь мало-помалу; долг и обязанности накапливаются так медленно, что мы едва их сознаём. Даже в счастливый брак вырастаешь постепенно; любовь незаметно лишает свободы; немислимо полюбить чужого человека внезапно, по приказу. Пока память сохраняла для него только

детство, он был совершенно свободен. Это не значило, что он боялся узнать себя; он знал, что собой представляет сейчас, и верил, что может вообразить, кем стал тот мальчик, которого он помнил; он боялся не встречи с неудачником, а непомерных усилий, неизбежных для того, кто преуспел.

— Я ждал, чтобы вы окрепли, — сказал доктор Форестер.

— Понятно.

— Я верю, что вы не захотите нас огорчать.

— Как, он уже здесь?

— Она уже здесь, — сказал доктор.

III

Дигби почувствовал громадное облегчение, когда в комнату вошла посторонняя женщина. Он боялся, что дверь отворится и войдёт целый отрезок его жизни, но вместо этого появилась худенькая хорошенькая девушка с рыжеватыми волосами, очень маленькая девушка — может быть, она была слишком мала, чтобы он мог её запомнить. Она была не из тех, кого ему надо бояться, он был в этом уверен.

Дигби встал, не зная, чего требует вежливость: пожать ей руку или поцеловать? Он не сделал ни того, ни

другого. Они смотрели друг на друга издали, и у него тяжёлыми ударами билось сердце.

— Как вы изменились, — сказала она.

— А мне все время говорят, что я совсем пришёл в себя...

— Волосы сильно поседели. И этот шрам... Тем не менее вы выглядите гораздо моложе, спокойнее.

— Я здесь веду приятную, спокойную жизнь.

— Они с вами хорошо обращаются? — с тревогой спросила она.

— Очень хорошо. — У него было чувство, будто он пригласил

незнакомую женщину пообедать и не знает, о чем с ней говорить. — Простите. Это звучит грубо. Но я не помню, как вас зовут.

— Вы меня совсем не помните?

— Нет.

Ему иногда снилась женщина, но та была другая. Он не помнил подробностей, кроме лица женщины и того, что оно выражало сострадание. Он был рад, что тут была другая.

— Нет, — повторил он, снова на неё поглядев. — Простите. Мне самому очень жаль...

— Не жалейте, — сказала она с непонятной яростью. — Никогда больше ни о чем не жалейте!

– Да нет, я хотел сказать... про свои дурацкие мозги.

– Меня зовут Анна, – сказала она. И, внимательно наблюдая за ним, добавила: – Хильфе.

– Фамилия иностранная.

– Я австрийка.

– Для меня все ещё так непривычно... Мы воюем с Германией. А разве Австрия?..

– Я эмигрировала из Австрии.

– Ах, вот что... Да, я об эмигрантах читал.

– Вы забыли даже то, что идёт война?

– Мне ужасно много ещё надо узнать.

– Да, много ужасного. Но надо

ли вам это узнавать? – И повторила:
– Вы стали гораздо спокойнее.

– Нельзя быть спокойным, когда ничего не знаешь. – Он запнулся, а потом сказал: – Вы меня извините, но мне так много надо задать вопросов. Мы были с вами просто друзьями?

– Друзьями. А что?

– Вы такая хорошенькая. Почём я знаю...

– Вы спасли мою жизнь.

– Каким образом?

– Когда взорвалась бомба, вы толкнули меня на пол и упали на меня. Я осталась цела.

– Я очень рад. Понимаете... – и он неуверенно засмеялся. – Я ведь

могу не знать о себе самых позорных вещей. Хорошо, что есть то, чего не надо стыдиться.

— Как странно, — сказала она. — Все эти страшные годы, начиная с тысяча девятьсот тридцать третьего — вы о них только читали, — они для вас — история. Вы их не переживали. Вы не устали, как все мы, повсюду.

— Тысяча девятьсот тридцать три... Вот что было в тысяча шестьдесят шестом, я могу ответить легко... И насчёт всех английских королей, по крайней мере... нет, это не наверняка... Может, и не всех...

— В тысяча девятьсот тридцать третьем году к власти пришёл Гитлер.

– Да, теперь помню. Я много раз об этом читал, но даты почему-то не западают в память.

– И ненависть, как видно, тоже.

– Я не имею права об этом судить. Я этого не пережил. Такие, как вы, имеют право ненавидеть. А я – нет. Меня ведь ничего не коснулось.

– А ваше бедное лицо? – спросила она.

– Шрам? Ну, я мог получить его и в автомобильной катастрофе. В сущности, они ведь не собирались убивать именно меня.

– Вы думаете?

– Я человек маленький... – он чувствовал, что говорит глупо и

бессвязно. Все его предположения оказались несостоятельны. Он с тревогой спросил: — Я ведь человек маленький, не так ли? Иначе обо мне написали бы в газетах.

— А вам дают читать газеты?

— О да, ведь это же не тюрьма. —

И он повторил: — Я человек маленький...

Она уклончиво подтвердила:

— Да, вы ничем не знамениты.

— Я понимаю, доктор не позволил вам ничего мне рассказывать. Он говорит, что надо дать моей памяти восстановиться самой, постепенно. Но мне хотелось бы, чтобы вы нарушили правила только в одном. Это единственное,

что меня беспокоит. Я не женат?

Она произнесла отдельно, стараясь дать точный ответ, не говоря ничего лишнего:

— Нет, вы не женаты.

— Меня ужасно мучила мысль, что мне придётся возобновить отношения, которые так много значат для кого-то другого и ничего не значат для меня. Что на меня свалится Нечто, о чем я знаю из вторых рук, как о Гитлере. Конечно, новые отношения — это совсем другое дело. — И он договорил со смущением, которое нелепо выглядело при его седирах: — Вот с вами у меня все началось сызнова...

— А теперь вас уже больше

ничего не тревожит?

— Ничего. Разве что вы можете выйти в эту дверь и никогда больше не вернуться. — Он все время то смелел, то снова отступал, как мальчик, ещё не умеющий обращаться с женщинами. — Видите ли, я ведь сразу потерял всех своих друзей, кроме вас.

Она спросила почему-то с грустью:

— А у вас их было много?

— Думаю, что в мои годы их набралось уже немало. — И он весело спросил: — Ведь я же не какое-нибудь чудовище?

Но развеселить её он не мог.

— Нет, я вернусь. Они хотят,

чтобы я приходила. Им надо тотчас же знать, когда к вам начнёт возвращаться память.

— Ещё бы. Вы единственный след к моему прошлому, который у них есть. Но разве я должен оставаться здесь, пока я все не вспомню?

— Вам же будет трудно там, за этими стенами, ничего не помня.

— Почему? Для меня найдётся уйма работы. Если меня не возьмут в армию, я могу поступить на оборонный завод.

— Неужели вам снова хочется в это пекло?

— Тут так мирно и красиво. Но, в конце концов, это просто отпуск.

Надо приносить какую-то пользу. — И он стал развивать свою мысль: — Конечно, мне было бы куда легче, если бы я знал, кем я был и что умею делать, Не может быть, чтобы я был богатым бездельником. В моей семье не водилось таких денег. — Он внимательно смотрел на неё, пытаясь отгадать свою былую профессию. — Разве я могу быть в чем-то уверен? Адвокатура? Скажите, Анна, я был юристом? Почему-то мне в это не верится! Не представляю себя в парике, отправляющим какого-нибудь беднягу на виселицу,

— Нет, — сказала Анна.

— Я никогда не хотел быть юристом. Я хотел быть

путешественником, исследователем, но это вряд ли сбылось. Даже несмотря на бороду. Они утверждают, будто у меня и раньше была борода. Медицина? Нет, мне никогда не хотелось лечить. Слишком много видишь мучений. Ненавижу, когда кто-нибудь страдает. — У него снова началось лёгкое головокружение. — Я просто заболел, мне становилось дурно, когда слышал, что кто-то страдает. Помню... что-то было с крысой.

— Не насилюйте себя, — сказала она. — Напряжение вам вредно. Куда вы торопитесь?

— Да нет, это ведь ни к чему не относится. Я был тогда ребёнком. О

чем бишь я? Медицина... коммерция... Мне не хотелось бы вдруг вспомнить, что я был директором универмага. Что-то меня это тоже не греет. Мне никогда не хотелось быть богатым. Кажется, я просто хотел... достойно жить.

Длительное напряжение ума вызывало у него головную боль.

Но кое-что он все равно должен вспомнить. Можно вернуть в небытие былую дружбу и вражду, но, если он хочет под конец жизни что-то совершить, ему надо знать, на что он способен. Он поглядел на свою руку, согнул и разогнул кулак – рука не выглядела трудовой.

– Люди не всегда становятся

тем, чем мечтают стать, — сказала Анна.

— Конечно нет; мальчишка всегда мечтает стать героем. Великим путешественником. Великим писателем... Но обычно мечту и реальность связывает тонкая нить неудачи... Мальчик, мечтавший стать богатым, поступает на службу в банк. Отважный путешественник становится колониальным чиновником с нищенским окладом и считает минуты до конца рабочего дня в раскалённой конторе. Неудавшийся писатель идёт работать в грошовую газетёнку... Простите, но я, оказывается, слабее, чем думал. У меня кружится голова. Придётся на

сегодня прекратить... работу.

Она ещё раз спросила с непонятым ему беспокойством:

— С вами здесь хорошо обращаются?

— Я их образцовый пациент, — сказал он. — Интересный случай.

— А доктор Форестер... Вам нравится доктор Форестер?

— Он вызывает почтение.

— Как вы изменились! — Она добавила фразу, которой он не понял:

— Вот таким вам следовало быть раньше. — Они обменялись рукопожатиями, как чужие.

— Вы часто будете приходить? — спросил он.

— Это моя обязанность, Артур, —

ответила она.

И лишь когда она ушла, он удивился, почему она его так назвала.

IV

Утром горничная принесла ему завтрак в постель: кофе, гренки, вареное яйцо. Клиника почти целиком снабжала себя продуктами: у неё были куры, свиньи и большие охотничьи угодья. Доктор сам не охотился, он, по словам Джонса, был противником убийства животных, но не был, с другой стороны, доктринёром — его пациентам нужно было мясо, поэтому у него в имении охотились, хотя сам он не принимал

в этом участия.

На подносе лежала утренняя газета. Первые несколько недель Дигби был лишён этого удовольствия, пока ему деликатно не объяснили, что идёт война. Теперь он мог долго лежать в постели и просматривать последние известия («Число жертв воздушных налётов снизилось за эту неделю до 255»), а потом, отхлебнув кофе и разбив ложечкой скорлупку яйца, снова заглянуть в газету. «Битва в Атлантике...» Яйцо никогда не бывало переварено: белок твёрдый, желток густой, но всмятку. Он снова углубился в чтение: «Адмиралтейство с прискорбием

извещает... погиб со всем личным составом». Масла хватало, можно кусочек положить в яйцо, у доктора свои коровы...

В это утро, когда он читал, пришёл поболтать Джонс. Подняв глаза от газеты, Дигби спросил:

– Что такое Пятая колонна?

Джонс обожал давать разъяснения. Он произнёс длинную речь, упомянув и Наполеона.

– Другими словами, это платные пособники врага? Ну, в этом нет ничего нового.

– Нет, разница есть, – возразил Джонс. – В прошлой войне, кроме ирландцев, вроде Кейзмента, агентура работала за деньги.

Поэтому привлечь можно было только определённый сорт людей. В этой войне у людей разная идеология. — Стекла его очков поблёскивали на утреннем солнце от педагогического пыла. — Если вдуматься, Наполеон был побеждён маленькими людишками, материалистами: лавочниками и крестьянами. Теми, кто ничего не видел дальше своего прилавка или хлева.

— Вы не слишком-то горячий патриот, — сказал Дигби.

— Нет, наоборот, — серьёзно возразил Джонс. — Я маленький человек. Мой отец аптекарь и ненавидит немецкие снадобья,

которыми был завален рынок. И я также... — Помолчав, он добавил: — И тем не менее у них есть своё мировоззрение. Ломка всех старых барьеров, величие замыслов... Все это заманчиво для тех, кто... не привязан к своей деревне, своему городу и не боится, что их снесут. Для людей с тяжёлым детством, прогрессивного толка, вегетарианцев, которые не любят, когда проливают кровь...

— Но Гитлер, по-моему, проливает её вовсю!

— Да, но у идеалистов другой взгляд на кровь, чем у нас с вами. Для них это закон больших чисел.

— А как на это смотрит доктор

Форестер? Он, по-моему, из породы этих людей, — сказал Дигби.

— Наш доктор чист как стёклышко! — с энтузиазмом воскликнул Джонс. — Он даже написал памфлет для министерства информации — «Психоанализ фашизма». Одно время, правда, ходили сплетни... Во время войны не обойдёшься без охоты за ведьмами, а завистники тут-то и подняли вой. Вы же видите — доктор такой живой человек. Любознательный. Вот, например, спиритизм. Он очень увлекается спиритизмом. С научной точки зрения.

— Я только что читал о запросах в парламенте, — сказал Дигби. — Там

полагают, что существует и другая Пятая колонна. Люди, которых вынуждают к измене при помощи шантажа.

— Да, немцы на редкость дотошный народ. Они прекрасно поставили это дело у себя в стране. Я ничуть не удивлюсь, если здесь они сделают то же самое. Они учредили, если можно так выразиться, нечто вроде Ведомства Страха и назначили толковых руководителей. Дело не только в том, что они берут в тиски каких-то отдельных людей. Важно, что они повсюду распространяют атмосферу страха, поэтому нет человека, на которого можно было бы положиться.

— Какой-то член парламента считает, что из министерства обороны были выкрадены важные планы. Их прислали из военного министерства для консультации и оставили на ночь. Он утверждает, будто утром была обнаружена пропажа.

— Наверно, это как-нибудь разъяснится, — сказал Джонс.

— Уже разъяснилось. Министр ответил, что достойный член парламента был введён в заблуждение. Планы не были нужны на утреннем совещании, а на дневном они уже фигурировали, были обсуждены и возвращены военному министерству.

– Эти члены парламента вечно выдумывают небылицы.

– Как вы считаете, не мог ли я быть детективом? Тогда хоть как-то была бы оправдана детская мечта стать исследователем. В этом сообщении концы с концами не сходятся.

– А по-моему, все очень логично.

– Член парламента, который сделал запрос, наверно, был информирован кем-то, знавшим об этих планах. Либо участником того заседания, либо тем, кто был причастен к посылке или получению планов. Никто другой не мог о них знать. А то, что они существуют,

подтвердил и министр.

— Да, да, это верно.

— Вряд ли кто-нибудь, занимающий такой пост, станет распространять утку! И вы заметили, что, несмотря на гладкую, уклончивую, как у всякого политика, манеру выражаться, министр, в сущности, не отрицает, что планы пропадали? Он говорит, что в них не было нужды, а когда они понадобились, их представили.

— Вы думаете, что у тех было время сфотографировать эти планы? — взволнованно спросил Джонс. — Не возражаете, если я закурю? Дайте я уберу ваш поднос. — Он пролил немножко кофе на

простыню. — Знаете, такое предположение уже высказывалось около трех месяцев назад. Сразу после вашего приезда. Я найду для вас эту заметку. Доктор Форестер сохраняет подшивку «Таймс». Какие-то бумаги пропадали несколько часов. Историю хотели замять, уверяя, будто произошла служебная оплошность и бумаги не выходили из министерства. Какой-то член парламента поднял скандал, заявив, что они были сфотографированы, — его чуть в порошок не стёрли. Он, видите ли, подрывает общественное спокойствие и вносит панику. Документы ни на минуту не покидали своего владельца, не

помню уж, кто он такой. Один из тех, чьему слову надо верить, не то либо его, либо вас упекут в тюрьму, и можете не сомневаться, что в тюрьму попадёт не он. Газеты сразу же словно воды в рот набрали.

— Странно, если такая история повторилась снова! Джонс сказал с жаром:

— Никто из нас об этом не узнает. А те тоже будут молчать.

— Может, в первый раз произошла осечка. Может, фотографии плохо получились. Кто-то промахнулся. Они, конечно, не могли дважды использовать одного и того же человека. Им пришлось ждать, пока они не заполучат второго

агента. — Дигби думал вслух. — Кажется, единственные люди, которых им не запугать и не вынудить на тёмные делишки, — это святые или отверженные, кому нечего терять.

— Вы были не детективом! — воскликнул Джонс. — Вы, наверно, были автором детективных романов!

— Знаете, я почему-то устал. Мозги начинают связно работать, и тут я вдруг чувствую такую усталость, что впору только уснуть. Наверно, я так и поступлю. — Он закрыл глаза, а потом открыл их снова: — Надо бы, конечно, изучить тот первый случай... когда они что-то прошляпили, и выяснить, в чем

произошла заминка. — Сказав это, он и в самом деле заснул.

V

День был ясный, и после обеда Дигби отправился погулять в сад. Прошло уже несколько дней с тех пор, как его навещала Анна Хильфе, — он был мрачен и не находил себе места, как влюблённый мальчишка. Ему хотелось доказать ей, что он не болен и голова у него работает не хуже, чем у других. Кому же интересно красоваться перед Джонсом? Шагая между цветущими шпалерами кустарника, он предавался самым необузданным

мечтам.

Сад был запущенный, такой хорошо иметь в детстве, а не людям, впавшим в детство. Старые яблони росли как дички; они неожиданно поднимались из розария, на теннисном корте, затеняли окно маленькой уборной, похожей на сарайчик, — ею пользовался старик садовник, которого всегда было слышно издалека по звуку косы или скрипу тачки. Высокая кирпичная ограда отделяла цветник от огорода и плодового сада, однако от цветов и фруктов нельзя было отгородиться. Цветы расцветали среди артишоков и высовывались из-за деревьев, словно языки пламени. За плодовым садом

парк постепенно переходил в выгон, там был ручей и большой запущенный пруд с островком величиной с бильярдный стол.

Около этого пруда Дигби и встретил майора Стоуна. Сначала он слышал его отрывистое сердитое ворчание, как у собаки со сна. Дигби скатился по откосу к чёрному краю воды, и майор Стоун, поглядев на него своими очень ясными голубыми воинственными глазами, сказал:

— Задание должно быть выполнено. — Весь его костюм из шотландской шерсти был в глине, как и руки: он швырял в воду большие камни, а теперь волочил за собой по берегу пруда доску, которую достал

из сарая. — Не занять такую территорию — чистейшая измена. Отсюда можно держать под обстрелом весь дом... — Он подтянул доску и упёр её конец в большой камень. — Главное, устойчивость. — И стал толкать её дюйм за дюймом к следующему камню. — Теперь двигайте её вы. Я возьмусь за другой конец.

— Неужели вы полезете в воду?

— С этой стороны мелко, — сказал майор и ступил прямо в пруд. Жидкая чёрная глина покрыла его ботинки и отвороты брюк. — Толкайте! Только равномерно! — Дигби толкнул, но слишком сильно: доска перевернулась и увязла в

глине. — Черт! — воскликнул майор. Он наклонился, вытащил доску, выпачкавшись до пояса, и поволок её на берег. — Извините, — сказал он. — Я чертовски вспыльчив. А вы, я вижу, не имеете военной подготовки. Спасибо за помощь.

— Боюсь, что от меня было мало толку.

— Эх, будь у меня полдюжины сапёров, вы бы тогда поглядели... — он смотрел на маленький, заросший островок. — Но чего нет, того нет. Придётся как-нибудь обойтись. И прекрасно обошлись бы, если бы повсюду не было измены. — Он внимательно взглянул Дигби в глаза, словно его оценивая. — Я вас часто

здесь вижу, — сказал он. — Правда, никогда раньше не разговаривал. Но лицо ваше, простите за откровенность, мне по душе. Наверно, и вы были больны, как и все мы. Слава богу, я скоро отсюда уеду. На что-нибудь ещё пригожусь. А что с вами?

— Потеря памяти.

— Были там? — майор мотнул головой в сторону островка.

— Нет, бомба. В Лондоне.

— Паршивая война. Штатский — и контузия. — Дигби не понял, чего он не одобряет, штатских или контузию.

Его жёсткие светлые волосы поседели у висков, а ярко-голубые глаза были ослепительно чистые —

он, видно, всю жизнь старался быть в форме и боевой готовности. Теперь, когда он не был в форме, в его бедном мозгу царила страшная неразбериха. Он заявил: — Где-то кроется измена, иначе этого никогда бы не случилось. — И, резко повернувшись спиной к островку и остаткам импровизированного мола, вскарабкался на берег и энергично зашагал к дому.

Дигби пошёл дальше. На теннисном корте шла ожесточённая игра. Двое людей прыгали, насупившись и обливаясь потом; единственное, что выдавало ненормальность Стила и Фишгарда, была их безумная поглощенность

игрой; кончая партию, оба принимались визгливо кричать, ссориться и чуть не плакали. Так же кончалась и партия в шахматы.

Розарий был защищён от ветра двумя заборами: тем, что отгораживал грядки с овощами, и высокой стеной, которая преграждала доступ — если не считать маленькой калитки — к тому крылу дома, которое доктор Форестер и Джонс деликатно называли «лазаретом». Никому не хотелось вспоминать про «лазарет» — с ним были связаны мрачные представления: обитая войлоком палата, смиренные рубашки; из сада были видны только окна

верхнего этажа, а на них решётки. Каждый из обитателей санатория отлично знал, как он близок к этому уединённому крылу дома. Истерика во время игры, мысль, что кругом измена, слишком лёгкие слезы, как у Дэвиса, — пациенты понимали, что все это признаки болезни не меньше, чем буйные приступы. Они письменно отказывались от своей свободы, вручив её доктору Форестеру, в надежде избежать чего-то худшего, но если худшее все же случится, «лазарет» тут же под рукой, не нужно ехать в незнакомый сумасшедший дом. Один Дигби не чувствовал, что над ним нависла тень: «лазарет» не для счастливых

людей.

«Что такое этот „лазарет“, если не плод измышлений расстроенного ума?» – нередко задавал себе вопрос Дигби. Оно, конечно, существует, это кирпичное крыло дома с решётками на окнах и высокой оградой, там даже есть особый персонал. Но кто может поручиться, что в «лазарете» вообще кто-то есть? Иногда Дигби казалось, что «лазарет» так же реален, как ад в представлении добрых церковников, – необитаемое место, которым только пугают.

Вдруг откуда-то стремительно появился майор Стоун. Увидев Дигби, он резко свернул к нему по дорожке. На лбу у него блестели

капельки пота.

— Вы меня не видели, понятно? — пробормотал он на ходу. — Вы меня не видели! — и пробежал мимо. Секунду спустя он исчез в кустах, и Дигби пошёл дальше. Он подумал, что ему пора уезжать. Ему здесь нечего делать, он не сумасшедший. Правда, его чуть-чуть встревожило то, что майор Стоун тоже считает себя здоровым.

Когда он подошёл к дому, оттуда выбежал Джонс, Вид у него был сердитый и обеспокоенный.

— Вы не видели майора Стоуна? — спросил он, Дигби только на секунду запнулся:

— Нет.

– Его ищет доктор. У него резкое ухудшение. Чувство товарищества к собрату-больному стало слабее.

– Я его не так давно видел... – сказал Дигби.

– Доктор очень встревожен. Он может причинить вред... себе или другим. – Очки без оправы словно посылали сигналы: будьте осторожны, не берите на себя такую ответственность.

Дигби нехотя сказал:

– Поглядите, нет ли его возле пруда.

– Спасибо! – сказал Джонс и позвал: – Пул! Пул!

– Иду! – ответил чей-то голос.

На душу Дигби, как тяжёлое

тёмное покрывало, опустилось предчувствие какой-то беды, казалось, кто-то шепнул ему: «Берегись!» — он был уверен, что это услышал. У калитки в «лазарет» стоял человек в таком же белом халате, как Джонс, только погрязнее. Он был похож на карлика с могучими горбатыми плечами и дерзким лицом.

— Пруд! — сказал Джонс.

Человек заморгал и не двинулся с места, вглядываясь в Дигби с наглым любопытством. Он явно служил в «лазарете», в саду его никогда не было видно. Халат и пальцы у него были выпачканы чем-то вроде йода.

– Пойдёмте скорее, доктор беспокоится, – сказал Джонс.

– По-моему, я вас где-то встречал? – спросил Пул, глядя на Дигби с каким-то злорадством. – Ну да, конечно, встречал.

– Нет! – сказал Дигби. – Нет!

– Ну что ж, значит, теперь познакомимся. – Он осклабился и сказал, причмокнув: – Я там смотритель. – И махнул длинной обезьяньей лапой в сторону «лазарета».

Дигби громко сказал:

– Я вас никогда в жизни не видел. И знать не желаю. – Он успел заметить удивлённое лицо Джонса, но тут же повернулся к ним обоим

спиной и услышал, как они торопливо зашагали к пруду.

Это была правда: он не знал этого человека, но мрак, покрывавший его прошлое, словно зашевелился; каждую минуту что-то могло пробиться из-под обволакивающей его пелены. Он вдруг почувствовал страх и поэтому разговаривал так резко. Дигби не сомневался, что в истории его болезни появится дурная отметка, и это его пугало...

Почему он так боится вспоминать? «В конце концов, я же не преступник!» – прошептал он.

У парадного входа его встретила горничная.

– Мистер Дигби, к вам гости.

Сердце его забилося:

– Где?

– В приёмной.

Она стояла, перелистывая «Татлер», а он не мог придумать, что сказать. Она была такая же, какой он, казалось, помнил её давно: маленькая, насторожённая, натянутая как струна, – и в то же время она была частью его жизни, о которой он ничего не знал.

– Как это мило с вашей стороны... – начал он и замолчал. Он испугался: стоит завести с ней пустой разговор, и они навек будут

приговорены к этим призрачным отношениям. Они будут изредка встречаться, болтать о погоде, делиться впечатлениями о театре. Пройдя мимо неё на улице, он приподнимет шляпу, и то, что едва ожило, безболезненно умрёт навсегда. Поэтому он неторопливо сказал:

— Я с тоской ждал вашего прихода с тех пор, как вы были в последний раз. Когда нечего делать, дни тянутся бесконечно, и ты только думаешь и задаёшь себе вопросы. Какая нелепая жизнь.

— Нелепая и чудовищная, — поправила она.

— Не такая уж чудовищная, —

возразил он, но сразу же вспомнил Пула. — Как мы с вами разговаривали, прежде чем я потерял память? Вряд ли держались так чопорно, как теперь, правда? Вы с журналом в руках, а я... мы же были друзьями?

— Да.

— Нам надо вернуться назад. Так нельзя. Садитесь сюда, и давайте зажмурим глаза. Представим, что все, как прежде, до того как разорвалась бомба. О чем мы говорили в ту минуту? — Она сидела молча, как убитая, и он с удивлением воскликнул:

— Не надо же плакать!

— Вы сами сказали, чтобы я закрыла глаза.

– Они и у меня закрыты.

Он больше не видел сверкающую, до приторности нарядную приёмную с атласными обложками журналов и хрустальными пепельницами, перед глазами была только тьма. Вытянув руки, он ощупью дотронулся до её руки и спросил:

– Вам не кажется это странным?

Спустя долгое время глухой, сдавленный голос ответил:

– Нет.

– Ну конечно, я вас любил, правда? – И когда она промолчала, он объяснил: – Я не мог вас не любить. Не зря ведь в день, когда вы пришли, у меня появилось чувство

облегчения, будто я боялся, что придёт кто-то совсем другой. Как же я мог вас не любить?

— Не думаю, что это было возможно.

— Почему?

— Мы знали друг друга всего несколько дней.

— Слишком мало, чтобы вы успели что-то ко мне почувствовать?

Снова наступило долгое молчание. Потом она сказала:

— Нет, не мало.

— Но я ведь много старше вас. И не так уж хорош собой. Что же я был за человек?

Она ответила сразу, не затрудняясь, словно это был урок,

который она выучила и без конца повторяла в уме:

– Вы знаете, что такое жалость. Вы не любите, когда люди страдают.

– Разве это такая уж редкость? – спросил он с искренним любопытством; он совсем не знал, чем и как живут люди там, за оградой.

– Да, редкость там, откуда я... Мой брат... – она запнулась и громко перевела дыхание.

– Ну да, конечно, – перебил он, стараясь поймать что-то, возникшее в памяти, прежде чем оно уйдёт, – у вас был брат! И он тоже был моим другом.

– Давайте прекратим эту игру, –

сказала она. — Я вас прошу. — Они вместе открыли глаза и увидели лоснящуюся от комфорта гостиную.

— Я хочу отсюда уехать, — сказал он,

— Не надо, оставайтесь. Прошу вас.

— Почему?

— Вы здесь в безопасности. Он улыбнулся:

— От бомб?

— От самых разных вещей. Вам ведь здесь хорошо?

— Более или менее.

— Но там... — она подразумевала мир за стеной сада, — там вам было нехорошо. — И задумчиво продолжала: — Я сделаю все, чтобы

вы не чувствовали себя несчастным. Вы должны быть таким, как теперь. Таким вы мне нравитесь.

— Значит, там я вам не нравился? — Он хотел в шутку поймать её на слове, но она не желала шутить.

— Нельзя целый день, день за днём смотреть, как человек мучается, — сердце не выдержит,

— Жалко, что я ничего не помню.

— А зачем вам вспоминать?

Он ответил просто, словно высказывая одно из немногих своих убеждений:

— Ну, помнить надо обязательно... — она напряжённо на него смотрела, будто на что-то

решаясь. Он продолжал: – Хотя бы все, что касается вас, помнить, о чем я с вами говорил.

– Не надо, – сказала она, – не надо, – и добавила резко, как объявление войны, – душа моя.

– Вот об этом мы и говорили! – сказал он с торжеством. Она кивнула, не сводя с него глаз. – Ах, моя дорогая...

Голос её был надтреснут, как поверхность старинного портрета, светский лак облезал:

– Вы всегда говорили, что способны сделать для меня даже невозможное.

– Да?

– Сделайте хотя бы возможное.

Ведите себя тихо.

Оставайтесь здесь хотя бы ещё несколько дней, пока к вам не вернётся память.

— Если вы будете часто приходить...

— Буду.

Он прижался губами к её рту; это несмелое движение было почти юношеским.

— Моя дорогая, моя дорогая, почему вы сказали, что мы были просто друзьями?

— Я не хотела вас связывать.

— Все равно вы связали меня по рукам.

На это она ответила медленно, с удивлением:

– А я так рада...

Всю дорогу назад, в свою комнату, он чувствовал её запах. Он мог бы войти в любую парфюмерную лавку и сразу отыскать её пудру, он мог бы в темноте найти её, дотронувшись рукою. Это чувство было новым для него, как в ранней юности, и, как у юноши, полно слепого и жаркого целомудрия. Как и в юности, его неуклонно несло к неизбежному страданию, к утрате и отчаянию, а он звал это счастьем,

VII

Утром он не нашёл на подносе газеты. Он спросил у женщины,

которая принесла завтрак, где газета, и та ответила, что, по-видимому, её не доставили. На него снова напал страх, как тогда, накануне, когда из «лазарета» появился Пул. Он с нетерпением дожидался появления Джонса, который по утрам приходил поболтать и выкурить сигарету. Но Джонс не пришёл. Дигби пролежал ещё полчаса в кровати, одолеваемый невесёлыми мыслями, а потом позвонил. Пора было принести его одежду для гулянья, но, когда пришла горничная, она заявила, что у неё на этот счёт нет указаний.

— Какие тут указания? Вы подаёте мне костюм каждый день.

— Я должна получить на это

указание.

— Передайте мистеру Джонсу, что я хотел бы с ним поговорить.

— Хорошо, сэр...

Но Джонс так и не пришёл.

Казалось, в комнате Дигби объявлен карантин.

Он в полнейшем безделье подождал ещё полчаса. Потом встал с постели и подошёл к книжной полке, но там не было ничего увлекательного — только железный рацион учёных мужей: «В чем моя вера» Толстого, «Психоанализ повседневной жизни» Фрейда, биография Рудольфа Штейнера. Дигби взял в кровать Толстого и, открыв наудачу книгу, нашёл на

полях следы от пометок, стёртых резинкой. Всегда любопытно узнать, что могло заинтересовать в книге другого человека, Дигби прочёл:

«Христос открыл мне, что пятый соблазн, лишаящий меня блага, — есть разделение, которое мы делаем между своим и чужими народами. Я не могу верить в это, и поэтому если в минуту забвения и может во мне подняться враждебное чувство к человеку другого народа, то я не могу уже в спокойную минуту не признавать это чувство ложным, не могу оправдывать себя, как я прежде делал, признанием преимущества своего народа над другим, заблуждениями, жестокостью или

варварством другого народа...»

В этой вере было какое-то удивительное благородство, а в попытке стереть пометки карандашом — что-то подлое. Такие взгляды, если их придержишься, надо проповедовать открыто.

Но ведь я, подумал Дигби, не чувствую вражды к какому-нибудь отдельному человеку по ту сторону границы. Если я снова решил принять участие в войне, меня толкает на это любовь, а не злоба. Я, как и Джонс, маленький человек. Меня не интересуют доктрины, я привязан к плоскому ландшафту Кембриджшира, к меловому карьеру, к веренице ив, пересекающей

неяркие поля, к городку, куда в базарный день стекается вся округа... — Мысли его старались пробиться сквозь толщу беспамятства. — Ах, Толстому надо было жить в маленькой стране, подумал он, не в России, она ведь скорее часть света, чем страна. И почему он пишет, что самое большое зло, которое мы можем причинить ближнему, это его убить? Убивают не только из ненависти; можно убить и потому, что любишь... И снова его как будто ударили в сердце, у него началось головокружение.

Ей-богу, старик с бородой не прав! Он слишком занят спасением собственной души. Разве не лучше

делить с теми, кого любишь, даже их ошибки, ненавидеть вместе с ними, если это необходимо, а когда наступит конец всему – разделить с ними и вечную кару за грехи. Разве это не лучше, чем спастись в одиночку?

На это можно возразить, что подобное рассуждение оправдывает и врага. А почему нельзя искать оправдания для врага? Это же не значит, что ты должен перестать с ним драться и охотно подставлять другую щеку.

«Если человек оскорбит тебя...» – вот в чем дело, нельзя убивать ради себя одного. Но ради людей, которых ты любишь, можно пойти на вечные

муки.

Мысли его вернулись к Анне Хильфе. Когда он думал о ней, у него как-то нелепо перехватывало горло. Словно он опять, как когда-то, ждал у двери и девушка, которую он любит, шла к нему по улице, а ночь была полна прелести, муки и отчаяния; он знал, что слишком молод и ему не на что надеяться.

Ему больше не захотелось спорить с Толстым. Безобразие, что с ним обращаются, как с больным. Разве женщина может полюбить больного? На это способна только героиня сентиментального романа.

Дигби встал с постели и увидел в длинном узком зеркале своё худое

тело, седые волосы и бороду...

Дверь отворилась, и вошёл доктор Форестер. За ним с опущенной головой, словно в чем-то провинившись, шагал Джонс. Доктор Форестер покачал головой:

– Нехорошо, Дигби, плохо. Я огорчён.

Дигби все ещё разглядывал нескладную и грустную фигуру в зеркале.

– Я хочу получить мой костюм. И бритву, – сказал он.

– Зачем вам бритва?

– Побриться. Я уверен, что раньше бороду не носил.

– Это только показывает, что память к вам не вернулась.

– И сегодня утром мне не дали газету, – уже менее уверенно продолжал Дигби.

– Я распорядился, чтобы вам прекратили давать газеты. Джонс вёл себя очень неразумно. Все эти ваши бесконечные разговоры о войне... Вы слишком возбуждены. Пул рассказал мне, как вы были вчера возбуждены.

Дигби сказал, по-прежнему не сводя глаз со своей уже немолодой фигуры в полосатой пижаме:

– Я не желаю, чтобы со мной обращались как с больным или как с ребёнком.

– Вы, кажется, вбили себе в голову, что у вас талант сыщика и что в прежней жизни вы были

детективом...

— Я пошутил.

— Могу вас заверить, что вы были кем-то другим. Совершенно другим, — подчеркнул доктор Форестер.

— Кем я был?

— Может, когда-нибудь мне и придётся вам это сказать, — заявил доктор с какой-то угрозой. — Если это сможет предотвратить глупые ошибки.

Джонс стоял за спиной у доктора, уставившись в пол.

— Я отсюда уезжаю, — объявил Дигби. Спокойные благородные черты старого доктора вдруг скорчились в гримасу отвращения.

Он резко сказал:

— И, надеюсь, заплатите по счёту?

— Надеюсь.

Черты разгладились, но теперь ему не так уж легко было поверить.

— Дорогой Дигби, будьте же благоразумны. Вы больной человек, вы очень больной человек. Двадцать лет жизни стёрты из вашей памяти. Какое уж тут здоровье... И вчера и сейчас вы находитесь в крайне возбуждённом состоянии. Я этого боялся и надеялся избежать. — Он ласково положил ладонь на рукав пижамы. — Жаль, если мне придётся вас запереть, я этого не хочу.

— Но я такой же нормальный

человек, как вы. Вы сами должны это знать.

– Майор Стоун тоже так думал. Но мне пришлось перевести его в лазарет. У него навязчивая идея, которая в любой момент может вызвать буйный приступ.

– Но я...

– У вас почти те же симптомы. Возбуждённое состояние... – Доктор перенёс руку ему на плечо, тёплую, мягкую, влажную руку. – Не волнуйтесь. До этого дело не дойдёт, но некоторое время придётся соблюдать полный покой, побольше есть, побольше спать, бромистые препараты, какое-то время никаких посетителей, даже нашего друга

Джонса, прекратить возбуждающие интеллектуальные беседы...

— А мисс Хильфе? — спросил Дигби.

— Тут я допустил ошибку, — сказал доктор Форестер. — Вы ещё недостаточно окрепли... Я сказал мисс Хильфе, чтобы она больше не приходила.

Глава вторая

«ЛАЗАРЕТ»

*Почему ты меня
избегаешь? Что я сделал,
чтобы ты меня боялся? Ты
наслушался дурных
сплетён, дитя моё!*

*«Маленький
герцог»*

I

Когда человек стирает
карандашную пометку, он должен
позаботиться, чтобы слова нельзя

было прочесть. Если бы доктор Форестер более старательно стёр свои пометки на полях «В чем моя вера» Толстого, мистер Реннит никогда бы не узнал, что произошло с сыщиком Джонсом; доктор Джонс продолжал бы поклоняться своему идолу, а майор Стоун медленно угасал бы, окончательно сойдя с ума, между обитыми войлоком гигиеническими стенами «лазарета». А Дигби? Дигби так и остался бы Дигби.

Эти стёртые резинкой пометки не давали Дигби заснуть в конце тоскливого, одиноко проведённого дня. Нельзя уважать человека, который не смеет открыто

высказывать свои взгляды, а стоило Дигби потерять уважение к доктору Форестеру, как он потерял веру и во многое другое. Благородная старость доктора больше не вызывала у него почтения, даже его медицинские познания и те стали казаться сомнительными. Какое право он имеет не давать ему газет, а главное, какое право он имеет не пускать сюда Анну Хильфе?

Дигби все ещё чувствовал себя школьником, однако он теперь знал, что у директора школы есть секреты, которых тот стыдится, но нет ни величия, ни собственного достоинства. Поэтому школьник решил взбунтоваться. Вечером, около

половины десятого, он услышал шум автомобиля и, выглянув в щёлку между портьерами, увидел, что Форестер куда-то уехал. Правил машиной Пул, а доктор сидел рядом с ним.

Пока Дигби не видел Пула, он замышлял только маленький бунт — сходить втихомолку к Джонсу; он был уверен, что сможет вызвать молодого врача на разговор. Теперь он осмелел и решил сходить в «лазарет» навестить Стоуна. Пациенты должны объединиться в борьбе против тирании.

Он слегка задохнулся, проглотив весёлый смешок, когда открыл дверь своей комнаты и быстро оглядел

коридор. Ему грозила неведомая, пугавшая его кара, поэтому поступок, на который он отважился, казался ему героическим и достойным влюблённого.

Пациенты ложились спать в разное время — кому как позволяло здоровье, но к половине десятого всем полагалось быть в постели. Однако заснуть никого не заставишь. Проходя мимо двери Дэвиса, Дигби слышал невнятное жалобное подвывание — там плакал мужчина, который не мог справиться со своими слезами... Дальше по коридору была комната Джонса, дверь в неё была открыта, свет зажжён. Сняв комнатные туфли,

Дигби быстро прошёл мимо, но Джонса в комнате не было. Зная его неукротимую общительность, можно было предположить, что он болтает с экономкой. На письменном столе лежала пачка газет; он явно подобрал их для Дигби ещё до того, как доктор наложил своё вето. Дигби почувствовал соблазн; ему захотелось остаться и почитать газеты, но мелкий соблазн не мог побороть жажды настоящих приключений. Сегодня ночью он сделает то, чего не делал без принуждения ни один пациент: пойдёт в «лазарет». Он двигался осмотрительно и бесшумно, на память ему пришло знакомое с детства слово «следопыт».

В приёмной огни были погашены, но занавески забыли задёрнуть, и лунный свет лился в комнату вместе с плеском фонтана и дрожащими тенями серебристой листвы. Журналы на столиках были сложены в аккуратные стопки, пепельницы убраны и подушки на креслах взбиты. Дальняя дверь вела в коридор, где помещался кабинет доктора Форестера. Он тихонько прикрыл за собой одну дверь за другой, ощущая, что отрезает все пути к отступлению. Сердце так билось, что от ударов, казалось, дрожат ребра. Перед ним была дверь, обитая зелёным сукном, которую он всегда видел закрытой, а за ней —

«лазарет». Он надеялся, что дверь заперта на засов с той стороны, что ему останется только тихо вернуться в постель безо всякого урона самолюбию.

...Дверь отворилась сразу. Она служила лишь буфером для другой двери, чтобы заглушать шум и позволить доктору спокойно работать. Но и вторая дверь была не заперта. Когда Дигби прошёл в коридор, куда вела зелёная дверь, она затворилась за ним с долгим вздохом.

II

Он остановился как вкопанный и прислушался. Где-то с жестяным

звучком тикали дешёвые часы, из крана капала вода, его комнатные туфли поднимали с каменного пола облачка пыли. Здесь все дышало запустением: перила лестницы давно не полировали, а тонкая дорожка протёрлась насквозь. То, что его окружало, никак не было похоже на выложенный санаторий и словно говорило, пожимая плечами: «Кому мы нужны? Нас никто не видит. Единственное, чего от нас требуют, это вести себя тихо и не мешать доктору». А что может быть тише пыли? Если бы не тиканье часов, он бы усомнился, что в этой части дома вообще кто-то живёт, — но тут шли часы и ощущался слабый запах

табачного дыма, горьковатый запах дешёвых французских сигарет, отчего сердце его снова тревожно забилося.

Там, где тикают часы, должно быть, спит Пул. Стоило ему подумать о Пуле, и он сразу ощущал в глубине сознания какую-то тяжесть, словно что-то пыталось вырваться оттуда наружу. Это его пугало, как пугают птицы, когда они бьются в закрытые окна. На минуту он забыл о майоре Стоуне и по запаху табачного дыма нашёл дорогу в комнату Пула.

Она была в конце коридора, где сочилась вода из крана, — большая, квадратная, неуютная комната с каменным полом, разделённая надвое занавеской; когда-то, по-

видимому, здесь была кухня. Новый владелец внёс сюда развязную мужскую нечистоплотность, словно ему нужно было доказать, что он мужчина: на полу валялись окурки, и ни одна вещь не использовалась по назначению. Часы и дешёвый коричневый чайник подпирали книги на гардеробе, потрёпанные томики: «Герои» и «Культ героев» Карлейля, биографии Наполеона и Кромвеля и множество брошюр о том, что делать с молодёжью, рабочим классом, Европой и богом. Окна были закупорены, а когда Дигби заглянул за убогую занавеску, он увидел, что постель не застелена. Из крана в раковину капала вода, а на спинке

кровати висела мохнатая рукавица. В пустой банке из-под крабов валялись старые лезвия для бритья. В комнате было неуютно, как на эвакопункте.

Воздух был пропитан дымом французских сигарет, на простынях разбросаны крошки, словно Пул брал еду в постель. Дигби долго смотрел на эти крошки; его мучила непонятная тоска, тревога и предчувствие какой-то опасности. Значит, санаторий был просто красивой декорацией, спрятанной в густом саду? Неужели реальная жизнь похожа на то, что его окружает? Может, он и раньше жил такой жизнью? Его опечалило, что все это было ему почему-то знакомо.

Наконец предчувствие опасности напомнило ему о бедном Стоуне. У него мало времени: а что, если вернутся доктор и Пул? Туфли его снова зашлёпали по коридору, вверх по грязной лестнице. Тут не было слышно ни звука; тиканье часов сюда не доносилось; на ржавой проволоке висели колокольчики — как видно, перед бывшей буфетной. На них ещё остались надписи: кабинет, гостиная, 1-я запасная спальня, 2-я запасная спальня, детская... Проволока обвисла от времени, и вокруг звонка из столовой паук сплёл паутину.

Окна с решётками, которые он видел снаружи, были на втором

этаже, и он нехотя поднялся выше. С каждым шагом отступление становилось опаснее, но он решил поговорить со Стоуном, будь это хоть несколько слов. Он пошёл по коридору и стал тихонько звать: «Стоун! Стоун!»

Ответа не было, под ногами потрескивал старый, высохший линолеум, заставляя его то и дело спотыкаться. Он снова почувствовал что-то знакомое, словно эта ходьба крадучись, этот пустой коридор были куда приличнее, чем лощёная спальня в противоположном крыле дома.

— Стоун! — звал он. — Стоун! — И вздрогнул, вдруг услышав голос из—

за двери рядом:

– Барнс, это вы? Барнс?

– Тсс, – сказал он, прижавшись ртом к замочной скважине. – Это не Барнс, это Дигби.

Он услышал, как Стоун вздохнул.

– Конечно, – слышался голос, – Барнс умер. Мне почудилось...

– Как вы поживаете, Стоун?

– Мне было очень плохо, – сказал Стоун так тихо, что Дигби его едва слышал. – Отчаянно плохо... Я ведь, в сущности, и не собирался отказываться от еды.

– Подойдите к двери, чтобы я вас лучше слышал.

– Они держат меня в этой самой

смирительной рубашке. Говорят, что я буйный. По-моему, я совсем не буйный. Тут просто измена... — Он, вероятно, добрался до двери, потому что голос его стал гораздо отчётливей. —

Понимаете, старина, я ведь знаю, что я немножко тронутый. Все мы тут слегка не того, верно? Но я не сумасшедший, нет. Это уж наверняка.

— Что вы сделали?

— Я хотел найти комнату, откуда можно было взять под прицельный огонь остров. Они ведь там начали копать уже несколько недель назад. Я их видел как-то вечером, когда стемнело. Нельзя же было это так оставить! Фрицы мешкать не любят.

Поэтому я и пробрался в эту часть дома и пошёл в комнату Пула.

— Ну?

— Я не хотел их пугать. Я просто хотел объяснить, что я намерен делать.

— Пугать?

— Там у Пула был доктор. Они что-то делали в темноте... — Голос задрожал, было страшно слышать, как пожилой человек рыдает за закрытой дверью.

— Но что они там копали? — спросил Дигби. — Вам, наверно, почудилось...

— Резиновая трубка... Это такой ужас, старина... Я ведь не собирался отказываться от еды... Я просто

боялся отравы.

– Отравы?

– Измена, – слышался голос. –

Послушайте, Барнс...

– Я не Барнс.

Снова слышался долгий вздох:

– Конечно. Извините. Они меня

доконают. Я и правда тронутый...

Может, они не врут.

– Кто такой Барнс?

– Он был человек хороший. Они его прикончили на побережье. Дело моё дрянь, Дигби. Я сумасшедший. С каждым днём мне становится хуже и хуже во всех отношениях.

Откуда-то издалека, через открытое окно нижнего этажа, донёсся шум машины. Дигби

приложил губы к скважине:

– Я должен идти. Послушайте, Стоун. Вы не сумасшедший. У вас навязчивая идея, вот и все. Неправильно было вас запирасть. Я вас как–нибудь вызволю. Потерпите.

– Вы славный парень.

– Они и мне грозят этим же самым.

– Вам? – зашептал в ответ Стоун. – Но вы же совсем не сумасшедший. Клянусь богом, и я не такой уж тронутый. Если они хотят вас сюда запереть, это уж точно измена.

– Потерпите.

– Я буду терпеть, старина. Самое страшное – неуверенность. Я стал

думать, что, может, они и правы.

Шум машины вдали затих.

– У вас есть родные?

– Ни души. Была жена, но она ушла. И правильно сделала, старина, правильно сделала! Повсюду такое предательство.

– Я вас вытащу. Не знаю как, но вытащу.

– Этот остров, Дигби... вам надо за ним наблюдать. Отсюда я ничего не могу сделать, да и на что я годен. Но если бы у меня было хоть полсотни моих парней...

Дигби мягко его заверил:

– Я буду наблюдать за островом.

– Я думал, что его захватили фрицы. Они мешкать не любят. Но у

меня в голове иногда такая каша...

– Мне надо идти. Потерпите.

– Я потерплю, старина. Бывали переделки и похуже. Но мне жалко, что вам надо уходить.

– Я за вами приду.

Но он не представлял себе, как это сделать. Его терзало мучительное чувство жалости; он понимал, что способен убить, чтобы выручить этого доброго затравленного человека. Он снова видел, как тот входит в илистый пруд... его ясные голубые глаза, колючие военные усики, глубокие складки тревоги на лбу... В этом доме он узнал, что человек не теряет своего характера, даже когда сходит с ума. Никакое

безумие не может заглушить
воинского долга.

Разведка прошла успешнее, чем он мог надеяться; доктор, видно, уехал далеко. Дигби благополучно добрался до двери, обитой зелёным сукном, и, когда она издала за его спиной вздох, ему показалось, что это уставший терпеть Стоун просит его вернуться. Он торопливо пересёк приёмную, а потом осторожно поднялся по лестнице и снова увидел открытую дверь в комнату Джонса. Джонса все ещё не было; часы на столе показывали, что прошло только двенадцать минут; прямо под лампой лежали газеты. Дигби казалось, что он открывал неведомую страну, а

вернувшись назад, понял, что все было сном: за время его странствий на календаре не перевернули листка.

III

Джонса он не боялся. Он вошёл в его комнату и взял одну из недозволенных газет. Джонс положил их по числам и отчеркнул кое-какие заметки. Его, видно, самого одолевала страсть к сыску. Дигби прочёл, что несколько месяцев назад министр внутренней безопасности ответил на вопрос о пропавшем документе почти то же самое, что теперь заявил по поводу недавнего случая. Документ и не думал

пропадать. На худой конец можно признать, что допущена небольшая оплошность, но документ не вышел из рук... тут было названо знаменитое, солидное и всеми почитаемое имя, которое Джонс тогда забыл. После такого заявления министра кто решится настаивать, что документ был кем-то сфотографирован? Это означало бы обвинить уважаемую персону не просто в неосторожности, но в прямой измене. Может быть, то, что документ не был заперт на ночь в министерском сейфе, и является упущением, но высокая персона лично заверила министра, что документ непрерывно находился у

неё в руках. Он даже спал в эту ночь, положив его себе под подушку... «Тайме» намекала, что было бы любопытно проверить, откуда пошла эта клевета. Не старается ли враг своим нащёптыванием бросить тень на потомственных правителей нашей страны? Ещё два или три номера газеты — и к этому вопросу больше не возвращались.

Старые, месячной давности газеты обладали для Дигби странной притягательной силой. Ему медленно приходилось заново усваивать широко известные веек имена, на каждой газетной странице попадалась фамилия какого-нибудь великого человека, о котором он

никогда не слышал, но время от времени он нападал на знакомое имя — знаменитое лет двадцать назад. Люди, о которых он теперь читал, так не соответствовали тому, что он о них когда-то знал, как и он сам своей юности. Те, кому прочили блестящее будущее, застряли в Торговой палате, а человек, которого считали слишком одарённым и горячим, чтобы доверить ему мало—мальски ответственный пост, стал во главе страны. Дигби ещё помнил, как в его присутствии этого человека освистали в суде за то, что тот высказал правду-матку о какой-то неудачной военной операции. А теперь он приучил свою страну

восхищаться его любовью резать правду-матку.

Дигби перевернул страницу, и взгляд его случайно упал на подпись под фотографией: «Артур Роу, которого полиция разыскивает как свидетеля по делу...» Но Дигби не интересовали преступники. На фотографии был изображён худой, потрёпанный, бритый человек. На фотографиях все злодеи похожи друг на друга; может быть, в этом виновато клише — пуантилизм в технике газетной фотографии. Ему нужно было так много узнать о прошлом, что не хотелось терять время на преступников, и уж во всяком случае на отечественных

преступников. Треснула половица, и он обернулся. В дверях, растерянно мигая, стоял Джонс.

— Добрый вечер, Джонс.

— Что вы здесь делаете?

— Читаю газеты.

— Но вы же слышали, что сказал доктор...

— Тут не тюрьма, Джонс, разве что для бедного Стоуна... Это образцовый санаторий, и я здесь частный пациент, абсолютно нормальный психически, если не считать потери памяти от взрывной волны... — Он почувствовал, что Джонс напряжённо его слушает. — А что, разве не так?

— Да, пожалуй, так, — сказал

Джонс.

— Поэтому нам надо сохранять чувство меры. Я не вижу, почему бы мне, если у меня бессонница, не прогуляться по коридору в вашу комнату, чтобы поболтать с вами и почитать газеты.

— Когда вы так ставите вопрос, — сказал Джонс, — все выглядит очень просто.

— А доктор заставляет вас смотреть на это по-другому?

— Пациент все равно должен выполнять указания врача.

— Или переменить врача. Знаете, я решил найти другого врача.

— Вы хотите уехать? — в голосе Джонса был страх.

– Да, уехать.

– Прошу вас, не делайте ничего сгоряча. Доктор – замечательный человек. Он столько выстрадал... это могло сделать его... слегка чудаковатым. Но самое лучшее для вас – остаться здесь, честное слово, самое лучшее!

– Я уезжаю, Джонс.

– Ну хотя бы ещё месяц, – молил Джонс. – Вы так хорошо поправлялись. Пока не появилась эта девица. Хотя бы один месяц. Я поговорю с доктором. Он опять разрешит ваши газеты. Может, он даже позволит, чтобы приходила она. Дайте мне ему объяснить. Я знаю как. Он ранимый человек, его очень

легко обидеть.

— Джонс, — мягко спросил Дигби, — почему вы боитесь моего отъезда?

В стёклах без оправы преломился свет, и на стене задрожал зайчик. Джонс сгоряча воскликнул:

— Я не боюсь, что вы уедете, я боюсь... боюсь, что он вас не пустит!

Где-то вдалеке оба слышали мурлыканье автомобиля.

— А ведь доктор — человек тёмный, а? — Джонс замотал головой, и зайчики снова запрыгали по сторонам. — Подозрительный, — настаивал Дигби. — Бедный Стоун заметил что-то странное, и его сразу убрали подальше...

— Для его же пользы! — с жаром воскликнул Джонс. — Доктор Форестер все понимает. Он такой замечательный человек.

— Черта с два «для его пользы»! Я был в «лазарете» и с ним разговаривал...

— Вы там были? — ужаснулся Джонс.

— А разве вы никогда там не были?

— Это запрещено, — сказал Джонс.

— Вы всегда точно выполняете приказы Форестера?

— Он замечательный врач, Дигби. Вы не понимаете. Человеческий мозг — это такой

хрупкий механизм. Чуть-чуть нарушено равновесие, и вся машина сдаёт. Вы должны доверять доктору.

— Я ему не верю.

— Не надо так говорить. Если бы вы только знали, какой он прекрасный специалист, как он не жалеет сил. Он хочет уберечь вас, пока вы не окрепли...

— Стоун заметил что-то странное, и его убрали.

— Нет, что вы, — Джонс неуверенно протянул руку и положил её на газеты, словно искал в них опоры. — Если бы вы только знали! Сколько его заставили вынести из-за невежества, зависти, недоверия, но он такой замечательный, такой

хороший, добрый человек...

– Спросите об этом у Стоуна.

– Если бы вы только знали... –

Его прервал тихий, полный ярости голос:

– Я думаю, что ему придётся узнать.

Это был доктор Форестер, и снова предчувствие грозящей ему, хоть и немыслимой кары заставило сердце Дигби бешено забиться. Джонс пролепетал;

– Доктор, я ему не разрешал.

– Понятно, Джонс, я знаю, что вы человек преданный. А я ценю преданность. – Доктор Форестер принялся снимать перчатки, он медленно стягивал их с длинных

красивых пальцев. — Помню, как вы поддерживали меня после самоубийства Конуэя. Я друзей не забываю. Вы когда-нибудь говорили Дигби о самоубийстве Конуэя?

— Никогда! — запротестовал Джонс.

— Но он должен об этом знать. Случай имеет к нему прямое отношение. Конуэй тоже страдал потерей памяти. Жизнь для него стала нестерпимой, и потеря памяти была только спасением. Я старался его укрепить, усилить сопротивляемость, чтобы, когда память вернётся, он смог бы вынести своё бедственное положение. Сколько времени я потерял на этого

Конуэя! Джонс подтвердит, что я был очень терпелив, — этот тип был невыносимо дерзок. Но я не святой, Дигби, и как-то раз я вышел из себя. Я редко выхожу из себя, но иногда и со мной это случается. Я все рассказал Конуэю, и в ту же ночь он покончил самоубийством. Видите ли, его психика не успела прийти в норму. Неприятностей было много, но Джонс меня поддержал. Он понимает: хорошему психиатру иногда надо позволять такую же душевную слабость, как и у его пациента, нельзя все время держать себя в узде. Это позволяет врачу понять душевное недомогание больного и кое-что другое.

Он говорил спокойно, мягко, как будто читал лекцию на абстрактную тему, но его длинные пальцы комкали газетный лист и рвали его на тонкие полосы.

— Но у меня другая болезнь, доктор Форестер, — сказал Дигби. — Мою память разрушила бомба, а не душевные переживания.

— Вы в этом уверены? — спросил Форестер. — Вы действительно верите, что только снаряд, контузия свели Стоуна с ума? Нет, человеческий мозг устроен иначе. Мы сами творцы своего безумия. Стоун потерпел поражение, позорное поражение, а теперь оправдывает его предательством. Но не какие-то

предатели бросили в беде его друга Барнса...

— Ага, значит, вы припасли камень за пазухой для меня, доктор? — Дигби вспомнил пометки на полях Толстого, стёртые человеком, не имевшим мужества высказать свои взгляды, и это его приободрило. Он спросил: — Что вы с Пулом делали в темноте, когда вас застал Стоун? — Ему хотелось проявить свою независимость, он был уверен, что рассказ Стоуна — плод его больного воображения, равно как и враги, копавшие яму на острове. Он не ждал, что его дерзость прервёт спокойную тираду доктора на полуслове. Молчание

стало зловещим. Тогда он неуверенно закончил: — Что же вы там рыли?

Лицо благородного старца с полуоткрытым ртом было обращено к нему; на подбородок текла струйка слюны.

— Идите спать, Дигби, — вмешался Джонс. — Утром поговорим.

— Я с удовольствием лягу. — Дигби вдруг почувствовал себя смешным в этом длиннополом халате и шлёпанцах, но ему было страшно вато, словно он должен был повернуться спиной к человеку с пистолетом в руках.

— Обождите, — сказал доктор Форестер. — Я вам ещё ничего не

сказал. А когда скажу, можете выбирать между выходом, который нашёл Конуэй, и судьбой Стоуна. В «лазарете» есть место.

— В «лазарете» место вам самому, доктор Форестер.

— Идиот, — сказал доктор. — Влюблённый идиот. Я внимательно наблюдаю своих больных. Я их знаю насквозь. Какой толк, что вы влюбились? На что вы надеетесь? Вы даже не знаете своего настоящего имени... — Он оторвал от одной из газет кусок и протянул его Дигби: — Нате. Это вы. Убийца. А теперь идите и поразмыслите об этом.

На обрывке была та фотография, которую ему не захотелось

разглядывать. Какая чепуха.

— Это не я! — сказал он.

— Поглядите на себя в зеркало, — сказал доктор Форестер. — А потом постарайтесь вспомнить. Вам есть что вспомнить.

Джонс неуверенно
запротестовал:

— Доктор, так же нельзя.

— Он сам на это напросился. Как Конуэй.

Но Дигби не слышал, что ответил Джонс: он бежал по коридору к себе в комнату, по дороге он наступил на болтавшийся пояс халата и упал. Он даже не почувствовал ушиба, но, когда поднялся на ноги, голова у него

кружилась. Ему нужно было поскорее добраться до зеркала.

Из знакомой комнаты на него смотрело худое бородатое лицо. Пахло срезанными цветами. В этой комнате он был счастлив. Разве можно поверить в то, что сказал доктор? Тут какая-то ошибка. С ним это так не вяжется. Сперва он едва мог разглядеть фотографию — у него бит

лось сердце и путалось в голове. Это не я, думал он, когда изображение худого, бритого, чужого лица с тоскливым взглядом стало наконец отчётливым. Они совсем не подходили друг к другу — его воспоминания двадцатилетней

давности и этот Артур Роу, с которым желала побеседовать полиция по делу о... Но доктор Форестер небрежно оторвал кусок газеты. Неужели за эти двадцать лет он мог так сбиться с пути? Что бы мне ни говорили, думал он, но здесь, в этой комнате, нахожусь я. Я не мог измениться, оттого что потерял память. Эта фотография никак не вяжется и с Анной Хильфе, убеждал он себя. И вдруг он вспомнил то, что тогда его так удивило и о чем он забыл, — слова Анны Хильфе: «Это моя обязанность, Артур». Он поднёс руку к подбородку и прикрыл бороду: длинный кривой нос выдавал его, впрочем, и глаза тоже — взгляд у них

был теперь довольно тоскливый. Он опёрся руками о туалетный столик и подумал: да, я Артур Роу. Потом он сказал себе шёпотом: но я не Конуэй, я себя не убью.

Он Артур Роу, но уже другой. Он стоит рядом с собственной юностью; он снова начал жизнь сначала. Ещё минута, сказал он себе, и прошлое начнёт возвращаться, но я не Конуэй, и я не дам себе стать Стоуном. Я долго отгораживался от действительности, мозг мой теперь выдержит. Он чувствовал в себе не только страх, но и ничем не подорванное мужество, отвагу юности. Он больше не был слишком стар и скован привычками, чтобы все

начать сызнова. Закрыв глаза, он подумал о Пуле, и у границы его сознания забрезжили, требуя выхода, странные, сменяющие друг друга образы: книжка под названием «Маленький герцог», слово «Неаполь» — взгляни на Неаполь и можешь умереть, снова Пул; Пул, сгорбившись в кресле посреди маленькой убогой комнатки, ест кекс, а доктор Форестер... он наклоняется над чем-то чёрным, откуда течёт кровь... Поток воспоминаний сгущался, их становилось все больше — на миг возникло женское лицо с выражением безысходной печали, а потом снова исчезло, словно утонуло; голова его раскалывалась от

боли, потому что другие воспоминания стремились вырваться наружу, как ребёнок из чрева матери. Он снова схватился за туалетный столик, чтобы не упасть, он повторял себе: «Я выстою, я выстою», словно в том, что он будет стоять на ногах, был залог здоровья, а мозг его разрывался от ужаса перед вернувшейся жизнью.

Книга третья

ОСКОЛКИ И

ОБРЫВКИ

Глава первая

СМЕРТЬ РИМЛЯНИНА

*Занятие, которое вряд
ли было таким приятным.*

*«Маленький
герцог»*

I

Роу шёл за человеком в синем мундире по каменной лестнице и по коридору со множеством дверей; некоторые двери были открыты, и видны были комнаты одинаковой формы и величины, похожие на

исповедальни. Стол и три стула – вот и вся обстановка; стулья были твёрдые, с прямыми спинками. Провожатый открыл одну из дверей – с таким же успехом, казалось, он мог открыть любую другую – и сказал:

– Обождите, пожалуйста, здесь, сэр.

Было раннее утро, в стальной раме окна висело серое холодное небо. Последние звезды только что погасли. Роу сидел, зажав руки в коленях, и терпеливо ждал, тупея от усталости. Усилия, которые он потратил, чтобы добраться сюда, вконец его измотали; он даже толком не понимал, что для этого делал, – помнил только, как долго шёл

пешком по тёмным просёлкам до станции, каждый раз вздрагивая, когда замычит со сна корова за живой изгородью или закричит сова; бесконечное хождение взад-вперёд по платформе, пока не пришёл поезд; запах травы и пара. Контролёр потребовал билет, но билета у него не было, как и денег на билет. Он знал своё имя или предполагал, что его знает, но не мог сообщить своего адреса. Железнодорожник оказался человеком покладистым: наверное, вид у Роу был очень больной. Он спросил, не может ли Роу назвать кого-нибудь из друзей, но тот ответил, что друзей у него нет.

— Мне надо в полицию, — сказал

он, и контролёр добродушно заметил:

— За этим, сэр, так далеко не надо ездить.

Тогда он ужасно испугался, решив, что его сейчас вернут назад, как беглого мальчишку. Контролёр спросил:

— Вы, сэр, один из больных доктора Форестера, так? Если вы сойдёте на следующей станции, оттуда позвонят и попросят прислать за вами машину. Ждать придётся не больше получаса.

— Не хочу.

— Вы, как видно, заблудились, сэр, но с таким джентльменом, как доктор Форестер, можно ни о чем не беспокоиться.

Роу собрал неё силы и твёрдо заявил:

— Я еду в Скотленд-ярд. Меня там ждут. И если меня задержат, вы будете отвечать.

На следующей остановке — платформа длиной в несколько метров и деревянный сарай посреди ровного тёмного поля — он увидел Джонса; они с Форестером, по-видимому, пошли к нему в комнату, обнаружили, что его нет, и Джонс сразу же поехал на станцию. Джонс подошёл к его купе с деланным благодушием; позади стоял проводник.

— Ах, вот вы где, старина, — запинаясь, сказал Джонс, — ну-ка

спускайтесь. У меня здесь машина –
мигом будем дома.

– Я не поеду.

– Доктор очень расстроен. У
него был тяжёлый день, он вышел из
себя и наговорил вам много лишнего.

– Я не поеду.

Проводник подошёл ближе,
показывая, что охотно поможет, если
нужно будет применить силу. Роу
закричал в бешенстве:

– Вы ещё не оформили
свидетельства, что я сумасшедший! И
не имеете права силой вытаскивать
меня из поезда!

Проводник пододвинулся
поближе. Он тихонько шепнул:

– У этого джентльмена нет

билета...

— Неважно, — неожиданно отмахнулся Джонс, — все в порядке. — Он наклонился к двери и шепнул: — Желаю удачи, старина.

Поезд отошёл, окутав паром автомобиль, сарай и фигуру человека, который не смел помахать ему вслед. И вот теперь все его беды позади, впереди только одна беда: суд за убийство.

...Роу все сидел; стальное небо побледнело, слышались гудки первых такси. Дверь открылась, и толстый рассеянный человек в двубортном жилете, поглядев на него, спросил; «Где же Билл?» — но не стал ждать ответа. Из гавани

донёсся долгий пронзительный крик парохода. По коридору кто-то прошёл, насвистывая, продребезжала чайная посуда, издалека пахнуло жареной селёдкой.

В комнату бодро вошёл тот же толстяк, у него было круглое, не по росту большое лицо и маленькие светлые усики. В руках он держал листок, который Роу заполнил внизу.

— Значит, вы и есть тот самый мистер Роу? — строго спросил он. — Слава богу, вы наконец пришли. — Он нажал звонок, и в дверях появился сержант в форме: — Бивис дежурит? Попросите его сюда.

Он сел, скрестил пухлые ляжки и стал разглядывать свои ногти. Руки

у него были холёные; он разглядывал их с разных сторон и, казалось, был обеспокоен заусеницей на левом большом пальце. И при этом молчал, явно не желая разговаривать без свидетелей. Потом в комнату вошёл рослый человек в костюме из магазина готового платья с блокнотом и карандашом в руках и занял третий стул. У него были громадные уши, торчавшие перпендикулярно черепу, и какое-то странное выражение бессловесной подавленности, словно он чувствовал себя слоном, попавшим в посудную лавку. Когда он неуклюжими пальцами нажимал карандашом на бумагу, казалось, либо карандашу,

либо бумаге пришёл конец и что сам он боится за их судьбу.

— Так вот, — начал франтоватый толстяк, припрятав до поры до времени свои ногти под пухлые ляжки, — значит, вы, мистер Роу, пришли к нам по собственной воле и хотите дать показания?

— Я увидел фотографию в газете.

— Мы просили вас явиться несколько месяцев назад.

— Я узнал об этом только вчера вечером.

— Видно, вы жили где-то в глуши.

— Я был в санатории, понимаете?

После каждой его фразы

начинал скрипеть карандаш,
превращая отдельные слова в
стройный, последовательный
рассказ.

— В каком санатории?

— Его содержит доктор
Форестер. — Он назвал ближайшую
железнодорожную станцию.
Названия места он не знал. — По-
видимому, был налёт, — объяснил он,
пощупав шрам на лбу, — и я потерял
память. Очнулся я уже там и ничего
не знал, кроме отрывочных
воспоминаний детства. Они мне
сказали, что меня зовут Ричард

Дигби. Сначала я даже не узнал
себя на фотографии. Видите,
борода...

— А теперь, надеюсь, к вам вернулась память? — резко спросил толстяк с едва заметным оттенком иронии.

— Кое-что припоминаю, но не очень много.

— Весьма удобный вид памяти.

— Я стараюсь рассказать вам все, что знаю, — воскликнул Роу, вспыхнув от гнева. — Разве по английским законам человек не считается невиновным, пока не доказана его вина? Я готов сообщить об убийстве все, что помню, но я никого не убивал.

Толстяк заулыбался. Он вытащил из-под себя обе руки, поглядел на ногти и спрятал руки обратно.

– Интересно, – сказал он. – Вот вы упомянули об убийстве, а я ведь ничего о нем не говорил, да и в газетах пока ни слова не было сказано ни о каком убийстве.

– Не понимаю.

– Игру мы ведём честную. А ну-ка, Бивис, прочтите его показания.

Бивис покраснел, как великовозрастный школьник, читающий у аналоя Второзаконие:

– «Я, Артур Роу, по собственной воле даю следующие показания. Вчера вечером, когда увидел в газете свою фотографию, я впервые узнал, что полиция желает снять с меня допрос. Последние четыре месяца, страдая от потери памяти, вызванной

травмой при воздушном налёте, я находился в санатории, который содержит доктор Форестер. Память у меня восстановилась не полностью, но 'я желаю сообщить все, что знаю по поводу убийства...»

Полицейский прервал Бивиса:

– Все точно, не так ли?

– По-моему, да.

– Вам будет в дальнейшем

предложено подписать ваши показания. А теперь назовите имя убитого.

– Не помню.

– Понятно. Кто вам сказал, что мы желаем вас допросить по поводу убийства?

– Доктор Форестер.

Ответ без запинки, видимо, удивил полицейского. Даже Бивис помешкал, прежде чем нажать карандашом на листок бумаги.

— Вам это сказал доктор Форестер?

— Да.

— Откуда он знал?

— Наверно, прочёл в газете.

— Мы ни разу не упомянули об убийстве в газете. Роу устало подпёр рукой подбородок. В голове у него

снова зашевелился тяжёлый сгусток ассоциаций.

— Может быть... — Пугающее воспоминание зародилось, оформилось, исчезло: — Не знаю.

Ему показалось, будто

полицейский стал разговаривать с ним чуточку приветливей.

— Расскажите нам, что вы помните. В любом порядке.

— Да уж порядка не ждите. Сначала о Пуле. Он помощник доктора Форестера в «лазарете», куда отправляют буйных, только я не думаю, что все они в самом деле буйные. Я знаю, что встречал его раньше, до того как у меня пропала память. Я припоминаю маленькую убогую комнату с картиной Неаполитанской бухты. Видимо, я там жил — почему, не знаю. Странно, что выбрал такое жильё. Ко мне возвращаются больше чувства и ощущения, чем факты...

— Неважно, — сказал полицейский.

— Будто вспоминаешь сон, большая часть которого забылась. Я помню чувство ноющей тоски и... страха, и ещё ощущение опасности, какой-то странный привкус.

— Вкус чего?

— Мы пили чай. Он просил, чтобы я ему что-то отдал.

— Что?

— Не могу вспомнить. Помню только какую-то чепуху. Кекс.

— Кекс?

— Он был из настоящих яиц. А потом что-то случилось... — Роу почувствовал страшную усталость. Взошло солнце. Люди отправлялись

на работу. Если бы он знал, в чем была его работа.

– Хотите чаю?

– Да. Я немножко устал.

– Раздобудьте ему чаю, Бивис, и печенье... или кекс.

Он не стал ничего больше спрашивать, пока не вернулся Бивис, но, когда Роу протянул руку, чтобы взять кусок кекса, толстяк заметил:

– Боюсь, в этом нет настоящих яиц. Вам, наверно, испекли кекс дома? Купить его вы не могли.

Роу, не задумываясь, ответил:

– Да я же его не покупал, я его выиграл... – он осёкся. – Какая чушь! Я сказал, не подумав. – Чай его подкрепил, – Тут у вас неплохо

становилось жарко. На лбу полицейского бисером выступил пота маленькие светлые усики стали влажными.

— Если хотите, — предложил он Роу, — можете снять пиджак. — Он снял свой и остался в жемчужно-серой рубашке с серебряными ободками, подтягивавшими манжеты.

Бивис принёс и положил на стол бумажную папку.

— Посмотрите эти снимки, там вложены и отдельные фотографии, может, среди них вы найдёте убитого.

Полицейская фотография — как карточка на паспорте: одухотворённость, которая скрашивает грубые, пошлые черты,

не может быть поймана дешёвым объективом. Очертания – форма носа и рта – ваши, и все же вы протестуете: это не я.

Роу машинально листал страницы. Он не мог поверить, что жизнь его текла среди таких людей. Только раз он на миг усомнился, что-то шевельнулось в его памяти при виде неподшитой фотографии человека с зализанной прядью на лбу, карандашом на зажиме слева и бегаящими глазками в сетке морщин – глаза прятались от слишком яркой лампы фотографа.

– Знаете его? – спросил полицейский.

– Нет. Откуда? Кто он,

лавочник? На секунду лицо показалось знакомым, но нет, я его не знаю.

Он стал листать дальше. Подняв как-то глаза, Роу увидел, что полицейский снова вытащил руку, — он явно потерял интерес к происходящему. Фотографий в папке осталось совсем немного, и вдруг Роу увидел то самое лицо: широкий лоб, тёмный костюм делового человека, а за ним, теснясь в памяти, из подсознания вырвалось множество других лиц.

— Вот! — сказал он и откинулся на спинку стула, чувствуя, что все вокруг завертелось и его мутит.

— Ерунда! — сказал полицейский.

Сердитый голос едва достигал его слуха. – Вы меня чуть не обманули... отличный актёр... нечего больше терять время...

– Они это сделали моим ножом.

– Бросьте кривляться. Этого человека никто не убивал. Он так же здравствует, как и вы.

II

– Он жив?

– Конечно, жив. Не понимаю, почему вам надо было выбрать именно его.

– Но в таком случае я не убийца! – Всю его усталость как рукой сняло, он стал замечать ясный

день за окном. — А он был серьёзно ранен?

— Вы действительно думали?.. — недоверчиво протянул полицейский. Бивис бросил записывать. — Не понимаю, о чем вы. Где это случилось? Когда? Что, по-вашему, вы видели?

Роу смотрел на фотографию, и все прошло перед ним, как калейдоскоп ярких картин. Он объяснил:

— Замечательная миссис... миссис Беллэйрс. Это было у неё дома. Спиритический сеанс. — Вдруг он увидел красивую руку в крови. — Позвольте. Но там был доктор Форестер! Это он объявил, что тот

человек мёртв. Они послали за полицией!

– Тот самый доктор Форестер?

– Тот самый.

– И они разрешили вам уйти?

– Нет, я сбежал.

– Вам кто-нибудь помог?

– Да.

– Кто?

Прошрое наплывало волной; словно теперь, когда ему нечего было бояться, открылись все шлюзы. Ему помог брат Анны. Роу видел его оживлённое молодое лицо и чувствовал удар, который нанёс ему кулаком. Но он его не выдаст.

– Этого я не помню. Маленький толстяк вздохнул.

— Это все не по нашей части, Бивис, — сказал он. — Давайте-ка лучше сведём его в «59». — Он позвонил по телефону какому-то Прентису. — Мы всегда помогаем вам, — пожаловался толстяк, — но часто ли вы помогаете нам?

Потом они провели Роу через большой двор; по набережной дребезжали трамваи, и голубиный помёт придавал наваленным вокруг мешкам с песком деревенский вид. Роу ничуть не беспокоился, что полицейские шли по бокам, как стража; он все ещё был на свободе, он не убивал, и память к нему возвращалась с каждым шагом. Он вдруг громко сказал:

– Ему хотелось получить кекс! –

И громко засмеялся.

– Попридержите ваш кекс для Прентиса, – кисло посоветовал толстяк. – Он у нас известный сюрреалист.

Они пришли почти в такую же комнату, но в другом здании. На краешке стула сидел человек в костюме из шотландской шерсти с обвислыми усами по моде начала века.

– Вот мистер Роу, о котором мы объявляли в газетах, – сказал полицейский и положил папку на стол. – Во всяком случае, он утверждает, будто это он. Удостоверения личности нет.

Говорит, что находился в санатории из-за потери памяти. Вам повезло, мы вернули ему память. Но какую память! Пожалуй, придётся открыть свою клинику. Вам будет интересно узнать, что он видел своими глазами, как убили Коста.

— Это и в самом деле интересно, — сказал мистер Прентис с его старомодной любезностью. — Неужели моего Коста?

— Да. И при его кончине присутствовал некий доктор Форестер.

— Мой доктор Форестер?

— Похоже на то. Этот джентльмен был его пациентом.

— Присядьте, мистер Роу... и вы

тоже, Грейвс.

— Ну нет. Обойдётся без меня. Это вы любите фантастику, а я нет. Я вам оставляю Бивиса, если вы захотите что-нибудь записать. — У двери он обернулся. — Приятных кошмаров!

— Милый человек этот Грейвс, — сказал мистер Прентис. Он перегнулся к Роу, словно хотел вынуть из заднего кармана фляжку. Через стол повеяло запахом дорогой шотландской ткани. — Как вы считаете, это хороший санаторий?

— Пока вы не поссоритесь с доктором.

— Ха-ха... вот именно. А тогда?

— Вы можете вдруг очутиться в

«лазарете» для буйных помешанных.

— Великолепно, — произнёс мистер Прентис, поглаживая длинные усы. — Скажите, а не хотите ли вы подать на него жалобу?

— Со мной прекрасно обращались.

— Да. Этого я и боялся. Видите ли, если бы кто-нибудь подал жалобу — ведь все его пациенты находятся там по собственному желанию, — можно было бы полюбопытствовать, что там творится. Мне давно этого хочется.

— Когда вы попадёте в «лазарет», все кончено. Если вы не сумасшедший, вас скоро сведут с ума. — В своей борьбе вслепую он на

время забыл о Стоуне. Теперь, вспомнив усталый голос за дверью, он почувствовал угрызения совести. — Они сейчас держат там одного человека. А он совсем не буйный.

— Не сошёлся во взглядах с доктором?

— Он говорит, будто видел, как доктор и Пул — это тамошний смотритель — что-то делали в темноте. У Пула в комнате. Он им сказал, что ищет окно, откуда можно вести огонь... — Роу запнулся. — Он, конечно, немножко сумасшедший, но очень тихий, совсем не буйный...

— Продолжайте, — попросил мистер Прентис.

— Он думает, что немцы оккупировали маленький островок в пруду. Говорит, что видел, как они там что-то копали.

— И он сказал это доктору?

— Да. — Роу взмолился: — Не могли бы вы его оттуда вытащить? Они надели на него смиренную рубашку, но он и мухи не обидит.

— Ладно, надо все толком обдумать. — Мистер Прентис гладил усы, словно собирался доить из них молоко. — Надо подойти к вопросу с самых разных сторон, не правда ли?

— Он и впрямь сойдёт с ума...

— Бедняга, — произнёс Прентис как-то неубедительно. В его мягкости чувствовалось что-то

беспощадное. Он переменял тему разговора. – А Пул?

– Он однажды ко мне приходил – не знаю, давно ли, – и хотел взять у меня кекс, который я выиграл. Начался воздушный налёт. Мне кажется, он пытался меня убить за то, что я не хотел отдавать ему кекс. Он был из настоящих яиц. Вы, наверно, думаете, что я тоже сумасшедший? – с тревогой спросил он.

Мистер Прентис серьёзно ответил:

– Нет, я бы этого не сказал. Жизнь иногда принимает странный оборот. Очень странный. Почитайте историю,

Вы знаете, что шелковичные черви были тайком вывезены из Китая в полой тросточке? Противно рассказывать, какими тайниками пользуются контрабандисты алмазов. Вот сейчас я ищу — вы не представляете, как упорно ищу, — одну штучку, которая по величине, может, не больше алмаза. Кекс... прекрасно, почему бы и нет? Но он вас не убил.

— В моей истории столько пробелов, — сказал Роу.

— Куда он к вам приходил?

— Не помню. Многие годы моей жизни я все ещё не помню.

— Мы так легко забываем то, что причиняет нам боль.

– Мне иногда жаль, что я не преступник, тогда на меня было бы заведено дело.

– Ничего, мы и так неплохо продвигаемся вперёд, совсем неплохо, – ласково сказал мистер Прентис. – Теперь давайте вернёмся к убийству... Коста. Конечно, оно могло быть инсценировано, чтобы заставить вас скрыться, помешать к нам прийти. Но что случилось потом? Вы, очевидно, не стали скрываться, но к нам не пришли. Что же такое вы знали... или знали мы? – Он опёрся ладонями о стол и сказал: – Ну и задачка. Её, пожалуй, можно выразить алгебраической формулой. Ну-ка расскажите мне все, что вы

рассказывали Грейвсу.

Роу снова описал то, что мог вспомнить: полную людей комнату, погашенный свет, чей-то голос и страх.

– Да, Грейвс, видно, во все это не вник, – сказал мистер Прентис, обхватив руками костлявые колени и слегка раскачиваясь. – Бедный Грейвс, его интеллектуальный потолок – убийство из ревности железнодорожного носильщика. В нашем отделении приходится интересоваться куда более причудливыми явлениями. Поэтому он нам не доверяет, не доверяет от души.

Он принялся перелистывать

папку с такой иронией, будто листал семейный альбом.

— Вас когда-нибудь интересовала человеческая психика, мистер Роу?

— Я не знаю, что меня интересовало.

— Вот, например, такое лицо?

Это была фотография, которая привлекла внимание Роу; теперь он стал снова вглядываться в неё.

— Как, по-вашему, чем занимался этот человек? — спросил мистер Прентис.

Карандаш на зажиме в верхнем кармане, мятый костюм, вид человека, вечно ждущего нагоняя, морщинки вокруг много повидавших глаз — когда Роу присмотрелся к нему

поближе, всякие сомнения исчезли.

— Частный сыщик, — твёрдо решил он.

— Прямо в яблочко с первого раза. И этот маленький человек—невидимка обладал такой же неприметной фамилией.

Роу улыбнулся:

— Думаю, что его звали Джонс.

— Вам, наверно, трудно в это поверить, мистер Роу, но вы и он — будем звать его Джонсом — имели кое-что общее. Оба вы исчезли. Но вы, мистер Роу, вернулись. Бивис, как называлось агентство, где он служил?

— Не помню, сэр. Могу проверить.

— Не стоит. Единственное, которое я помню, называется «Клиффорд». Не оно?

— А не «Ортотекс»? — спросил Роу. — У меня когда-то был друг... — Он замолчал.

— Память возвращается, а, мистер Роу? Видите ли, его фамилия действительно Джонс. И он служил в «Ортотексе». Что вас заставило туда пойти? Можем подсказать, если не помните. Вы подозревали, что кто-то пытался вас убить из-за кекса. Вы этот кекс выиграли на базаре (ну и комедия!), потому что некая миссис Беллэйрс подсказала вам его вес. Вы отправились выяснять, где живёт эта миссис Беллэйрс в контору фонда

для Матерей Свободных Наций (кажется, так называется эта иностранная организация), и Джонс шёл за вами следом, чтобы выследить их... и присмотреть за вами. Но вы, похоже, сбежали от него, мистер Роу, потому что Джонс так и не вернулся назад, а когда на следующий день вы позвонили мистеру Ренниту, вы ему сказали, что вас разыскивают по обвинению в убийстве.

Роу сидел, прикрыв глаза рукой. Пытался ли он вспомнить? Старался ли не вспоминать? А голос настойчиво продолжал:

— Однако в тот день, насколько известно, в Лондоне не было

совершенно ни одного убийства, — разве что жертвой его стал бедняга Джонс. Вы явно что-то знали, и мы дали объявление в газетах. Но вы не пришли. До сегодняшнего дня, когда вы явились с бородой, которой у вас раньше не было, и рассказали, будто бы потеряли память. Однако это не мешает вам помнить, что вас обвиняют в убийстве, но показали вы человека, который,

как нам хорошо известно, в полном здравии. Как, по-вашему, нам следует к этому отнестись, мистер Роу?

— Я жду, когда на меня наденут наручники, — ответил Роу и невесело усмехнулся.

– Согласитесь, что нашего друга Грейвса можно понять, – сказал мистер Прентис.

– Неужели жизнь и в самом деле такая? – спросил Роу. Мистер Прентис нагнулся вперёд с заинтересованным видом, словно всегда был готов пожертвовать анализом частного ради общего теоретического рассуждения.

– Это жизнь, – сказал он, – значит, можно сказать, что она именно такая.

– Но я совсем иначе её представлял! – И он объяснил: – Я думал, что жизнь гораздо проще и... благороднее. Такой она, наверно, кажется всем мальчишкам. Я

воспитывался на рассказах о том, как капитан Скотт писал последние письма домой, как Отс попал в снежный буран, а кто-то ещё – забыл, как его звали, – потерял руки, производя опыты с радием, и как Дамьен жил среди прокажённых... – Воспоминания, которые постепенно стираются, когда на них накладывается опыт повседневной жизни, ожили в маленьком душном кабинете огромного серого здания. Высказаться было таким облегчением! – В одной книжке, она называлась «Маленький герцог», написала её некая Юнг... Если бы вас перенесли из того мира на место, которое вы занимаете сейчас, вы бы

тоже растерялись. Пропавший Джонс и кекс, «лазарет», бедный Стоун... все эти рассказы о человеке, которого зовут Гитлер... ваши папки со всеми этими несчастными... жестокость, бессмыслица. Так и кажется, будто меня отправили путешествовать с испорченным компасом. Я готов сделать все, что вы хотите, но не забывайте: я ещё тычусь во все углы, как слепой. Люди постепенно узнают жизнь. Война, ненависть... мне все это так странно! Я к этому не подготовлен. По-моему, самое лучшее – если меня повесят.

– Да, да, – живо сказал мистер Прентис, – это необыкновенно интересное дело. Вижу, для вас наш

мир кажется жалкой и отвратительной дырой. Мы-то научились с ним ладить.

— Меня пугает, — сказал Роу, — что я не знаю, как я с ним ладил до того, как потерял память. Когда я ехал сегодня в Лондон, я не представлял себе, что увижу столько развалин. Ничто меня уже больше не удивит так, как это. Бог его знает, что за развалина я сам. Может, я и в самом деле убийца?

Мистер Прентис снова открыл папку и пробормотал!

— Ну теперь мы уже не думаем, что вы убили Джонса. — Он был похож на человека, который, заглянув за чужой забор, увидел там какую-то

мерзость и спешит подальше уйти. —
Весь вопрос: отчего вы потеряли
память? Что вы об этом помните?

— Только то, что мне сказали,

— А что вам сказали?

— Будто разорвалась бомба. От
неё у меня этот шрам.

— Вы были один?

Он не сумел прикусить язык и
ответил:

— Нет.

— Кто с вами был?

— Девушка. — Поздно, придётся
вмешать в это дело её; но если он не
убийца, что за беда, если её брат
помог ему бежать! — Анна Хильфе. —
Даже её имя приятно было
произнести.

– Как вы очутились вдвоём?

– По-моему, у нас был роман.

– По-вашему?

– Я не помню.

– А что она говорит?

– Она говорит, будто я спас ей жизнь.

– Свободные матери... – размышлял мистер Прентис. – А она объяснила вам, как вы попали к доктору Форестеру?

– Ей запретили мне это рассказывать. – У мистера Прентиса вздёрнулась бровь. – Они хотели, по их словам, чтобы память вернулась ко мне сама, постепенно. Без гипноза, без психоанализа.

Мистер Прентис просто сиял,

слегка раскачиваясь на краешке стула, — у него был такой вид, будто он отдыхает после удачной охоты.

— Да, им было бы совсем некстати, если бы к вам вернулась память... Правда, на худой конец всегда можно было прибегнуть к «лазарету».

— Если бы хоть вы мне сказали, в чем дело?

Мистер Прентис поглаживал ус; у него было ленивое выражение лица, как у лорда Бальфура, но было видно, что это напускное. Он придумал себе такой стиль — это облегчало жизнь.

— Скажите, а вы часто бывали в «Ригел-корте»?

— Это что, отель?

— Ага, тут вам память не изменяет. Мистер Прентис закрыл глаза; может быть, это тоже была поза, но кто может обойтись без позы?

— Почему вы спросили меня о «Ригел-корте»?

— Просто так, догадка. У нас ведь очень мало времени.

— Для чего?

— Для того, чтобы найти иголку в стоге сена.

III

Казалось, мистер Прентис не способен на большие физические

усилия, например бег по пересечённой местности. Но в ближайшие несколько часов он показал, как он был вынослив, ибо гонка была изнурительной.

Он бросил свою загадочную фразу в пространство и вышел из комнаты, так и не договорив; его длинные ноги почти не гнулись, как ходули. Роу остался вдвоём с Бивисом, и время потянулось медленно. Солнце, сулившее поутру ясный день, оказалось обманчивым: зарядил не по сезону холодный мелкий дождик. Спустя долгое время Роу принесли на подносе чай и кусок пирога.

Бивис не был склонён к беседе,

словно его слова могли быть использованы как показания в суде, и Роу только раз попытался прервать молчание:

— Хотел бы я все-таки знать, в чем тут дело! Зубастый рот Бивиса открылся и захлопнулся, как капкан.

— Государственная тайна! — заявил он и тускло уставился на пустую стену.

Внезапно появился мистер Прентис; он быстро вошёл на своих негнущихся ногах в сопровождении какого-то человека в чёрном, который держал на животе обеими руками котелок, словно миску с водой, и слегка задыхался, догоняя мистера Прентиса. Он остановился в

дверях и злобно уставился на Роу:

— Это он, мерзавец! Никаких сомнений, это он. Я узнаю его, несмотря на бороду. Загримировался.

Мистер Прентис захихикал.

— Превосходно, — сказал он. — Все сходится. Человек с котелком заявил:

— Он внёс чемодан и хотел его оставить. Но я получил указания. Я ему сказал, чтобы он дождался мистера Траверса, Он не желал его ждать. Ещё бы, он-то знал,

что там внутри... Но что-то, видно, у него сорвалось. Не удалось погубить мистера Траверса, зато чуть было не уколошил бедную девушку. А как началась суматоха, его и след

простыл...

— Я не помню этого человека, — сказал Роу.

— А я присягну в любом суде, что это он! — яростно замахал котелком незнакомец.

Бивис наблюдал за этой сценой с раскрытым ртом, а мистер Прентис только хихикал:

— Сейчас не время ссориться. Выясните отношения позже. Теперь вы нужны мне оба.

— Объясните мне хоть что-нибудь! — взмолился Роу. Прodelать весь этот путь, думал он, чтобы снять с себя обвинение в убийстве и попасть в такую неразбериху.

— В такси, — сказал мистер

Прентис. — Объясню в такси. — И он двинулся к двери.

— Вы что же, не хотите его арестовать? — спросил незнакомец, задыхаясь от быстрой ходьбы.

Мистер Прентис, не оборачиваясь, пробормотал:

— Со временем, может быть... — А потом загадочно осведомился: — Кого?

Они выбежали во двор, а оттуда на широкую Нортумберленд-авеню. Полицейские отдавали им честь. Потом они сели в такси и понеслись мимо разрушенных домов Стрэнда, мимо пустых глазниц здания страховой компании и окон, забитых досками, мимо кондитерских с

одинокой вазой лиловых подушечек на витрине.

Мистер Прентис негромко сказал:

— Я хочу, чтобы вы, джентльмены, вели себя как можно естественней. Мы едем к портному, где с меня будут снимать мерку костюма, который я заказал. Я войду первым, через несколько минут войдёте вы, Роу, а потом и вы, мистер Дэвис, — и он дотронулся пальцем до котелка, который покачивался на коленях у незнакомца.

— Что все это значит, сэр? — спросил Дэвис. Он отодвинулся от Роу в самый угол, а мистер Прентис хоть и поджал свои длинные ноги,

тем не менее занимал чуть не все такси, примостившись против них на откидном сиденье.

— Неважно. Ваше дело не зевать. Посмотрите, нет ли в мастерской кого-нибудь знакомого. — Когда такси описало петлю вокруг выпотрошенного остова Сент-Клемент

Дейнс, в его глазах погасло озорство. — Дом будет окружён, вам нечего бояться.

— Я не боюсь, я только хочу понять, — сказал Роу, не сводя глаз с этого непонятного, превращённого в развалины, забитого досками Лондона.

— Дело серьёзное. Я и сам не

знаю, насколько серьёзное, – сказал мистер Прентис. – Но мы можем с полным правом сказать, что от него зависит наша общая судьба. – Он передёрнулся, допустив такое проявление чувств, захихикал, с сомнением щипнул шелковистые кончики усов и грустно сказал: – Вы же знаете, у каждой из воюющих сторон есть свои слабости, которые необходимо скрывать. Если бы после Дюнкерка немцы знали, до чего мы слабы... Да и сейчас у нас есть уязвимые места, о которых, если бы им было известно... – Такси объезжало развалины вокруг собора св. Павла и снесённый с лица земли Патерностер-роу – длинную

панораму погибшей Помпеи. — Тогда вот это ерунда по сравнению с тем, что может произойти. Ерунда. — Он задумчиво пояснил: — Может, я был не прав, говоря, что вам не грозит опасность. Если мы напали на верный след, опасности не избежать. Для них эта игра стоит тысячи жизней.

— Если я могу на что-то пригодиться, — произнёс Роу, глядя на страшные опустошения вокруг. — Я ведь не воображал, что война — вот это. Христос, наверно, таким представлял себе разрушенный Иерусалим, когда он заплакал...

— Я не боюсь, — резко, словно в чем-то оправдываясь, заявил человек

в котелке.

Мистер Прентис обхватил костлявые колени и стал покачиваться, вторя движению такси.

— Мы ищем маленький ролик плёнки. Он, вероятно, много меньше катушки ниток. Меньше тех роликов, которые вы вставляете в «лейку». Надеюсь, вы читали запросы в парламенте о неких документах, которые пропадали в течение часа? Дело это удалось замять. Стоит ли подрывать доверие к одному из первых лиц в государстве? Нам только повредит, если газеты затопчут следы. Я рассказываю это вам двоим только потому... Словом, если вы проболтаетесь, мы вас

тихонько упрячем, пока все не кончится. Случилось это дважды, первый раз ролик был спрятан в кексе, и кекс должны были унести с одного благотворительного базара. Но вы его выиграли, – он кивнул Роу, – потому что пароль по ошибке был сообщён не тому, кому надо.

– А миссис Беллэйрс? – спросил Роу.

– Ею как раз сейчас занимаются. – И он продолжал объяснять, помогая себе жестами худых, с виду немощных рук. – Первая попытка не удалась. Бомба, попавшая в ваш дом, уничтожила кекс вместе с тем, что там было спрятано, и, вероятно, спасла вашу

жизнь. Но им не понравилось, что вы решили распутать эту историю. Они пытались вас напугать и заставить скрыться, но почему-то это у них не вышло. Конечно, они рассчитывали, что вас разнесёт на куски, но, когда выяснилось, что вы только потеряли память, их это устроило. Даже больше, чем если бы вас убило, потому что, когда вы исчезли, на вас можно было свалить вину за взрыв бомбы, как и за... Джонса.

— Но за что убивать девушку?

— Давайте не будем отгадывать загадки. Может, потому, что её брат вам помог. Они не гнушаются и мстят. Сейчас нет времени в это вдаваться. — Они подъехали к Меншн-

хаус. — Мы знаем одно: им надо было выждать, пока не подвернётся другой случай, другая важная персона, другой дурак. С первым дураком им помогло, что они шили у одного портного.

Такси остановилось на углу улицы в центре города.

— Отсюда мы пойдём пешком, — сказал мистер Прентис. Как только они вышли из такси, по обочине тротуара на противоположной стороне улицы двинулся человек.

— У вас есть револьвер? — с тревогой спросил Дэвис.

— Я все равно не умею с ним обращаться, — сказал мистер Прентис. — Если они что-нибудь

затеют, ложитесь на пол, и все.

— Вы не имели права втягивать меня в эту историю!

— Ну нет! — резко повернулся к нему мистер Прентис. — Никто в эти дни не имеет права на свою жизнь, Поймите, что мы мобилизованы на защиту родины.

Они сбились в кучку на тротуаре; мимо шли банковские посыльные в цилиндрах, с ящичками, надетыми на шею; опаздывая с обеда, торопились конторщики и стенографистки. Развалин в этом районе не было, казалось, что нет и войны.

— Если им удастся вывезти эти фотографии за границу, — сказал

мистер Прентис, – у нас наверху будет просто эпидемия самоубийств... так уже было во Франции.

– Откуда вы знаете, что их ещё не вывезли? – спросил Роу,

– Не знаю. Надеюсь. Но мы скоро узнаем. Следите за мной, когда я войду. Дайте мне побыть в примерочной пять минут, а потом входите вы, Роу. Спросите меня. Я хочу, чтобы он был там, где я смогу наблюдать за ним в зеркало. А вы, Дэвис, сосчитайте до ста и тоже входите... Ваше появление будет для него уж слишком неправдоподобным. Вы будете последней каплей.

Они смотрели, как удаляется его

прямая старомодная фигура; это был как раз тот человек, кто шьёт костюмы у портного в Сити — надёжного и не слишком дорогого, — его можно рекомендовать даже сыну. Пройдя шагов пятьдесят, мистер Прентис вошёл в подъезд; на углу стоял прохожий и закуривал сигарету. У соседнего подъезда остановилась машина, откуда вышла за покупками дама, оставив за рулём шофёра. Роу сказал:

— Мне пора двигаться. — В ушах у него стучало от волнения; войдя в азарт, он, казалось, забыл все свои горести и снова дышал свежим воздухом отрочества. Роу с подозрением оглядел Дэвиса, у

которого от волнения дёргалась щека. — Помните, считаете до ста, а потом идёте за мной. — Дэвис молчал. — Поняли? Счёт до ста.

— А ну всю эту комедию к черту, — с бешенством проворчал Дэвис. — Я простой человек...

— Но это приказ!

— А кто может мне приказывать?

У Роу не было времени с ним препираться: его срок истёк. Война нанесла портняжному делу серьёзный урон. На прилавке лежало несколько штук скверного сукна. Полки были почти пусты. Человек во фраке с усталым, морщинистым от забот лицом спросил:

— Чем могу служить, сэр?

— У меня тут назначено свидание с приятелем, — сказал Роу и поглядел на узкий проход между кабинками с зеркалами. — Ему делают примерку.

— Присядьте, сэр. Мистер Форд, — позвал портной. — Мистер Форд.

Из кабинки вышел с сантиметром на шее и букетиком булавок, вколотым в лацкан пиджака, солидный деловой человек по фамилии Кост; в прошлый раз Роу видел его мёртвым. Словно недостающая часть головоломки, эта невозмутимая фигура сразу осмыслила его воспоминания — и о поэте из рабочих, и о человеке из

Уэлвина, и о брате Анны. Как звала этого человека миссис Беллэйрс? Он вспомнил: «мистер Кост, представитель делового мира».

Роу поднялся со стула, словно при появлении важной персоны, которой должен быть оказан почёт, но в спокойном чинном взоре не отразилось ничего.

– Я вас слушаю, мистер Бридж.

Это были первые слова, которые услышал от него Роу, прежде вся его роль ограничивалась смертью.

– Этот джентльмен назначил здесь встречу с другим джентльменом.

Кост медленно перевёл свой взгляд на Роу; спокойная гладь

больших серых глаз по-прежнему была невозмутима, разве что взгляд задержался на лице Роу секундой дольше, чем требовалось.

— Я уже почти кончил снимать с джентльмена мерку. Если вы соблаговолите обождать минуты две...

А через две минуты, подумал Роу, появится другой, та последняя капля, которая тебя доконает.

Мистер Форд — если теперь его так звали — не спеша подошёл к прилавку; все, что он делал, было тщательно продумано; костюмы, которые он шил, должно быть, отлично сидели. Точность его движений не допускала и мысли о

каком-то чудачестве, о своенравии, однако какая чудовищная аномалия крылась под этой оболочкой? Роу снова видел, как доктор Форестер окунает пальцы в то, что было похоже на кровь.

На прилавке стоял телефон: мистер Форд поднял трубку и набрал номер. Диск находился прямо перед глазами у Роу. Он пристально смотрел, как тот набирал БАТ, – в буквах Роу был уверен, но одну цифру он все-таки проглядел, встретив безмятежный вдумчивый взгляд мистера Форда. Роу не знал, что делать, и мечтал, чтобы скорее появился мистер Прентис.

– Алло, – сказал мистер Форд. –

Алло! Говорят от Паулинга и Кростуэйта.

За стеклом витрины нехотя двигалась к двери фигура человека в котелке. Роу сжал руки на коленях. Мистер Бридже, повернувшись к ним спиной, грустно приводил в порядок жалкие штуки сукна. Его вялые руки словно писали жалобу в журнал «Портной и закройщик».

— Костюм был отправлен утром, сэр, — говорил мистер Форд. — Надеюсь, он попадёт вовремя к вашему отъезду. — Он с удовлетворением и как-то не по-людски причмокнул в трубку. — Большое спасибо, сэр. Я сам был в высшей степени удовлетворён

последней примеркой. – Он перевёл взгляд на звякнувшую дверь, в которую с какой-то отчаянной развязностью заглядывал Дэвис, – О да,

сэр. Я думаю, когда вы его наденете, плечи сядут на место... – Хитроумный замысел мистера Прентиса явно не удался: этого человека нельзя было вывести из равновесия.

– Мистер Траверс! – с изумлением воскликнул Дэвис.

Аккуратно прикрыв трубку ладонью, мистер Кост спросил:

– Простите, вы что-то сказали, сэр?

– Вы же мистер Траверс! – Но,

встретив спокойный, ясный взгляд, Дэвис неуверенно добавил: — Разве это не вы?

— Нет, сэр.

— Мне показалось.

— Мистер Бридже, будьте добры заняться с этим джентльменом.

— Конечно, мистер Форд.

Мистер Форд отвёл руку от трубки и продолжал негромко и властно говорить по телефону:

— Нет, сэр. В последнюю минуту я выяснил, что мы не сможем повторить ваш заказ на брюки. И дело отнюдь не в талонах. Мы больше не сумеем получить ткань того же рисунка, у фабрикантов ни единого метра. — Его взгляд снова

встретился со взглядом Роу и легонько ощупал его лицо, как рука слепца. — Лично у меня, сэр, нет никакой надежды. Ни малейшей надежды. — Он положил трубку и сделал несколько шагов вдоль прилавка. — Не одолжите ли вы мне их на минуту, мистер Бридже, — он взял с прилавка портняжные ножницы.

— Пожалуйста, мистер Форд.

Он молча прошёл мимо Роу, ни разу на него не взглянув, и все так же неторопливо двинулся вдоль прохода, деловито и тяжеловесно, как глыба. Роу быстро встал, понимая, что надо что-то предпринять, иначе весь план их рухнет.

— Кост! — закричал он вслед удаляющейся фигуре. — Кост! — и тогда поразительное спокойствие и уверенность этого человека с ножницами показали ему странными, он вспомнил взгляд, которым Кост ощупал его лицо... Он громко, предостерегающе закричал: — Прентис! — но закройщик уже скрылся в одной из кабинок.

Это была не та кабинка, из которой вышел мистер Прентис. Он появился очень удивлённый, без пиджака в другом конце прохода.

— В чем дело? — спросил он, но Роу был уже у двери другой кабины и тщетно пытался туда войти. Сбоку он видел возмущённое лицо мистера

Бриджса и выпученные глаза Дэвиса.

— Скорей! — крикнул он. — Дайте шляпу. — Схватив котелок, он разбил им дверное стекло.

Кост-Траверс-Форд был покрыт, как льдинками, осколками стекла. Он сидел в кресле для заказчиков против высокого трельяжа, крепко зажав стоймя ножницы своими коленями и наклонившись вперёд. Шея у него была пронзена насквозь. Он умер как истый римлянин.

Роу подумал: «На этот раз я действительно его убил» — и снова услышал негромкий, почтительный, но властный голос, говоривший в трубку: «Лично у меня, сэр, нет никакой надежды, ни малейшей

надежды».

Глава вторая

ОЧИСТКА ТЕРРИТОРИИ ОТ ВОЙСК ПРОТИВНИКА

*Самое лучшее —
уступить.*

*«Маленький
герцог»*

I

У миссис Беллэйрс было меньше чувства собственного достоинства.

Они поехали прямо на Кэмпден-

хилл, бросив по дороге Дэвиса с его загубленным котелком. Мистер Прентис был озабочен и угнетён.

— Пустое дело, — сказал он. — Нам они нужны живые, для допроса.

— Меня он в ту минуту просто поразил. Вот у кого было настоящее мужество. Правда, не знаю, что тут удивительного. Как-то не вяжется с профессией портного... если не считать храброго портняжку из сказки... тот ведь убил великана. Вы, наверно, скажете, что этот портняжка был на стороне великанов. Интересно почему?

Когда они ехали через парк под порывами мелкого дождя, мистер Прентис вдруг взорвался:

– Жалость – ужасная вещь. Люди сетуют на любовную страсть. Но самая убийственная страсть – это жалость, она не приедается, как чувственность!

– В конце концов, война есть война, – сказал Роу с каким-то подъёмом, Стёртый лживый довод, как простой камень в руках ребёнка, вдруг засверкал драгоценным самоцветом. Он наконец принимал участие в войне. Мистер Прентис искоса с любопытством за ним наблюдал:

– Вы её не чувствуете, а? Подростки не чувствуют жалости. Это страсть зрелых людей.

– Наверно, я прожил скучную и

по-обывательски трезвую жизнь, поэтому все меня так волнует. Теперь, когда я знаю, что я не убийца, я могу получать удовольствие... — Он замолчал на полуслове при виде смутно знакомого, как картинка из сна, дома: заросший сорняком палисадник, рухнувшая серая статуя и железная скрипучая калитка. Шторы спущены, словно в доме покойник, но дверь открыта настежь; казалось, на мебели приклеены ярлычки: «Продаётся с аукциона».

— Мы её сцапали в то же самое время, — сказал мистер Прентис.

В доме царила тишина; у двери стоял какой-то человек в тёмном

костюме — он мог быть и гробовщиком. Перед мистером Прентисом распахнули другую дверь, и они вошли. Но не в гостиную, которую Роу смутно помнил, а в маленькую столовую, загромождённую уродливыми стульями, слишком большим обеденным столом и секретером. Миссис Беллэйрс сидела в кресле во главе стола, лицо у неё было пухлое, серое, скрытное, голову украшал чёрный тюрбан. Человек у двери сообщил:

— На вопросы отвечать отказывается.

— Ну как, мадам? — приветствовал её мистер Прентис с

беспечной галантностью.

Миссис Беллэйрс не проронила ни слова.

— Я привёл вам гостя, мадам, — сказал мистер Прентис и, отступив в сторонку, представил ей Роу.

Человеку трудно оставаться спокойным, когда он вызывает ужас; неудивительно, что поначалу кто-то бывает этим опьянён. Роу самому стало страшно, словно он понял, что способен на злодейство. Миссис Беллэйрс — это путало, сидевшее во главе стола, — вдруг стала давиться, будто проглотила за обедом рыбью кость. Она, видимо, и так владела собой с трудом, а при появлении Роу у неё перехватило горло.

Мистер Прентис не растерялся. Он обошёл стол и добродушно хлопнул её по спине:

— Откашляйтесь, мадам, откашляйтесь. Вам будет легче,

— Я никогда не видела этого человека, — простонала она. — Никогда!

— Разве? Вы же предсказывали ему судьбу, — сказал мистер Прентис. — Неужели не помните?

Искра отчаянной надежды блеснула в старых, воспалённых глазах:

— Если весь этот шум из-за невинного гадания... Я этим занимаюсь только в благотворительных целях.

— Не сомневаемся.

— И я никогда не предсказываю будущее...

— Ах, если б мы могли заглянуть в будущее!

— Я только рассказываю, какая у человека натура...

— И сколько весит кекс, — подсказал мистер Прентис, и надежда покинула миссис Беллэйрс. Молчать теперь было бесполезно.

— А ваши маленькие сеансы? — весело продолжал спрашивать мистер Прентис, словно они обменивались шутками.

— Только в интересах науки...

— Ваша небольшая компания собирается по-прежнему?

— По средам.

— А многие из участников пропускают сеансы?

— Все они мои личные друзья, — рассеянно произнесла миссис Беллэйрс; теперь, когда вопросы затрагивали менее опасную тему, она подняла пухлую напудренную руку и поправила свой тюрбан.

— И мистер Кост? Но он теперь вряд ли будет участвовать в ваших сеансах.

Миссис Беллэйрс осторожно заметила:

— Теперь я узнаю этого джентльмена. Меня смутила его борода. Мистер Кост затеял тогда глупую шутку. Я ничего об этом не

знала. Я ведь была так от них далеко.

— Далеко?

— Там, в Море Блаженных.

— Да, мистер Кост уже не позволит себе больше таких шуток.

— Я уверена, что он не хотел ничего дурного... Может, он рассердился, что пришли посторонние... У нас ведь такая тесная компания. К тому же мистер Кост никогда не был истинно верующим.

— Будем надеяться, что теперь он им стал. — В эту минуту трудно было предположить, что мистером Прентисом владеет то, что он звал «пагубной страстью жалости». — Постарайтесь наладить с ним

контакт, миссис Беллэйрс, спросите его, почему он сегодня утром перерезал себе горло.

Она выпучила глаза, онемев от ужаса; молчание прервал телефонный звонок. Аппарат стоял на секретере, в маленькой комнате теснился народ, и к телефону трудно было подойти. Телефон продолжал настойчиво звонить. В голове у Роу шевельнулось воспоминание... все это однажды уже было.

— Обождите минутку, — сказал мистер Прентис. — Возьмите трубку вы, мадам.

Она пробормотала:

— Перерезал себе горло...

— У него не было выбора, мадам.

Остаться в живых и попасть на виселицу?

Телефон продолжал упорно звонить, словно кто-то вдалеке хотел отгадать, что творится в этой комнате и почему никто не отвечает.

— Возьмите же трубку, мадам, — повторил мистер Прентис.

Миссис Беллэйрс не портняжка, она вылеплена из другого теста. Покорно поднявшись, она тяжело двинулась к телефону, позвякивая побрякушками. На миг она застряла между столом и стеной, и тюрбан сбился у неё на один глаз.

— Алло! — сказала она. — Кто говорит?

Трое мужчин затаили дыхание.

Вдруг миссис Беллэйрс приободрилась, почувствовав свою силу: она одна могла говорить с тем, кто звонил.

— Это доктор Форестер. Что ему сказать? — спросила она через плечо, держа трубку у самого рта. Она сверкнула на них глазами — злобно, мстительно, хитро, скинув глупую мину как ненужную маскировку, — этим некогда было теперь заниматься. Мистер Прентис отнял у неё трубку и дал отбой.

— Это вам не поможет, — сказал он. Она сделала вид, что возмутилась:

— Я ведь только спросила. Мистер Прентис распорядился:

— Вызовите из Скотленд-ярда большую машину. Бог их знает, о чем думает местная полиция. Им давно уже полагалось быть там. — Он сказал второму полицейскому: — Последите, чтобы эта дама не перерезала себе горло. Нам она ещё понадобится.

Бледный от гнева, он обошёл весь дом, комнату за комнатой, неся разрушение, как смерч.

— Я беспокоюсь за вашего приятеля, — сказал он Роу. — Как, бишь, его зовут? За Стоуна! Ах, старая сука! — выругался он. Грубое слово странно звучало в его старомодных устах. В спальне у миссис Беллэйрс он дочиста

выскоблил все банки с притираниями, а их было немало. Он самолично и даже со злорадством вспорол все подушки. На ночном столике под лампой с розовым абажуром лежала зажигательная книжонка «Любовь на Востоке»; он содрал с неё переплёт и отбил фарфоровую подставку у лампы. Только автомобильный гудок положил конец этому разгрому.

— Вы мне понадобятся для опознания преступника, — сказал он и в три прыжка сбежал вниз по лестнице. Миссис Беллэйрс плакала в гостиной, один из полицейских угощал её чаем.

— Прекратите эту ерунду! —

приказал мистер Прентис. Ему хотелось дать нерадивым помощникам предметный урок. — Нечего с ней нянчиться! Если она не будет отвечать на вопросы, выпотрошите весь дом дочиста. — Его просто пожирала ненависть, а может, и отчаяние. Он взял чашку, из которой собиралась пить миссис Беллэйрс, и вылил содержимое на ковёр. Миссис Беллэйрс завизжала:

— Вы не имеете права.

— Это ваш парадный сервиз, мадам? — резко спросил он, чуть передёрнувшись от отвращения к вульгарной берлинской лазури.

— Поставьте, — молила миссис Беллэйрс, но он разбил чашку об пол

и объяснил своему помощнику: — Ручки полые. Мы не знаем, как мала эта плёнка. Вы должны ободрать весь дом догола.

— Вы за это ответите, — произнесла миссис Беллэйрс избитую фразу.

— О нет, мадам, отвечать будете вы. Передача сведений противнику карается виселицей.

— Женщин не вешают. Во всяком случае, теперь, в эту войну.

— Не скажите. Мы вешаем больше людей, мадам, чем пишут в газетах! — крикнул ей мистер Прентис уже из коридора.

Путь был долгий и невесёлый. Мистера Прентиса, видимо, угнетало

сознание неудачи и дурные предчувствия; он сидел ссутулившись в углу траурно завывавшей машины. Прежде чем она выбралась за грязную окраину Лондона, наступил вечер, а до первой живой изгороди доехали уже ночью. Позади было видно только светящееся небо — яркие квадраты и пучки лучей, — оно было похоже на освещённые фонарями городские площади, словно все сместилось и окружающий мир был теперь наверху, а внизу лежали тёмные, погасшие небеса.

Это было долгое и невесёлое путешествие, и ради спутника Роу приходилось скрывать душевный

подъем, — его пьянило счастливое ощущение войны и опасности. Теперь это похоже на жизнь, какой он её когда-то воображал! Он стал участником великой борьбы и вправе сказать Анне, что воевал и с её врагами. Его не очень тревожила участь Стоуна: во всех приключенческих книжках, читанных в детстве, всегда был счастливый конец. Развалины у них за спиной были только героической декорацией для его приключений и казались не более реальными, чем пропагандистские снимки в альбоме. Он не понимал чужого страдания, потому что забыл, как страдал сам.

— В конце концов, чего нам

бояться? — сказал он вслух. —
Местная полиция...

Мистер Прентис горько заметил:
— Англия — красивая страна:
норманнские церкви, древние
гробницы, зеленые деревенские
выгоны и старинные трактиры. У
полицейского дом с садиком. Он
каждый год получает приз за свою
капусту...

— Но полиция графства...

— Начальник полиции двадцать
лет назад служил в индийской
армии. Славный малый и
прекрасный знаток портвейна.
Чересчур длинно рассказывает о
своём полку, но не скупится, жертвуя
на добрые дела. Старший

полицейский офицер когда-то был хорошим работником, но его отчислили из лондонской полиции без пенсии, поэтому он сразу ухватился за службу в провинции. Он человек честный и не хотел копить на старость, получая взятки от букмекеров на скачках. Но беда в том, что в маленьком местечке поневоле обрастаешь мхом. Пьяный дебош... Мелкие кражи...

— Вы знаете этих людей?

— Этих людей я не знаю, но если знаешь Англию, то их нетрудно представить. И вдруг в эту благодать — даже в военное время тут мир да благодать — попадает умный и совершенно бессовестный,

честолюбивый, образованный злодей. Вовсе не преступник в том смысле, в

каком там, в деревне, понимают преступников. Он не ворует, не напивается, а если и убивает – да ведь в этих краях уже пятьдесят лет не было убийства, – тут его просто не разглядят.

– А что, по-вашему, нас там ждёт? – спросил Роу.

– Все что угодно, кроме того, что мы ищем. Кроме маленького ролика плёнки.

– Они могли сделать уже сотни копий.

– Могли, но у них нет сотни способов вывезти их за границу. Если

найти человека, который повезёт плёнку, и главаря организации — остальное не играет роли.

— Вы думаете, доктор Форестер?

— Доктор Форестер сам жертва, хотя его надо бояться. Он один из тех, кого используют, шантажируют. Это отнюдь не значит, что посыльный не он. Если это он, нам повезло. Он не мог удрать, разве что местная полиция... — Он снова помрачнел от предчувствия неудачи.

— Форестер мог кому-нибудь передать ролик.

— Это не так легко. Немногие из их людей гуляют на свободе. Вспомните, для того чтобы выехать теперь за границу, нужен очень

серьёзный повод. Разве что местная полиция...

– Неужели этот ролик имеет такое значение? Мистер Прентис мрачно задумался:

– Мы сделали уйму промахов за эту войну, а они так мало. Дай бог, чтобы это была наша последняя ошибка. Доверить такому человеку, как Данвуди, что-нибудь секретное...

– Какому Данвуди?

– Я не должен был его называть, но у кого же не лопнет терпение? Вы слышали такую фамилию? Дело замяли, ведь он сын нашего старика.

– Нет, я о нем ничего не слышал.

Над тёмными полями закричала сова; приглашенные фары едва

освещали ближние кусты и совсем не проникали в широкие просторы ночи; окрестности были похожи на цветную бахрому вокруг белых мест на географической карте.

— Скоро узнаем, что нас ждёт, — сказал мистер Прентис— Если мы здесь ничего не найдём... — Его сутулая фигура выражала усталость и уныние. Он уже признал своё поражение.

Где-то вдалеке впереди махали фонарём — вверх и вниз, вверх и вниз,

— Что за игру они там затеяли? — рассердился мистер Прентис. — Чтобы знали все, кому не лень... Наверно, боятся, что посторонний не может без компаса найти дорогу в

деревню.

Они медленно поехали вдоль высокой ограды и остановились у больших, украшенных гербом ворот. Все это Роу видел впервые, он смотрел снаружи на то, что было знакомо ему изнутри. Верхушка кедра на фоне неба – неужели это то самое дерево, которое бросало тень вокруг своего ствола? К машине подошёл полицейский:

– Ваше имя, сэр?

Мистер Прентис показал ему своё удостоверение.

– Все в порядке?

– Не совсем, сэр. Старший полицейский офицер там. Маленькая процессия вышла из машины и с

оглядкой побрела в сад. Вид у них был совсем не начальственный; от долгой езды они с трудом разминали ноги и вовсе пали духом; они были похожи на оробевших туристов, которым дворецкий показывает родовое гнездо. Полицейский освещал фонарём дорогу.

– Прошу сюда, сэр, – хотя дорога была только одна.

Роу было не по себе. В большом доме стояла тишина, молчал даже фонтан. Кто-то выключил мотор, подававший воду. Свет горел только в двух комнатах. В этом доме он несколько месяцев наслаждался покоем и был счастлив; по прихоти бомбы эти места были неразрывно

связаны с его детством. Половина жизни, которую он помнил, прошла здесь. И теперь ему было стыдно, что он возвращается сюда как враг.

— Если вы не возражаете, я не хотел бы видеть доктора...

Полицейский с фонарём вмешался в разговор:

— Не беспокойтесь, сэр, там все очень аккуратно. Мистер Прентис это прослушал. Он спросил:

— А чья это машина?

На дорожке стоял восьмицилиндровый «форд», но он спрашивал не о нем, а о старой, побитой машине с треснувшим грязным ветровым стеклом — сотни таких машин стоят в пустых,

заброшенных полях вдоль шоссе; такую рухлядь можно купить за пять фунтов, если её удастся сдвинуть с места.

— Эта, сэр? Его преподобия.
Мистер Прентис сердито спросил:

— Вы что, вечеринку здесь устроили?

— Нет, сэр! Но один из них был ещё жив, и мы решили, что приличнее сообщить священнику.

— Тут, видно, не скучали, — мрачно проронил мистер Прентис. Шёл дождь, и полицейский светил им под ноги, чтобы они не попадали в лужи на разбитой дороге и на каменных ступеньках подъезда.

В гостиной, где лежали

блестящие стопки
иллюстрированных журналов, а в
уголке часто плакал Дэвис и двое
неврастеников ссорились за
шахматами, сидел Джонс, закрыв
лицо руками. Роу к нему подошёл:

– Джонс!

Тот поднял голову:

– Он был такой замечательный
человек... такой замечательный...

– Почему был?

– Я убил его.

II

Тут произошла настоящая бойня.
Только Роу оставался спокоен, да и то
пока не увидел Стоуна. Трупы

лежали там, где их нашли: Стоун в смиренной рубашке, губка, пропитанная хлороформом, рядом на полу. Тело выгнулось в безнадёжной попытке освободить руки.

– Что он мог поделать? – сказал Роу.

По этому коридору он сам крался, как мальчишка, нарушивший школьные правила; в этом коридоре, заглянув в открытую дверь, он повзрослел и понял, что настоящие приключения не похожи на те, что описывают в книгах, и что конец не всегда бывает счастливым; тут он почувствовал, как в нем с болью просыпается жалость и заставляет его что-то сделать, потому что нельзя

позволять, чтобы невинный человек задыхался от ужаса и бессмысленно погибал.

– Я хотел бы... как я хотел бы...

– с трудом выговорил он и почувствовал, что рядом с жалостью проснулась жестокость, её древняя испытанная подруга.

– Спасибо, что он не чувствовал боли, – произнёс незнакомый голос. Глупое, самодовольное и лживое утверждение их взбесило.

– Какого черта вам здесь надо? – закричал мистер Прентис. – Извините. Вы, наверно, священник?

– Да. Моя фамилия Синклер.

– Тут вам не место.

– Но тут было моё место, –

поправил его мистер

Синклер. — Когда меня позвали, доктор Форестер ещё был жив. А он один из моих прихожан. — И добавил с мягким упрёком: — Вы же знаете, нас пускают на поле боя.

— Да, не сомневаюсь. Но там трупы не подвергают судебному осмотру. Это ваша машина там у входа?

— Да.

— Тогда будьте добры, поезжайте домой и оставайтесь там, пока мы здесь не кончим...

— Конечно, я ни в коей мере не хочу вам мешать. Роу смотрел на него: квадратная фигура в чёрном, круглый воротник, сверкающий

белизной при электрическом свете, благодушное, умное лицо. Мистер Синклер с запинкой спросил его:

— Мы с вами не знакомы? — И посмотрел в упор каким-то странным бесстрашным взглядом.

— Нет.

— По-моему, вы были одним из здешних пациентов? Роу отвернулся и вспомнил, как Стоун полез прямо в жидкую грязь пруда, а потом кинулся бежать в огород, словно напроказивший мальчишка. Он был уверен, что все вокруг кишит изменой. В конце концов, не такой уж он был сумасшедший.

Им пришлось переступить через тело доктора Форестера, лежавшее

на нижней ступеньке лестницы. Доктор был слишком уверен в Джонсе и не понимал, что преклонение гораздо менее надёжно, чем страх; человек предпочтёт убить того, перед кем благоговееет, чтобы не выдать его полиции. Когда Джонс, закрыв глаза, нажал курок револьвера, он не хотел губить человека, которого почитал, он хотел спасти его от нескончаемой судебной волокиты, от грубости прокурора, невежества судьи и поверхностных суждений случайно отобранных двенадцати присяжных. Если любовь к ближнему не позволила ему стать соучастником убийства Стоуна, та же любовь продиктовала ему форму

отказа от этого соучастия.

Доктор Форестер потерял покой с тех пор, как бежал Роу. Он почему-то не хотел обращаться в полицию и очень беспокоился за судьбу Стоуна. Доктор без конца секретничал с Пулом, избегал Джонса, а после обеда через междугородную вызвал Лондон. Джонс понёс на почту письмо и заметил, что у ворот за ним кто-то следит. В деревне он увидел полицейскую машину из окружного города. И задумался...

На обратном пути он встретил Пула, который тоже, видно, что-то заметил. Все недовольство, все подозрения последних дней нахлынули на Джонса разом. Теперь,

раздираемый угрызениями совести, он не мог объяснить, как эти подозрения перешли в уверенность, что доктор задумал убить Стоуна. Он вспомнил теоретические беседы, которые они часто вели с доктором о лёгкой безболезненной смерти; споры с доктором, которого не трогали рассказы об умерщвлении фашистами стариков и неизлечимых больных. Доктор как-то заявил: в любом государстве медицинская служба рано или поздно должна будет подойти к решению этого вопроса. «Если вашу жизнь охраняют за счёт государства, вы должны признать право государства в случае необходимости соблюдать

соблюсти

экономиию». Джонс случайно подслушал разговор доктора с Пулом, который те сразу прервали, и очень встревожился; дом был словно заражён страхом, страх бродил по всем коридорам. За обедом доктор мельком помянул «беднягу Стоуна».

— Почему же он бедняга? — с укором спросил Джонс.

— Его мучают сильные боли, — сказал доктор Форестер. — Опухоль. Смерть для него — величайшее благо, о котором можно мечтать.

В сумерки, не находя себе места, Джонс вышел в сад; солнечные часы при входе в розарий напоминали фигурку мертвеца в саване. Вдруг он услышал, что Стоун закричал... С

этой минуты воспоминания его все больше и больше путаются. По-видимому, он побежал к себе в комнату и достал револьвер. По рассеянности он долго искал ключ от ящика и наконец нашёл у себя в кармане. Он услышал, как Стоун закричал снова. Тогда Джонс побежал через гостиную в другое крыло дома и бросился к лестнице — в коридоре стоял приторный запах хлороформа, а доктор Форестер преграждал путь наверх. Он сердито закричал: «Что вам здесь нужно?», и Джонс, который все ещё верил, что Форестер — просто фанатик, нашёл выход из положения: застрелил доктора. Пул со своим горбом и

злой, наглой рожей стоял на верхней ступеньке. Джонс пришёл в бешенство, догадавшись, что опоздал, и застрелил и Пула.

Тогда наконец появилась полиция. Джонс сам открыл им дверь. Прислуга, по-видимому, была на этот вечер отпущена. Эта мелкая бытовая деталь, о которой он читал в десятках детективных романов, убедила его, что злодейство было умышленным. Доктор Форестер умер не сразу, и местная полиция сочла необходимым послать за священником. Вот и все. Поразительно, какие опустошения можно произвести за один вечер в доме, который раньше казался Роу

земным раем. Налёт бомбардировщиков не смог бы нанести ему такой урон, какой причинили ему три человека.

Начался обыск. Дом был вывернут наизнанку. Послали в полицию за подкреплением. Ранним утром в верхних этажах тревожно зажигался и гас свет. Мистер Прентис сказал:

— Если бы нашли хоть один позитив...

Но они не нашли ничего. Как-то раз, в течение этой бесконечной ночи, Роу оказался в комнате, где жил Дигби. Он думал теперь о Дигби, как о каком-то постороннем, о самодовольном тунеядце, чьё счастье

покойлось на глубочайшем неведении. Счастье всегда должно измеряться пережитыми несчастьями. Тут, на полке, стоял Толстой со стёртыми пометками на полях. Знание – великая вещь... Не то абстрактное знание, которым был так богат доктор Форестер, не те теории, которые соблазняют нас видимостью благородства, и возвышенные добродетели, а подробное, страстное, повседневное знание человеческой жизни.

...Идеализм кончил пулей в живот у подножия лестницы; идеалист был изобличён в предательстве и душегубстве. Роу не верил, что его пришлось долго

шантажировать. Надо было только воззвать к его интеллектуальной гордыне и к абстрактной любви к человечеству. Нельзя любить человечество. Можно любить людей.

— Ничего, — сказал мистер Прентис. С безутешным видом слоняясь по комнате на своих длинных ногах, он на ходу чуть-чуть отдёрнул занавеску. Виднелась только одна звезда, остальные растворились в светлеющем небе. — Сколько времени потеряно зря!

— Зря? Трое мёртвых и один в тюрьме.

— На их место найдут дюжину. Мне нужна плёнка. И самый главный. — Он продолжал: — В

раковине у Пула следы
фотохимикатов. Там, видно,
проявляли плёнку. Не думаю, чтобы
они отпечатали больше одного
позитива. Вряд ли они захотят
раздать копии нескольким лицам, а
поскольку остался негатив... — Он с
грустью добавил: — Пул был
первоклассным фотографом. Его
специальность — жизнь пчёл. А
сейчас пойдём на остров. Боюсь, что
там мы найдём кое-что не очень для
вас приятное, но вы нужны для
опознания.

Они стояли на том месте, где
когда-то стоял Стоун; три красных
огонька на другой стороне пруда
создавали в этой сереющей мгле

иллюзию беспредельного воздушного пространства, словно это была гавань и фонари на носу кораблей, ожидающих конвоя. Мистер Прентис побрёл к островку, и Роу отправился за ним; плотную подушку ила покрывала тонкая плёнка воды. Красные огоньки – это были те фонари, которые подвешивают на дорогах, когда повреждён путь. Посредине островка рыли землю трое полицейских. Ещё двоим негде было поставить ногу.

– Вот это видел Стоун, – сказал Роу. – Людей, копавших яму.

– Да.

– Что, по-вашему, здесь спрятано? – Он замолчал, заметив,

как бережно полицейские всаживают лопату, словно боясь что-то разбить, и с какой неохотой переворачивают землю. Эта сцена в темноте напомнила ему тёмную гравюру времён королевы Виктории в книжке, которую мать у него отняла: люди в плащах что-то выкапывают прямо на кладбище; лунный свет поблёскивает на острие лопат.

— Мы не знаем судьбы одного человека, которого вы забыли, — сказал мистер Прентис.

Теперь и он с волнением следил за каждым взмахом лопаты.

— Откуда вы знаете, где нужно копать?

— Остались следы. В таких вещах

они любители. Поэтому, я думаю, они и перепугались, что их видел Стоун.

Одна из лопат неприятно обо что-то царапнула.

— Осторожнее! — сказал мистер Прентис. Полицейский остановился и отёр пот со лба, хотя ночь была холодная. Потом он медленно вытащил из земли лопату и осмотрел её. — Копайте с этой стороны, — распорядился мистер Прентис. — Аккуратнее. Не всаживайте лопату глубоко.

Второй полицейский перестал копать, поглядывая на то, что нашёл первый, но видно было, как обоим не хочется туда смотреть.

— Вот, — сказал первый. Он воткнул лопату и стал осторожно перебирать землю пальцами, словно сажал рассаду. Потом с облегчением сообщил: — Это просто ящик.

Он снова взялся за лопату и сильным движением вывалил ящик из ямы. Это был наспех забитый фанерный ящик для продуктовых посылок. Полицейский вскрыл его остриём лопаты, а второй поднёс поближе фонарь. Из ящика стали доставать старинный набор предметов, похожих на реликвии, которые ротный командир посылает семье убитого бойца. Правда, тут не было ни писем, ни фотографий.

— Все, что они не смогли

сжечь, – сказал мистер Прентис. Да, тут было все, что не горит в огне: зажим от вечной ручки и другой зажим, как видно, от карандаша.

– Трудно жечь вещи в доме, где все на электричестве. Карманные часы. Прентис открыл толстую заднюю крышку и прочёл вслух: «Ф. Л. Д. от Н. Л. Д. на нашу серебряную свадьбу. 3. VIII—1915». Внизу было написано: «Дорогому сыну на память об отце. 1919».

– Отличный хронометр, – сказал мистер Прентис. Затем появились два плетёных браслета для манжет.

Потом металлические пряжки от подвязок. А потом целая коллекция пуговиц – маленькие

перламутровые пуговицы от фуфайки, большие уродливые от костюма, пуговицы от подтяжек, брюк, от нижнего белья – трудно было поверить, что мужская одежда нуждается в таком количестве застёжек. Жилетные пуговицы. Рубашечные. Запонки. Потом – металлические части подтяжек. Все, чем из приличия пристёгиваются друг к другу части жалкой человеческой особи; разберите её, как куклу, и у вас останется ящик, набитый разными защипками, пряжками и пуговицами.

На дне лежала пара крепких старомодных ботинок с большими гвоздями, стёртыми от бесконечной

ходьбы по тротуарам, от
бесконечного ожидания на углах.

– Интересно, что они сделали со
всем остальным?

– Остальным от чего?

– От частного сыщика Джонса.

Глава третья

НЕВЕРНЫЕ НОМЕРА

*Это была очень
скользкая, предательская,
грозившая уйти из-под ног
дорога.*

«Маленький герцог»

I

Роу мужал; с каждым часом он все больше приближался к своему настоящему возрасту. Память возвращалась обрывками; он вспомнил голос мистера Реннита: «Я с вами согласен, Джонс»; бутерброд с

недоеденной сосиской у телефона. Жалость шевелилась в сердце, но отрочество ещё сопротивлялось; жажда приключений боролась со здравым смыслом, как будто от исхода борьбы зависело счастье; здравый смысл сулил всевозможные беды, разочарования, горестные открытия.

Жажда приключений не дала ему открыть Прентису секрет телефонного номера, который он почти разгадал в мастерской у Коста. Он знал, что станция обозначалась БАТ, а три первые цифры были 271, недоглядел он только последнюю цифру. Эти сведения могли быть бесценными, могли ничего не

стоять. Как бы то ни было, он сохранил этот секрет для себя. Мистер Прентис потерпел поражение, теперь — его очередь действовать. Роу хотелось, как мальчишке, похвастать перед Анной: «Это сделал я!»

Около половины пятого утра к ним присоединился молодой человек по фамилии Бротерс. И зонтиком, и усиками, и чёрной шляпой он явно подражал мистеру Прентису; может быть, через двадцать лет портрет будет полностью совпадать с оригиналом; пока что ему не хватало патины времени: трещин горечи, разочарования, мудрого признания неудач. Мистер Прентис устало

перепоручил дальнейшие поиски Бротерсу и предложил Роу место в своей машине. Он надвинул шляпу на глаза, опустил на сиденье и сказал, когда колёса зашлёпали по просёлочной дороге, где луна отражалась в лужах:

— Наша карта бита.

— Что же вы будете делать?

— Лягу спать. — Должно быть, на его тонкий вкус эта фраза оказалась слишком претенциозной, и он тут же добавил, не открывая глаз: — Нельзя давать воли самомнению. Через пятьсот лет для историков, описывающих Падение и Гибель Британской империи, этот маленький эпизод не будет

существовать. Они найдут множество других причин. Вы, я и бедный Джонс не будем помянуты даже в сносках. Все объяснят экономикой, политикой, неудачными сражениями.

— Как по-вашему, что они сделали с Джонсом?

— Боюсь, что мы никогда этого не узнаем. Во время войны столько трупов остаётся неопознанными. Сколько трупов, — сонно продолжал он, — ждут воздушного налёта, чтобы выгородить убийц. — И вдруг он с какой-то обидной неожиданностью захрапел.

Они приехали в Лондон вместе с рабочими первой смены; в промышленных районах из подземки

выходили мужчины и женщины, аккуратные пожилые господа с портфелями и свёрнутыми зонтами появлялись из подземных убежищ. На Гоуэр-стрит сметали битое стекло, а какое-то здание дымилось в утреннем небе, как свечка, которую задул запоздалый гуляка. Странно было подумать, что, пока они стояли на островке среди пруда, слушая, как лопата царапает по дереву, тут шла битва за Англию. Свежий заградительный знак заставил их свернуть на другую улицу, а на верёвке, натянутой поперёк мостовой, болтались объявления: «Банк Барклей. Просим справляться в...», «Корнуэльская молочная.

Новый адрес...», «Рыбный ресторан „Маркиз“...» По длинному пустому тротуару прохаживались полицейский и дружинник, неторопливо, по-хозяйски беседуя, а рядом висела надпись: «Неразорвавшаяся бомба». Это была та же дорога, которой они ехали вчера ночью, и в то же время разительно на неё непохожая. Как много в эти часы успели сделать люди, думал Роу: повесили объявления, изменили маршрут, привыкли к переменам, которые произошли с Лондоном. Он заметил на лицах бодрость, даже какое-то веселье; можно было подумать, что сейчас раннее утро какого-нибудь

праздника. А дело, наверно, в том, что люди обрадовались, ещё раз оставшись в живых.

Мистер Прентис что-то забормотал и проснулся. Он назвал шофёру адрес небольшого отеля возле Гайд-Парк-Корнер — «если он ещё цел» — и вежливо предложил договориться с управляющим о комнате для Роу. Но только когда, помахав рукой из машины, он крикнул: «Я позвоню вам попозже, дорогой!» — Роу догадался, что за этой любезностью скрыта цель: его поселили там, откуда его всегда можно извлечь. А если он попробует уехать, об этом сразу же сообщат. Мистер Прентис даже дал ему

в займы пять фунтов – на пять фунтов далеко не уедешь.

Роу слегка закусил. В газопровод попала бомба, и газ горел плохо. «От него один запах остался», – пожаловалась официантка – а на запахе чая не вскипятишь и хлеба не поджаришь». Но у неё нашлись молоко и сухарики, хлеб и джем-райская пища; после завтрака Роу прогулялся по парку под утренним нежарким солнышком и, поглядев назад, на длинную пустую лужайку, убедился, что за ним не следят. Он стал насвистывать единственный мотив, который знал; в душе его царила тихая радость: он не был убийцей. Забытые годы жизни

волновали его не больше, чем в первые недели у доктора Форестера, и он свернул на Бейсуотер к телефонной будке. В отёле он запасся монетами для автомата. Теперь он с мальчишеским жаром опустил монету и набрал номер. Голос деловито сообщил: «Гигиеническая пекарня вас слушает», и он дал отбой. Тогда он сообразил, что только интуиция поможет ему понять, с кем разговаривал Кост. Он набрал следующий номер, и старческий голос сказал: «Алло!»

— Извините. Кто со мной говорит?

— А кто вам нужен? — упрямо допрашивал голос; он был так стар,

что трудно было понять, мужской он или женский.

— Говорит телефонная станция, — словно осенило Роу. — Мы проверяем наших абонентов после вчерашнего налёта.

— Зачем?

— Автоматическая система повреждена. В районную станцию попала бомба. Это мистер Айсеке с Принс-оф-Уэллс-роуд?

— Нет, это не он. Это Уилсон.

— Видите, номер должен был соединить нас с мистером Айсексом.

Он снова дал отбой; в сущности, он ничего не узнал; клиент мистера Коста мог скрываться и в Гигиенической пекарне; к тому же за

словами Коста, может, ничего и не крылось. Нет, в это он не верит. Он вспомнил, как Кост стоически произнёс: «Лично у меня, сэр, нет никакой надежды. Ни малейшей надежды». «Лично у меня», — подчеркнул он. Он сообщил, насколько мог откровенно, что для него лично война уже кончена.

Роу продолжал опускать в автомат монеты; рассудок подсказывал, что это пустое дело и единственный выход— посвятить в тайну мистера Прентиса. И все же он не верил, что интуиция ничего ему не подскажет и по проводу до него не дойдёт какая-то интонация, отзвук воли или жестокости, необходимой

для того, чтобы убить столько людей: удушить в лазарете беднягу Стоуна, застрелить на лестнице Форестера и Пула, пронзить горло Коста ножницами, уничтожить Джонса... Сила эта была слишком чудовищна, чтобы дойти до него по проводу в виде прозаических слов: «Уэстминстер, банк вас слушает...»

Вдруг он вспомнил, что Кост никого не звал к телефону. Он набрал номер и начал говорить, как только ему ответили. Значит, он не мог разговаривать с каким-то учреждением, где надо вызывать кого-нибудь из служащих.

— Алло!

Ему не дали возможности

открыть рот, на него обрушился град слов:

– Ах, Эрнст, я так и знала, что вы позвоните! Какой вы милый, чуткий человек! Дэвид вам, наверно, сказал, что Минни погибла. Вчера вечером во время налёта. Какой ужас! Мы слышали, как она нас зовёт, но, конечно, ничего не могли поделать. Боялись выйти из убежища. А потом упала фугаска – я уверена, что это была фугаска! Снесла три дома и вырыла огромную яму. А наутро Минни не появилась. Дэвид все ещё надеется, но я почувствовала в её мяуканье что-то надгробное...

Все это было очень интересно, но Роу было некогда, и он дал отбой.

В телефонной будке стало удушливо жарко. Он уже истратил целый шиллинг; не может быть, чтобы по одному из последних четырех номеров не ответил голос, который он сразу узнает.

«Отделение полиции.
Мейфкинг-роуд».

Трубка положена на место. Осталось три номера. Вопреки всему, он ещё верил, что один из этих трех... Лицо его взмокло от пота. Он его вытер, но капельки сразу же выступили вновь. У него вдруг возникло дурное предчувствие, горло пересохло, сердце тяжело забилося. Но от души отлегло, когда он услышал в трубке: «Торговая

компания Газового света и кокса...»

У него ещё есть возможность уйти, предоставив все мистеру Прентису. В конце концов, разве голос, который он ищет, не может принадлежать служащему Гигиенической пекарни или даже приятельнице Эрнста?

Но если он обратится к мистеру Прентису, трудно будет объяснить, почему он молчал столько бесценных часов. Он же не мальчик, а пожилой человек. Раз ты за что-то взялся, надо довести дело до конца. Но он мешкал, хоть и чувствовал, что пот ест ему глаза. Осталось два номера. Он попробует набрать первый и, если этот номер ничего не даст, выйдет из

будки и бросит всю эту затею. Может, глаза и наблюдательность обманули его в мастерской у Коста. Палец неохотно входил в знакомые отверстия. БАТ-271 — какая следующая цифра? Он отёр рукавом лицо и набрал её.

Книга четвёртая

ПОЛНОЦЕННЫЙ

ЧЕЛОВЕК

Глава первая

КОНЕЦ ПУТИ

*Неужели я должен — и
совсем один?*

*«Маленький
герцог»*

I

Телефон звонил и звонил. Роу представил себе, как возле этого маленького, потревоженного аппарата тянутся пустые комнаты. Может, это комнаты девушки, которая ушла на работу в Сити, или продавца

из лавки, или человека, который с утра отправился в читальню Британского музея, — совершенно невинные комнаты. Роу с удовольствием прислушивался к долгим гудкам, на которые никто не отвечал. Теперь он сделал, что мог. Пусть звонит.

А что, если эти комнаты совсем не так невинны? А что, если это комнаты человека, который за несколько часов загубил столько людей? Как выглядит комната преступника? Комната, как собака, перенимает какие-то черты хозяина. Комнату приспособливают к определённым привычкам: к удобствам, красоте, уюту. Та комната,

несомненно, приспособлена к одной цели — к безликости. Если в неё зайдёт полиция, ни одна тайна не должна выйти наружу: там не найдут Толстого с плохо стёртыми карандашными пометками; никаких признаков индивидуальности; она будет обставлена по стандарту: радиоприёмник, несколько детективных романов, репродукция с подсолнечником Ван Гога. Там не будет ничего приметного: ни любовных писем, спрятанных под носовыми платками, ни чековой книжки в ящике стола, и с белья будут спороты метки. Там нет ничьих подарков. Это будет одинокая комната; все, что в ней есть, куплено

в магазине стандартных цен.

Вдруг голос, который он знал, сказал, слегка задыхаясь:

– Алло! Кто говорит?

Опуская трубку на рычаг, он думал: если бы только она не слышала этих звонков, если бы она была в это время на улице! Если бы он так долго не предавался игре воображения, он мог никогда не узнать, что это телефон Анны Хильфе.

Он вышел на Бейсуотер, ничего не видя вокруг; у него было три пути на выбор: разумный и честный путь – сообщить полиции. Второй путь – промолчать. Третий – убедиться своими глазами. Он не сомневался,

что Кост звонил по этому номеру; он вспомнил, что она всегда знала его настоящее имя, вспомнил её странную фразу о том, что её «обязанность» — навещать его в санатории. И все же он верил, что всему этому есть какое-то объяснение и что он не может поручить полиции найти это объяснение. Он вернулся в отель, поднялся к себе в номер, захватив из гостиной телефонный справочник, — ему предстояли долгие поиски. И действительно, прошло несколько часов, прежде чем он отыскал её адрес. Глаза у него слезились, и он чуть было его не прозевал. Принц-Консорт— Меншенс, 16, Баттерси —

адрес ничего ему не говорил. Он подумал с иронией: преступники всегда живут в меблированных комнатах. Потом он лёг на кровать и закрыл глаза. Было уже начало шестого, когда он собрался с силами, а потом уже стал действовать как автомат. Думать не хотелось, да и о чем думать, пока он не услышит, что она скажет. Девятнадцатый автобус довёз его до конца Окли-стрит, а сорок девятый — до Альберт-бридж. Он перешёл мост, ни о чем не думая. Начался отлив, и под товарными складами обнажился ил. Кто-то на набережной кормил чаек; это зрелище почему-то его не очень встревожило, и он заторопился

дальше, по:прежнему ни о чем не думая. Закатное солнце окрасило в розовый цвет безобразные кирпичные стены; в парк, невесело обнюхивая землю, побежала бродячая собака. Чей-то голос воскликнул: «Да ведь это Артур!» У подъезда большого жилого дома стоял человек с растрёпанными седыми волосами, в берете и комбинезоне дружинника. Он неуверенно спросил:

— Ведь это ты, Артур, да?

С тех пор как Роу вернулся в Лондон, многое восстановилось у него в памяти, вот эта церковь, и тот магазин, место, где Пиккадилли вливается в Найтсбридж. Он не

заметил, как воспоминания вернулись и связали воедино то, что он знал всю жизнь. Но были и другие воспоминания— они мучительно пробивались наружу, где-то в мозгу у него засел враг, который не хотел их пускать, и порой это ему удавалось. Кафе, углы улиц, лавки часто оборачивались к нему неожиданным знакомым лицом, и он поспешно уходил, словно когда-то здесь при нем произошёл несчастный случай. Человек, который с ним заговорил, принадлежал к числу этих воспоминаний. Но от человека труднее сбежать, чем от магазина,

— В прошлый раз ты был без бороды.

У его собеседника был недоумевающий и огорчённый вид. Он сказал:

– Спасибо, что тогда зашёл.

– Я вас не помню.

Лицо потемнело от обиды, как от удара:

– В день похорон.

– Простите. Со мной произошло несчастье, я потерял память. Она только начинает восстанавливаться, Кто вы такой?

– Я Генри. Генри Уилкокс.

– И я к вам приходил на похороны?

– Убило мою жену. Ты, наверно, читал об этом в газетах. Её наградили медалью. Я потом

огорчился — ты ведь хотел, чтобы я получил для тебя деньги по чеку, а я забыл. Знаешь, как бывает на похоронах, сколько хлопот. Да и я, кажется, был очень расстроен. Но больше я тебя не видел.

Роу поглядел вверх на многоэтажный дом:

— Это было здесь?

— Да.

Он взглянул через дорогу на ворота в парк — какой-то человек кормил чаек; конторщик нёс чемодан; под ногами у Роу вдруг закачалась земля.

— Помню. Я тогда не мог пойти в банк, получить по счёту. Мне сказали, что полиция считает меня

убийцей. Но мне нужно было достать денег, я собрался бежать. Поэтому я к тебе и пришёл. О похоронах я не знал. У меня голова была занята этим убийством.

— Не надо беречь прошлое. Что сделано, того не воротишь, — сказал Генри и довольно весело поглядел вдоль улицы, по которой некогда шла похоронная процессия.

— Но я ничего не сделал, пойми. Теперь я знаю. Я не убийца, — пояснил он.

— Конечно, нет, Артур. Ни один твой друг, настоящий друг, никогда этому не верил.

— А разве об этом шли разговоры?

– Ещё бы!

– Я не знал. – Мысли его отвлеклись: он идёт по набережной, ощущая, что загнан в тупик, а какой-то низенький человек кормит птиц... чемодан... тут он потерял нить, но сразу вспомнил лицо портье, вспомнил, как шагал по бесконечным коридорам, как открылась дверь и

там была Анна... Они вместе подвергались какой-то опасности, – Роу отчаянно цеплялся за эту мысль. На все можно найти объяснение. Она же ему говорила, что он спас ей жизнь.

– Ну, до свидания, – сухо сказал он. – Мне пора.

– Нельзя оплакивать близкого

человека всю жизнь, — сказал
Генри. — Это ненормально!
— Да. До свидания.

II

Квартира была на третьем этаже. Ему хотелось, чтобы лестнице не было конца, и, нажимая звонок, он надеялся, что в квартире пусто. На тёмной площадке стояла молочная бутылка, в неё была воткнута записка. Он вынул её и прочёл: «Прошу вас завтра оставить только полбутылки». Он ещё не успел положить записку назад, как дверь отворилась и Анна с отчаянием воскликнула:

— Это вы!

— Да, я.

— Каждый раз, когда звонили, я боялась, что это вы.

— А как, вы думали, я вас найду?

— Для этого есть полиция. Они же следят за конторой. Он переступил за ней порог.

Когда-то, прежде чем его вовлекло в поток необычайных приключений, он совсем не так представлял свою встречу с ней. И хотя дверь за ним закрылась, они не почувствовали, что одни. Они разговаривали тихо, словно боялись кому-то помешать.

— Я узнал ваш адрес, наблюдая, как пальцы Коста набирают номер

телефона. Он позвонил вам перед тем, как покончил с собой.

— Какой ужас! — сказала она. — Я не знала, что вы при этом были.

— «У меня нет никакой надежды», — вот что он сказал. — «Лично у меня, сэр, нет никакой надежды».

Они стояли в маленьком, тесном холле, как будто им не стоило идти дальше. Это было больше похоже на расставание, чем на встречу, — грустное расставание, когда не думаешь, чем его скрасить. На ней были те же синие брюки, в которых она приходила в гостиницу. С шарфиком, небрежно завязанным вокруг шеи, она выглядела

трогательно неприбранной. Вокруг них громоздились медные подносы, грелки, безделушки, старый дубовый ларь, швейцарские часы с кукушкой и грубыми гирляндами из дерева.

— Да и ночь была не лучше, — сказал он. — Я и там был. Вы знаете, что убили доктора Форестера и Пула?

— Нет.

— Вам не жалко... ваших друзей?

— Нет, — сказала она. — Я рада.

У него проснулась надежда. Она нежно сказала:

— Дорогой, у вас все спуталось в вашей бедной голове... И вы уже не понимаете, кто ваши друзья, а кто враги. Этого они ведь всегда и

добиваются, правда?

— Они следили за мной, как коршуны, там, у доктора Форестера, выжидали, когда ко мне вернётся память. Тогда они бы заперли меня в «лазарет», как бедного Стоуна.

— Вы и правы и не правы, — устало сказала она. — Теперь уж мы никогда всего не узнаем. Это правда, что я следила за вами по их просьбе. Я также не хотела, чтобы ваша память вернулась, как и они. Я не хотела, чтобы вам снова пришлось страдать, — Она спросила с тревогой: — Вы помните теперь все?

— Много помню и многое узнал. Достаточно, чтобы увериться в том, что никакой я не убийца.

– Слава богу!

– Но вы же знали, что я не убийца?

– Да, сказала она. – Конечно. Знала. Я просто хотела сказать... ну я так рада, что вы это знаете! – Она медленно добавила: – Мне нравится, что вы спокойны. Таким вы должны быть всегда.

Он сказал ей очень ласково:

– Я вас люблю. Вы это знаете. Я хочу верить, что вы мой друг. Где фотографии?

Из уродливых резных часов со скрежетом вырвалась размалёванная птица и прокуковала половину. За это время он успел подумать, что скоро опять наступит ночь. Неужели

их опять ждут всякие ужасы? Дверца защёлкнулась, и Анна коротко ответила:

— Они у него.

— У кого?

— У брата. — Он все ещё держал в руках записку к продавцу молока. — Вы так любите до всего доискиваться, все выведывать... Первый раз, когда я с вами познакомилась, вы пришли в контору из-за кекса. Вы твёрдо решили докопаться до самой сути. Ну, вот теперь вы до неё добрались.

— Но он, казалось, так хотел мне помочь! Отвёл меня в тот дом..,

Она не дала договорить:

— Он инсценировал это убийство

и помог вам бежать. Но потом он решил, что спокойнее, если вас убьют. Тут уж виновата я: вы сказали, что посылаете письмо в полицию, и я ему передала.

— Зачем?

— Не хотела, чтобы он попал в беду за то, что вас попугал. Разве я могла допустить, что он пойдёт на все?

— Но и вы были в той комнате, куда я принёс чемодан, — ему было все труднее в этом разобраться. — Вас тоже чуть не убило.

— Да. Он не мог мне простить, что я позвонила вам к миссис Беллэйрс. Вы же сами ему об этом рассказали. Значит, я теперь против

него, во всяком случае когда дело идёт о вас. Он сказал, чтобы я туда пошла и уговорила не посылать письмо в полицию. А сам спрятался в другой комнате и стал ждать.

— Но вы остались живы, — сказал он с каким-то упрёком.

— Да. Благодаря вам. Мне далее дали испытательный срок. Ему не хотелось убивать сестру без крайней нужды. Он называет это родственным чувством. Я была опасна только из-за вас. Тут ведь не моя родина. Зачем бы я стала хотеть, чтобы к вам вернулась память? Вам без неё было так хорошо. Плевать мне на вашу Англию. Я хочу, чтобы вам было хорошо, и все. Беда в том,

что он это понимает.

Роу заупрямился:

— Нет, тут концы с концами не сходятся. Почему же я остался в живых?

— Он не любит пустой расточительности. Они все этого не любят. Вы их никогда не поймёте, если этого не усвоите. — Она повторила с иронией, как лозунг: — Максимум террора в минимальное время против наименьшего количества объектов.

Роу был растерян, он не знал, что думать. Ему преподали урок, который большинство людей усваивает очень рано: ничто в жизни не происходит, как этого ждёшь. Он

вспомнил о записке:

— Он хочет уехать?

— Да.

— И конечно, с фотографиями?

— Да.

— Мы должны его задержать. — В этом «мы», произнесённом впервые, он сказал ей все.

— Да.

— Где он сейчас?

— Здесь.

Как будто ты ломишься в открытую дверь...

— Здесь?

Она кивком показала на дверь в соседнюю комнату:

— Спит. Целый день договаривался с леди Данвуди

относительно сбора тёплых вещей.

— Но он нас, наверно, слышит?

— Что вы! — сказала она. — Там ничего не слышно, к тому же у него такой крепкий сон. Это тоже борьба с расточительством. Если у тебя крепкий сон, тебе не нужно много спать.

— Как вы его ненавидите! — удивился он.

— Он так испоганил все на свете. Он ведь тонкий, умный человек, а вот от всего остался один страх. Все, на что он способен, это нагонять страх.

— Где он?

— Там дальше — гостиная, а за ней его спальня.

— Могу я позвонить по телефону?

— Это опасно. Телефон в гостиной, а дверь в спальню открыта.

— Куда он едет?

— У него есть разрешение на поездку в Ирландию — для Свободных матерей. Пропуск нелегко было получить, но наши друзья подняли небо и землю! Леди Данвуди выхлопотала ему пропуск. Понимаете, он был так ей признателен за тёплые вещи... Он едет поездом сегодня ночью, — Потом она спросила: — Что вы собираетесь делать?

Он беспомощно оглянулся. На дубовом ларе стоял тяжёлый,

начищенный до блеска медный подсвечник; видно было, что стеарин никогда его не пачкал, Роу взял подсвечник и смущённо ей объяснил:

– Он попытался меня убить.

– Но он спит. Это тоже будет убийство,

– Я первый его не ударю.

– Он бывал таким ласковым, когда в детстве я разбивала себе коленки... Дети всегда расшибают коленки... Жизнь проклятая штука. Подлая...

Он поставил подсвечник на место.

– Нет, – сказала она. – Возьмите. Я не хочу, чтобы он причинил вам какой-нибудь вред. Ведь он всего-

навсего брат, правда? – спросила она с какой-то горечью. – Возьмите! Пожалуйста! – И когда он все же его не взял, она подняла подсвечник сама; лицо у неё было каменное, вышколенное, детское, но в его выражении было что-то напускное. Казалось, маленькая девочка пытается сыграть леди Макбет. И, глядя на неё, смертельно хотелось её уберечь, скрыть, что такие вещи бывают не только на сцене, но и в жизни.

Она повела его за собой, высоко держа подсвечник, словно репетируя роль: свечу зажгут на премьере. Все в этой квартире было уродливо, кроме неё. Это только подчёркивало, что

оба они здесь чужие. Тяжёлую мебель явно доставили прямо со склада или заказали по телефону со скидкой – гарнитур 56а из осеннего каталога. Только букетик цветов, несколько книг, газета и дырявый мужской носок свидетельствовали, что комнаты жилые. Носок заставил Роу замедлить шаги; он так наглядно рассказывал о длинных вечерах вдвоём, о двух людях, знающих друг друга много лет. Он впервые подумал: «Ведь это её брат должен умереть». Шпионов, как и убийц, вешают, значит, этого нужно повесить дважды. Он спит, а за стеной ему строят виселицу.

Они шли на цыпочках через

безликую комнату к приотворённой двери. Анна легонько толкнула створку рукой и отступила, чтобы он мог туда заглянуть. Это был известный жест женщины, которая показывает гостю спящего ребёнка.

Хильфе лежал на спине, без пиджака, ворот рубашки был расстегнут. Лицо выражало такой глубокий, безмятежный покой и такую беззащитность, что казалось невинным. Его светлوزолотистые волосы влажной прядью упали на щеку, словно он притомился от игры и заснул. Какой он был молодой! Лёжа тут, он казался выходцем совсем из другого мира, чем залитый кровью у зеркала Кост или Стоун в

смирительной рубашке. Так и хотелось поверить: «Это пропаганда, лживая пропаганда, он не способен...» Лицо показалось Роу необычайно красивым, гораздо красивее, чем у сестры, которую могли изуродовать горе или жалость. Глядя на спящего, он мог отдалённо представить себе, в чем обаяние нигилизма, полного безразличия ко всему, отрицания всяких нравственных норм и неспособности любить. Жизнь для таких очень проста... Хильфе читал перед сном — на постели лежала книга, и одной рукой он ещё придерживал страницу; все это было похоже на надгробие молодому студенту: нагнувшись,

можно было прочесть эпитафию, выбитую на мраморном листе. Это были стихи:

Derm Orpheus ist's. Seine
Metamorphose
in dem und dem. Wir sollen
uns nicht tnflhn um andere
Namen. Ein fur alle Male
ist's Orpheus, wenn es singt...
[\[1\]](#)

Ладонь прикрывала остальные строки.

Роу показалось, что в этой фигуре собрана вся жестокость, все насилие на земле. И покуда он спит, всюду царит мир.

Под их взглядами Хильфе проснулся. Люди обычно выдают себя, пробуждаясь: иногда они просыпаются с криком, как от дурного сна; иногда ворочаются с боку на бок, мотают головой и стараются зарыть её в подушку, словно боясь встретиться с явью. Хильфе проснулся сразу, глаза его на секунду зажмурились, как у ребёнка, когда нянька раздвигает шторы и комнату заливают свет, потом широко открылись, и он поглядел на них с полнейшим самообладанием. Светлоголубые глаза выражали трезвое понимание того, что произошло, — тут нечего было объяснять. Он улыбнулся, и Роу поймал себя на том,

что ему хочется улыбнуться в ответ. Это был трюк, к которому прибегают мальчишки, — они вдруг признаются во всем, и проказа их кажется не страшной, не стоящей серьёзного нагоняя... Когда враг сдаётся на милость победителя, его легче простить, чем таить на него зло. Роу не очень твёрдо спросил:

— Где фотографии?

— А, фотографии... — протянул Хильфе, не скрывая улыбки. — У меня. — Он должен был понимать, что все кончено, включая жизнь, но продолжал шутить, по-прежнему пересыпая речь старомодными поговорками, превращая её в забавный танец цитат. — Идёт! Я

водил вас за нос. А теперь мне крышка. — Он поглядел на подсвечник, который держала сестра, весело сказал: «Сдаюсь!» — и откинулся на подушки, словно они втроём играли в какую-то игру,

— Где они?

— Давайте заключим сделку. Давайте меняться, — предложил Хильфе, словно мальчишка, который меняет заграничные марки на леденцы.

— Зачем мне с вами меняться? — спросил Роу. — Вы проиграли.

— Сестра вас очень любит, да? — он не желал относиться к своему положению серьёзно. — Неужели вам хочется погубить своего шурина?

– Вы же хотели погубить вашу сестру, Хильфе равнодушно отмахнулся:

– Тут была трагическая необходимость. – И вдруг так заразительно улыбнулся, что вся история с чемоданом и бомбой стала казаться совершеннейшим пустяком. Он явно обвинял их в отсутствии чувства юмора – разве такую чепуху принимают близко к сердцу? – Давайте вести себя как разумные, интеллигентные люди. Поставь подсвечник, Анна, я не могу напасть на тебя, даже если бы захотел. – Он и не подумал встать, словно подчёркивал свою беззащитность.

– Нам не о чем договариваться, –

сказал Роу. – Я хочу получить фотографии, а потом полиция вас арестует. Вы не предлагали никаких условий Стоуну или... Джонсу.

– Ну, об этом я ничего не знал, – сказал Хильфе. – Не могу же я отвечать за все, что делают наши. Это глупо. – Он вдруг спросил: – Вы любите стихи, Роу? Вот поэма, которая будто специально про меня написана. – Он сел, поднял книгу, но тут же её отбросил. В руке его был револьвер. Он сказал: – Стойте, не двигайтесь. Как видите, нам ещё есть о чем поговорить.

– А я как раз думал, где вы его прячете.

– Теперь мы можем

поторговаться. Мы ведь оба рискуем остаться без головы.

— Я никак не пойму, что вы можете мне предложить. Уж не воображаете ли вы, что вам удастся застрелить нас двоих, а потом сбежать в Ирландию? Стены тут тонкие, как бумага. Все знают, что вы снимаете эту квартиру. Полиция схватит вас в порту.

— Но если мне все равно не жить, я могу хотя бы устроить маленькую Варфоломеевскую ночь, а?

— Ну это уже расточительство.

Хильфе отнёсся к его возражению серьёзно, но потом с улыбкой сказал:

– Верно, но зато как это будет здорово!

– Мне, в общем, все равно, лишь бы вас задержали. И если вы меня убьёте, это только ускорит дело,

Хильфе воскликнул:

– Неужели к вам вернулась память?

– Не понимаю, какая тут связь.

– Прямая. У вас ведь замечательная биография. Я её пристально изучал, так же как Анна. Она мне объяснила то, чего я вначале не понял, когда Пул рассказал,

что вы собой представляете. И о комнате, в которой вы жили, и что вы за человек. Вы ведь из той породы людей, с которыми мне нетрудно

справиться. Но когда вы потеряли память, все пошло вкривь и вкось. Со всеми вашими бреднями насчёт героинства, самопожертвования, патриотизма... – Хильфе скорчил забавную гримаску. – Давайте договоримся. Моя безопасность – за ваше прошлое. Я расскажу, кем вы были. Безо всякого жульничества. Укажу вам источники, где вы можете навести справки. Но этого не потребуется. Рассудок подскажет вам, что я ничего не выдумываю.

– Он врёт, – сказала Анна. – Не слушайте его.

– Ага, она не хочет, чтобы я вам рассказывал. Неужели вам не любопытно? Видите, она

предпочитает вас таким, какой вы есть, а не таким, каким вы были.

— Мне нужно только одно: отдайте фотографии.

— Вы можете почитать о себе в газетах. Вы ведь были довольно знаменитой персоной. Анна боится, что вы зазнаетесь и решите, что она вам не пара.

Роу сказал:

— Если вы отдадите мне фотографии...

— И открою вам ваше прошлое?..

Он, кажется, почувствовал, что Роу взволнован. Чуть-чуть передвинув локоть, Хильфе на мгновение отвёл взгляд. Анна взмахнула подсвечником и ударила

его по руке; треснула кость — и револьвер упал на одеяло. Анна подобрав его, сказала:

— Теперь вам нечего вступать с ним в сделки.

Хильфе стонал и корчился от боли, лицо его побелело. У обоих не осталось в лице ни кровинки. На секунду Роу показалось, что она сейчас упадёт на колени, положит голову брата себе на плечо, отдаст, револьвер.

— Анна, — прошептал Хильфе. — Анна...

— Вилли, — сказала она, качнувшись.

— Дайте мне револьвер, — попросил Роу.

Она взглянула на него как на чужого, которому нечего делать в этой комнате; её слух был поглощён плачем, доносившимся с кровати. Роу протянул руку, и она попятилась к брату.

— Выйдите, — сказала она. — И подождите. Выйдите. — Боль сделала их похожими на близнецов. Она наставила на Роу револьвер: — Выйдите.

— Только не давайте себя уговорить. Он чуть не стал вашим убийцей, — сказал Роу, но, видя такое семейное сродство, почувствовал, что его слова звучат фальшиво.

— Молчите, пожалуйста, не то будет только хуже, — сказала она. На

лицах у обоих выступил пот.

Роу чувствовал свою
беспомощность.

— Обещайте, что не дадите ему
уйти, — сказал он. Она передёрнула
плечами:

— Обещаю.

Когда он вышел, она прикрыла
дверь и заперла её на ключ.

Долгое время он ровно ничего
не слышал, только раз хлопнула
дверь шкафа и звякнула посуда. Он
решил, что Анна перевязывает
Хильфе руку; надо думать, что теперь
он никуда не денется, бежать не
сможет. Роу подумал, не позвонить
ли мистеру Прентису и не попросить
ли, чтобы полиция окружила дом, —

его ведь больше не манила слава; страсть к приключениям прошла и оставила только сострадание к чужой боли. Но ему показалось, что он связан обещанием Анны; он должен ей доверять, если хочет жить дальше.

Четверть часа ползли медленно; в комнате стало темнеть. Из спальни доносились тихие голоса; его охватила тревога. Хильфе, наверно, её уговаривает. Роу вдруг почувствовал мучительную ревность; они так похожи, а за ним заперли двери, как за чужим. Он подошёл к окну, слегка приподнял маскировку и поглядел на темнеющий парк. Ему нужно ещё так много вспомнить; эта

мысль пугала его после двусмысленных намёков Хильфе.

Дверь отворилась, и, когда Роу опустил маскировку и зажёл свет, он понял, как было темно. Анна, держась очень прямо, подошла к нему и сказала:

– Вот. Возьмите. Тут то, что вам нужно.

Лицо её стало очень некрасивым оттого, что она сдерживала слезы; эта некрасивость привязывала его к ней больше, чем чужая красота; не совместное счастье заставляет любить, а совместное горе, подумал он, словно сделал какое-то открытие.

– Почему же вы их не берете, ведь я для вас их достала.

Он взял маленький ролик, не чувствуя ни малейшего торжества.

– А где он?

– Он вам больше не нужен. С ним теперь все кончено.

– Почему вы его отпустили? – спросил он. – Вы же обещали.

– Ах ты, боже мой, – как-то неопределённо сказала она, – Мне же надо было ему за это заплатить.

Он принялся осторожно развёртывать ролик; ему не хотелось его показывать.

– Но ему не за что было платить, – сказал он и протянул ей ладонь, на которой лежал ролик. – Я не знаю, что он вам сказал, но дал он вам не то.

– Он поклялся, что вам нужно именно это. Откуда вы знаете, что это другое?

– Я не знаю, сколько они отпечатали копий. Может, это единственная, а может, их целая дюжина. Но я знаю, что негатив существует только один.

Она спросила печально:

– А это не он?

– Нет.

III

– Не знаю, на что он с вами менялся, но он вас обманул.

– Больше не буду, – сказала она. – За что бы я ни взялась, ничего

у меня не выходит. Теперь поступайте, как знаете.

– Вам придётся мне сказать, где он.

– Я надеялась, что смогу сохранить вас обоих. Мне все равно, что будет с другими. Хуже ведь быть не может, чем было всегда, правда? А ведь этот проклятый шар все-таки существует!.. Но вы, он... – она села на соседний стул – жёсткий, полированный, уродливый стул с прямой спинкой; ноги её не доставали до пола. – Паддингтонский вокзал, семь двадцать. Он сказал, что больше никогда не вернётся. Я решила, что тогда вы сможете жить спокойно.

— Ну, я могу за себя постоять! — сказал он, но, поймав её взгляд, подумал, что, кажется, не так её понял. — Где он спрятал плёнку? В порту его, правда, обыщут.

— Не знаю. Он ничего с собой не взял.

— А трость?

— Нет. Только надел пиджак, не взял даже шляпы, Наверно, она у него в кармане.

— Мне придётся поехать на вокзал.

— Почему вы не хотите, чтобы этим занималась полиция?

— Пока я разыщу, кого нужно, и все ему объясню, поезд уйдёт. Если я не найду его на вокзале, тогда я

позвоню в полицию. — У него возникло сомнение: — Но если он сказал, что едет на вокзал, значит, его там не будет.

— Нет. Мне он этого не говорил. Я бы ему не поверила. Так было задумано с самого начала. Иначе ему отсюда не выбраться. — Она увидела, что Роу колеблется: — Почему полиция не может встретить поезд там, куда он едет? Зачем вам вмешиваться в это самому?

— А если он выйдет где-нибудь по дороге?

— Вы не должны идти туда один. Он вооружён. Я отдала ему револьвер.

Он вдруг захохотал:

– Господи! Ну и натворили вы бед.

– Я хотела дать ему хоть маленькую возможность уйти.

– Положим, револьвер вашему брату теперь не очень поможет, разве что ему удастся убить ещё несколько ни в чем не повинных людей.

Она выглядела такой маленькой и затравленной, что долго сердиться на неё было нельзя.

– Там только одна пуля, – сказала она. – Он её прибережёт для себя.

– Вы оставайтесь дома, – сказал Роу. Она кивнула:

– До свидания.

– Я очень скоро вернусь. – Она

промолчала. — И тогда мы попробуем начать жизнь сначала. — Анна как-то натянуто улыбалась, словно это не он нуждался в поддержке и в утешении, а она. — Он меня не убьёт.

— Я не этого боюсь.

— А чего же?

Она поглядела на него почти с материнской нежностью, словно они уже пережили влюблённость и у них началась более зрелая пора:

— Я боюсь, что он будет болтать.

Роу пошутил уже у двери:

— Ну, меня он болтовнёй не проймёт! — Но всю дорогу вниз по лестнице он думал о том, что, кажется, опять её не понял.

Прожектора шарили высоко над

парком; пятна света плавали по небу, как облака. Вся улица пропиталась кухонными запахами – люди рано готовили ужин, чтобы поесть до первой тревоги. У входа в убежище дружинник зажигал «летучую мышь». Он сообщил Роу: «Подняли жёлтый». Спички у него гасли, он не умел зажигать фонарь и к тому же нервничал – слишком много выстоял одиноких дежурств на пустынных улицах; ему хотелось поговорить. Но Роу спешил, ему было некогда.

С другой стороны моста была стоянка такси – одна машина ещё не уехала.

– Куда вам? – спросил шофёр, нерешительно поглядывая на небо,

на световые квадраты между редкими звёздами, на тусклый, едва различимый аэростат. — Э, да ладно, рискну. Там будет не хуже, чем тут.

— Может, налёта не будет.

— Подняли жёлтый, — сказал шофёр, и старенький мотор затарахтел.

Они поехали по Слоэйн-стрит и Найтсбриджу в парк, а оттуда по Бейсуотер-роуд. Изредка встречались пешеходы, торопившиеся домой — автобусы быстро скользили мимо светофоров; подняли жёлтый; пивные были переполнены. Люди подзывали с тротуаров такси; когда машина задержалась перед красным светом, пожилой джентльмен в

котелке быстро открыл дверцу:

— Ах, извините... Я думал, что такси свободно. Вы едете к Паддингтону?

— Садитесь, — предложил Роу.

— Хочу попасть на семь двадцать. — Незнакомец с трудом отдышался. — Вот повезло! Как раз успеем,

— Я тоже хочу на него попасть, — сказал Роу,

— Подняли жёлтый.

— Да, слышал.

Такси, дребезжа, двигалось вперёд в сгущающейся темноте.

— В вашем районе сбрасывали вчера фугасы? — спросил седой джентльмен.

– Нет, по-моему, нет.

– Возле нас упали три. Уже пора поднимать красный.

– Да.

– Жёлтый подняли минут пятнадцать назад, – и он сверился с часами, словно высчитывая время между остановками скорого поезда. – Ага, вот, кажется, заработала зенитка. Пожалуй, в той стороне, за устьем реки.

– Я не слышал.

– Теперь уже осталось минут десять, не больше, – сказал пожилой джентльмен, держа в руке часы. Такси свернуло на Пред-стрит. Они проехали туннель и остановились. По затемнённому вокзалу сновали,

спасаясь от еженощной смерти, владельцы сезонных билетов; в строгом молчании, зажав в руках портфели, они торопливо ныряли в проходы к пригородным поездам; носильщики стояли в сторонке, наблюдая за этим шествием с ироническим превосходством. Им льстило, что они — постоянная мишень бомбардировщиков.

Длинный поезд тёмным силуэтом тянулся вдоль первой платформы, книжные киоски были закрыты, а шторы в большинстве купе опущены. Все это для Роу было внове и в то же время чем-то знакомо. Стоило ему это увидеть, и в памяти стали всплывать знакомые

образы. Это была та жизнь, которую он знал.

С платформы не было видно, кто сидит в поезде; ни одно купе не желало открывать своих тайн. Даже если бы шторы были подняты, синие лампочки все равно давали слишком мало света, чтобы разглядеть, кто под ними сидит. Роу был уверен, что Хильфе поедет в первом классе; будучи эмигрантом, он жил в долг, а как другу и советчику леди Данвуди ему полагалось путешествовать с шиком.

Он прошёл по коридору первого класса. Народу в купе было немного — только самые храбрые владельцы сезонных билетов так поздно

задерживались в Лондоне. Роу заглядывал в каждую дверь, встречая встревоженные взоры синеватых призраков.

Состав был длинный, и, когда он дошёл до последнего вагона первого класса, носильщики уже захлопывали двери в начале поезда. Роу так привык к неудачам, что удивился, когда, отодвинув дверь, сразу увидел Хильфе.

Хильфе был в купе не один. Напротив сидела старая дама, которая, заставив его сложить руки люлькой, наматывала на них шерсть, и теперь на Хильфе были надеты наручники из толстой, сальной и грубой пряжи для матросских

носков. Правая рука не сгибалась, — запястье было забинтовано и положено в самодельный лубок, и на все это старая дама наматывала и наматывала шерсть. Зрелище показалось Роу нелепым и жалким, он видел оттопыренный карман, где лежал револьвер, а во взгляде, который бросил на него Хильфе, не было ни дерзости, ни насмешки, ни злобы, в нем читалось только унижение. Ничего не поделаешь, Хильфе всегда пользовался успехом у старых дам.

— Пожалуй, нам приятнее будет поговорить в другом месте, — сказал Роу.

— Она глухая, — сказал Хильфе, —

глухая как тетерев.

— Добрый вечер, — сказала дама, — Говорят, что уже подняли жёлтый.

— Да, — подтвердил Роу.

— Безобразие, — сказала дама, продолжая наматывать шерсть.

— Отдайте негатив, — сказал Роу.

— Анна должна была задержать вас подольше, Я же просил её дать мне время. В конце концов, это было бы лучше для нас обоих, — добавил он с унынием.

— Вы слишком часто её обжуливали, — сказал Роу. Он сел рядом и стал смотреть, как нитки ложатся друг на друга.

— Что вы собираетесь делать?

– Подожду, пока поезд пойдёт, а потом дёрну стоп-кран.

Вдруг где-то поблизости грохнули орудия – один, два, три раза. Старая дама глянула вверх, словно услышала какой-то невнятный звук, вторгнувшийся в её тишину. Роу сунул руку в карман Хильфе и переложил револьвер к себе.

– Если вы хотите курить, мне это не мешает, – сказала старая дама.

– Нам надо переговорить, – сказал Хильфе.

– Нам не о чем разговаривать.

– Что им даст, если они схватят меня, а фотографий так и не получают?

Роу начал было объяснять:

– Сами по себе фотографии для них не важны. А вы... – Но тут же подумал: нет, важны. Откуда я знаю, что Хильфе их кому-то не передал? Если он их куда-нибудь спрятал, он мог договориться о тайнике с другим агентом... если их и найдёт кто-нибудь посторонний, они могут пропасть. – Хорошо, поговорим, – сказал он. В этот миг над Паддингтоном оглушительно заревела сирена. На этот раз зенитки затакали где-то очень далеко – шум был похож на удары кожаной перчатки по гандбольному мячу, – а старая дама все наматывала и наматывала шерсть. Роу вспомнил

слова Анны: «Я боюсь, что он будет болтать», и увидел, как Хильфе, поглядев на шерсть, вдруг улыбнулся, словно жизнь все ещё могла вызвать у него недобрый смех.

— Я все ещё согласен меняться, — сказал он.

— На что вы можете меняться?

— Да и вам хвастать особо нечем.

Вы же не знаете, где фотографии.

— Интересно, скоро ли завоюют сирены, — сказала старая дама. Хильфе пошевелил кистями рук, обмотанными шерстью.

— Если вы мне вернёте револьвер, — сказал он, — я вам отдам фотографии.

— Если вы можете их отдать,

значит, они у вас. Зачем же мне с вами торговаться?

– Вы хотите мне отомстить? Что поделаешь! Я-то думал, что вам неприятно впутывать в это дело Анну. Не забудьте, она дала мне бежать...

– Вот, – прервала его старая дама. – Мы почти кончили.

Хильфе продолжал:

– Может, её и не повесят. Это, конечно, зависит от моих показаний. Наверно, она отделается заключением в лагере до конца войны, а потом высылкой, если вы войну выиграете. С моей точки зрения, – сухо сообщил он, – вы это имейте в виду, она предательница.

– Отдайте фотографии, тогда будем разговаривать. – Слово «разговаривать» было первой уступкой. Роу уже мучительно продумывал длинную цепь лжи, которую он сплетёт для мистера Прентиса, чтобы спасти Анну.

Поезд задрожал от взрыва, старая дама сказала:

– Слава богу, наконец-то мы трогаемся. – Наклонившись к Хильфе, она освободила его руки. Хильфе сказал с тайной завистью:

– Вот кому, наверно, весело, так это им наверху!

Он был похож на смертельно больного человека, который прощается с земными радостями; он

не испытывал страха, только обиду. Ему самому не удалось побить рекорд злодейства. Погибло всего пять человек, разве это цифра по сравнению с тем, чем могут похвастать те, наверху? Сидя тут, под синей лампочкой, он витал где-то далеко, тёмный дух его искал себе товарищей там, где убивают.

– Ну, давайте, – сказал Роу.

Неожиданное благодушие
Хильфе его насторожило. Видно, тот
не совсем потерял надежду. Но на
что? На бегство? На новые убийства?
Хильфе дружески положил руку на
колени Роу:

– Хотите, я верну вам память?

– Я хочу только одного: отдайте

фотографии.

— Не здесь. Не могу же я раздеться в присутствии дамы. — Он встал. — Давайте лучше выйдем из поезда.

— Вы уходите? — спросила старая дама.

— Мы с приятелем решили провести ночь в городе и поглядеть на эту потеху.

— Вот беда, — невпопад отозвалась дама, — носильщики вечно все путают.

— Вы были так добры, — поклонился ей Хильфе, — что ваша доброта меня обезоружила.

— Спасибо, я теперь прекрасно справлюсь сама.

Хильфе шёл так, будто он сам командовал своей сдачей в плен. Он гордо шагал по платформе, а Роу следовал за ним, как его лакей. Погоня кончилась, беглецу было некуда скрыться. Сквозь крышу без стёкол видны были красные звёздочки разрывов, они вспыхивали и гасли, как спички. Раздался свисток, и поезд медленно тронулся, покидая тёмный вокзал; казалось, он спасается украдкой; за его отходом следили только они двое и несколько носильщиков. Буфеты были закрыты, на пустой платформе сидел пьяный солдат и в одиночестве блевал себе под ноги.

Хильфе повёл Роу по ступенькам

вниз в уборную, там было совсем пусто, даже служитель ушёл в убежище. Орудия грохотали, кругом был только запах дезинфекции, сероватые раковины и маленькие объявления о лечении венерических болезней. Приключение, которое рисовалось ему таким героическим, заканчивалось в мужском сортире. Хильфе поглядел в зеркало и пригладил волосы.

— Что это вы делаете? — спросил Роу.

— Прощаюсь. — Он снял пиджак, словно собираясь умыться, и кинул его Роу. Тот увидел марку портного, вышитую шёлком: «Паулинг и Кростуэйт». — Фотографии в плече. —

Плечо было проложено ватой. – Дать нож? Можете получить свой собственный, – и Хильфе протянул Роу его школьный перочинный нож.

Роу вспорол плечо и вынул оттуда ролик плёнки, разорвал бумагу, которой он был заклеен, и вытащил кончик негатива.

– Да, – сказал он. – Это то, что нужно.

– Ну а теперь давайте револьвер.

– Я ничего не обещал, – сказал Роу раздельно.

– Но вы мне его дадите? – спросил Хильфе с тревогой.

– Нет.

Хильфе вдруг испугался.

– Послушайте, да это просто

мерзопакость! — воскликнул он, употребляя, как всегда, устарелое словечко,

— Вы слишком много жульничали.

— Ну рассудите сами. Вы думаете, что я хочу сбежать. Но поезд ушёл. Или боитесь, что я могу вас безнаказанно убить на Паддингтонском вокзале? Да мне не дадут пройти и ста шагов.

— А зачем тогда он вам нужен?

— Я хочу убежать много дальше, чем вы думаете.

И он сказал совсем тихо: — Я не хочу, чтобы меня пытали. — Он наклонился вперёд, и в казённом зеркале за его спиной отразился

пушистый хохолок, который он не успел пригладить.

— У нас не пытаются заключённых.

— Да ну? И вы в это верите? Вы думаете, что уж так не похожи на нас?

— Да.

— Я бы за это не поручился. Я-то знаю, что мы делаем со шпионами. Они понадеются, что заставят меня говорить, и они заставят меня говорить... — Хильфе снова произнёс мальчишескую фразу: — Нет уж, давайте лучше меняться! — Трудно было поверить, что он виновник стольких смертей. Он настойчиво уговаривал: — Роу, я верну вам память. Никто другой этого не сделает.

– Анна.

– Она никогда ничего вам не скажет. Что вы, Роу! Она ведь и отпустила меня, потому что я грозился... вам все рассказать. Она хочет, чтобы вы остались таким, как сейчас...

– Неужели у меня такое тёмное прошлое? – шутливо спросил Роу, но он чувствовал страх и непреодолимое любопытство. Дигби нашёптывал ему, что наконец-то он сможет стать полноценным человеком, голос Анны его предостерегал. Он знал, что это решающая минута его жизни, – ему предстояло подарить столько забытых лет, плоды двадцатилетнего жизненного опыта.

Грудь его должна была раздаться, распереть ребра, чтобы вместить такое богатство; он машинально уставился на какое-то объявление и прочёл: «Лечение гарантирует от огласки...» Где-то на краю сознания слышался грохот заградительного огня.

Хильфе скорчил ему гримасу:

– Тёмное? Что вы, оно просто грандиозно! Роу грустно покачал головой:

– Револьвера я вам не дам.

И вдруг Хильфе захохотал, в голосе его звучали истерические нотки.

– Я хотел вас пощадить! – с ненавистью закричал он. – Если бы

вы отдали револьвер, может, я вас и пожалел бы. Застрелился бы, и все. Ну а теперь... – голова его дёргалась перед дешёвым зеркалом, – теперь я вам выложу все даром.

– Я не хочу ничего слушать, – сказал Роу и отвернулся. Сверху по лестнице скатился низенький человек в старом-престаром коричневом котелке и кинулся к писсуару. Котелок лез ему на самые уши, словно кто-то с силой его нахлобучил.

– Ну и ночка, – сказал он, – ну и ночка.

Он был бледен, лицо его выражало испуг и негодование. Когда Роу дошёл до лестницы, на землю

тяжело упала бомба. Человечек стал поспешно застёгивать брюки; он пригнулся, словно ему хотелось сделаться ещё меньше. Хильфе сел на край умывальника, прислушиваясь к тому, что творится снаружи, и тоскливо улыбался, словно в последний раз слушал голос навсегда уходящего друга. Роу стоял на нижней ступеньке, над его головой загромыхал экспресс; маленький человечек ещё ниже пригнулся. Грохот стал стихать, а потом под ногами дрогнула земля. Снова наступила тишина, если не считать шелеста падающей по ступеням извёстки. И почти сразу же засвистела вторая бомба. Они ждали,

замерев как перед объективом: один сидя, другой присев, третий стоя. Если эта бомба разорвётся ближе, она должна их уничтожить. Но и она пролетела мимо, свист стих, бомба разорвалась немножко дальше.

— Хоть бы они перестали, — взмолился человек в котелке, и, словно в ответ, во всех писсуарах хлынула вода. Пыль висела облачком над ступеньками, и запах раскалённого металла заглушал вонь аммиака. Роу стал подниматься по лестнице.

— Куда вы пошли? — спросил Хильфе. Он истерически выкрикнул: — В полицию? — И, когда Роу ничего не ответил, он отошёл от

умывальника: – Вы не можете уйти, пока я не расскажу о вашей жене.

– О моей жене? – Роу спустился обратно. – Теперь он уже не мог спастись бегством, среди умывальников его ждали потерянные годы жизни. Он спросил, больше ни на что не надеясь:

– Я женат?

– Были женаты. Вы ещё не помните? Вы её отравили. – И он снова захихикал. – Вы отравили вашу Алису.

– Кошмарная ночь, – сказал человек в котелке; он не слышал ничего, кроме тяжёлого, прерывистого гудения бомбардировщика.

– Вас судили за убийство и отправили в сумасшедший дом. Можете сами прочесть в газетах, я вам укажу числа.

Человечек повернулся к ним и, жалобно разведя руками, слезливо спросил:

– Попаду я когда-нибудь в Уимблдон?

Облако пыли вдруг засветилось ярким белым светом, а сквозь крышу вокзала с выбитыми стёклами красиво мерцали вспышки разрывов.

Это был уже не первый налёт, который переживал Роу; он слышал, как миссис Пурвис спускается в убежище со своей постелью: на

стене висела «Неаполитанская бухта», а на полке лежала «Лавка древностей». Гилфорд– стрит приветственно протягивала ему свои тощие руки – он снова был дома. Он подумал: что ещё разрушит эта бомба? Может быть, если повезёт, она снесёт цветочный магазин возле Мраморной арки, бар на Аделаид-кресцент или угол Квебек-стрит, где я прождал столько часов, столько лет... Как много ещё надо разрушить, прежде чем наступит мир.

– Что ж, теперь идите к Анне, – услышал он смеющийся голос и увидел сквозь синеватую мглу человека возле умывальника. – Она надеется, что вы никогда не

вспомните. — Роу оглянулся и увидел на лицах в переполненном зале суда выражение убийственной жалости; судья опустил голову, но Роу мог прочесть жалость даже в его старых пальцах, вертевших карандаш. Ему захотелось предостеречь их: не жалейте меня. Жалость жестока. Жалость губит. Любовь под угрозой, когда рядом бродит жалость.

— Анна... — слышался снова голос, но его заглушил другой голос, который жалобно произнёс откуда-то издалека, почти из подсознания: «А я ведь мог попасть на поезд в шесть десять». Чудовищный процесс восстановления разорванных связей продолжался. Религия когда-то

внушала ему необходимость покаяния, но покаяние нужно только тебе самому. Ведь никакая молитва не может искупить вину перед мёртвым. Мёртвые недостижимы для убийцы. А спасти свою собственную душу ему было неинтересно.

– Что вы собираетесь делать? – спросил голос.

В голове его мутилось от долгой дороги, которую он прошёл, словно он шагал по бесконечному коридору навстречу своему двойнику, которого звали Дигби.

Голос произнёс:

– Становится тише. Как повашему? Другой перебил его:

– Что вы собираетесь делать?

Все это было похоже на загадочную картинку в детском журнале: вы вглядываетесь в неё и видите вазу, с цветами, потом угол зрения меняется, и вы видите кон»

туры человеческих лиц. Обе картинки мелькают, сменяя друг друга. Вдруг он совершенно ясно увидел Хильфе спящим — прелестную и трогательную оболочку человека, в которую вселился бес наглости и жестокости. Он ведь и в самом деле брат Анны. Роу пошёл к умывальникам и сказал тихо, чтобы его не услышал человек в котелке:

— Ладно. Я отдам. Берите.

И быстро сунул револьвер в руку

Хильфе.

— Пожалуй, постараюсь добежать. Ей-богу, добегу. Как вы думаете, сэр? — слышался голос за спиной.

— Ступайте! — резко прикрикнул на него Хильфе. — Ступайте!

— Вы так считаете? Да... пожалуй... — Слышалось торопливое шарканье по ступенькам, и снова наступила тишина.

— Я бы, конечно, мог вас сейчас убить, — сказал Хильфе. — Но зачем? Я этим только оказал бы вам услугу. А сам сдался бы на милость ваших душегубов. Но как я вас ненавижу!

— Правда? — он не думал о Хильфе. Мысли его по-прежнему

были заняты теми двумя, кого он любил и жалел. Ему казалось, что он погубил их обеих.

— Все шло так хорошо, пока вы не вломились, как бык, — сказал Хильфе. — С чего это вам взбрело в голову пойти к гадалке? Будто у вас может быть будущее!

— Нет, не может. — Теперь он отчётливо помнил благотворительный базар, помнил, как он шёл вдоль ограды и слушал музыку... А миссис Беллэйрс сидела в шатре за занавеской.

— И как раз напасть на ту самую фразу, — сказал Хильфе: — «Не говорите мне о прошлом. Расскажите о будущем».

Ага, там был и Синклер. Он вспомнил с беспокойством старую машину на мокром от дождя гравии. Надо поскорее позвонить Прентису. У Синклера тоже, наверно, была копия.

— А в довершение всего Анна. За каким чёртом вас вообще могла полюбить женщина? — Он паническим голосом крикнул: — Куда вы идёте?

— Мне нужно позвонить в полицию.

— Неужели вы мне не можете дать хотя бы пять минут?

— Нет, — сказал Роу. — Нет. Невозможно. — Процесс был завершён. Он стал тем, кем мечтал

быть Дигби, – цельным человеком. В его мозгу теперь хранилось все, чем он когда-либо обладал. Вилли Хильфе издал звук,

похожий на икоту. Он быстро пошёл к кабинкам, держа забинтованную руку на отлёте. Каменный пол был мокрый, он поскользнулся, но сохранил равновесие. Он начал дёргать дверь клозета, но она, конечно, была заперта. По-видимому, он растерялся; ему нужно было спрятаться в какую-нибудь дыру, чтобы его не видели... Он обернулся и умоляюще посмотрел на Роу:

– Дайте мне пенни.

Во всем городе сирены выли

«отбой»; звук этот шёл отовсюду, казалось, что воет даже пол уборной. Запах аммиака душил, словно и он был частью какого-то дурного сна. Напряжённое бледное лицо Хильфе молило о жалости. Опять эта жалость... Роу протянул Хильфе пенни, потом бросил монетку на пол и стал подниматься по ступенькам, он ещё не дошёл доверху, когда услышал выстрел. Назад он не пошёл, пусть Хильфе найдут другие.

IV

Можно отсутствовать год, но, когда ты вернёшься домой и за тобой захлопнется дверь, тебе покажется,

будто ты и не уходил. А можно вернуться через несколько часов, но все в твоей жизни до того изменилось, что ты почувствуешь себя чужим.

Здесь — он знал теперь — не его дом. Его дом на Гилфорд-стрит. Он надеялся, что там, где Анна, будет покой, но, поднимаясь второй раз по той же лестнице, понимал, что покоя уже не будет до самой смерти.

Дорога от Паддингтона до Баттерси даёт время подумать. Что ему делать, он решил задолго до того, как стал подниматься по лестнице. На память ему пришла фраза, сказанная Джонсом относительно Ведомства Страха. У него было такое

ощущение, будто он поступил туда на постоянную службу. Но не в то маленькое ведомство, которое подразумевал Джонс, с узкими целями: выиграть войну или изменить управление страной. Его ведомство было огромным, как жизнь, и к нему принадлежали все, кто любит. Если ты любишь — ты боишься. Вот о чем ещё запомнил окрылённый надеждами Дигби среди цветов и иллюстрированных журналов.

Дверь по-прежнему была не заперта, и у него даже мелькнула надежда, что Анна куда-нибудь убежала во время налёта и потеряна для него навсегда. Если любишь

женщину, не хочешь думать, что она весь остаток своих дней будет привязана к убийце.

Но Анна была здесь — не там, где он её оставил, а в спальне, где они вдвоём смотрели на спящего Хильфе. Она лежала на кровати, ничком уткнувшись в подушку и сжав кулаки. Он позвал её:

— Анна!

Она повернула голову, не поднимая её с подушки, — она плакала, и на лице у неё было отчаяние, как у ребёнка. Он почувствовал к ней глубочайшую любовь и глубочайшую нежность. Она хотела, чтобы он был невинным и счастливым. Она любила Дигби.

Нужно дать ей то, чего она хочет.

Он сказал мягко:

— Твой брат умер... Он застрелился. — Но лицо её даже не дрогнуло, словно все это не имело теперь никакого значения — вся эта жестокость, бессердечие и молодость ушли, не заслужив даже её внимания. Она спросила с мучительной тревогой:

— Что он тебе сказал?

— Он был мёртв, прежде чем я смог до него добежать. Как только он меня увидел, он понял, что другого выхода нет.

Лицо её разгладилось; осталась лишь опаска во взгляде, которую он замечал и раньше, словно она была

настороже, готовая его защищать. Он сел на кровать и положил руку ей на плечо.

— Моя дорогая, — сказал он, — моя дорогая... Как я тебя люблю.

Он давал зарок на всю жизнь, до самой смерти за них обоих. Оба они будут лгать, но знал об этом только он.

— И я, — сказала она. — И я.

Они долго сидели молча, как два путника, увидевшие наконец с вершины горы беспредельную и полную опасностей долину. Им придётся с оглядкой шагать по ней всю жизнь, взвешивая каждое слово; они не должны спускать глаз друг с друга, как враги, потому что они так

друг друга любят. Роу подумал, что в конце концов можно искупить свою вину перед мёртвой, если как следует пострадать ради живой.

Он неуверенно кинул пробный камень:

– Моя дорогая, моя дорогая, я так счастлив... – И сердце его переполнилось бесконечной нежностью, когда он услышал её быстрый, осторожный ответ:

– И я.

Ему показалось, что люди преувеличивают цену счастья.

1943 г.

Примечания

Ибо это Орфей. Его
превращения и в этом и в
том...

Нам незачем искать другие
имена.

Раз и навсегда – это Орфей,
когда поётся...

*Райнер Мария
Рильке. Сонеты*